

А. А. СПАСКИЙ

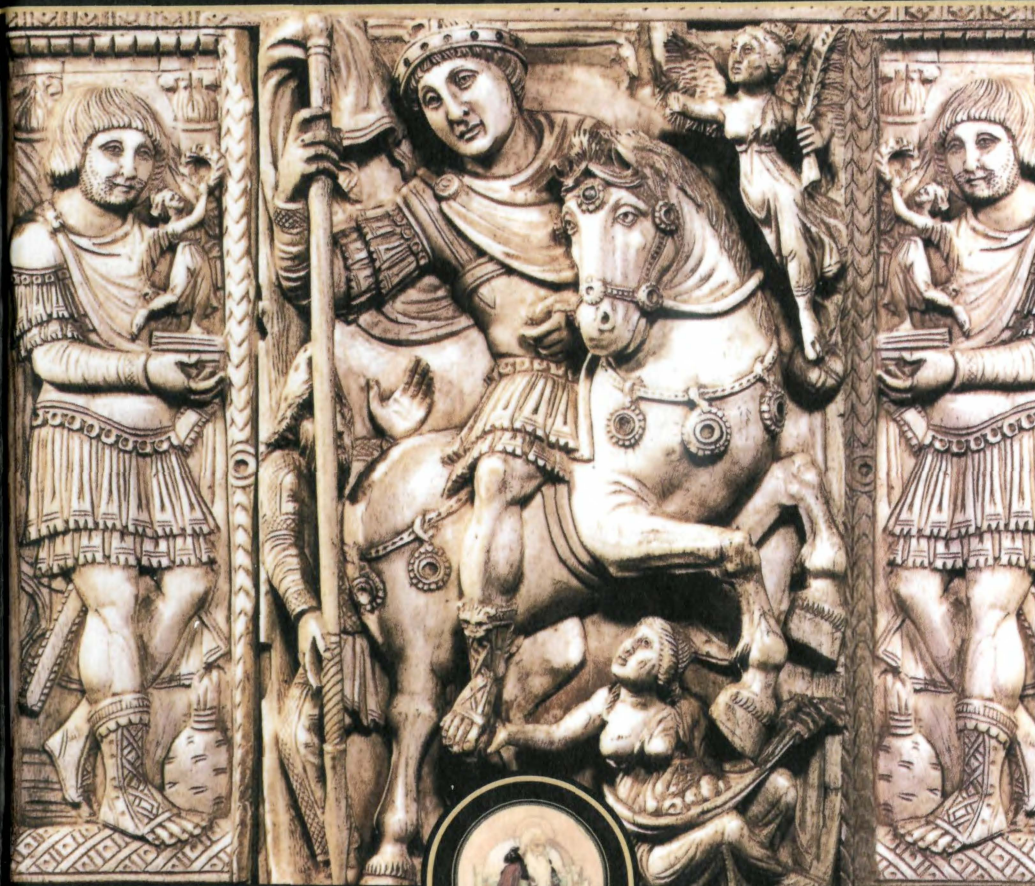
ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ
ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

в общедоступном изложении

БИБЛИОТЕКА
ХРИСТИАНСКОЙ
МЫСЛИ

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ
ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
А. А. СПАСКИЙ

БИБЛИОТЕКА
ХРИСТИАНСКОЙ
МЫСЛИ

исследования

Πίστει νοοῦμεν...
Верою разумеваем...

Евр. 11, 3

А. А. СПАССКИЙ

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Издание второе, исправленное

издательство
олега бышко

Санкт-Петербург
2009

УДК 94(4)•05/16»
ББК 63.3(4)4
С71

Спасский А. А.

С71 Лекции по истории западно-европейского Средневековья / А. А. Спасский. — 2-е изд., испр. — СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2009. — 288 с. — (Серия «Библиотека христианской мысли. Исследования»).

ISBN 978-5-903525-33-1

Анатолий Алексеевич Спасский (1866–1916) — замечательный русский историк древней Церкви, профессор Московской Духовной академии, ученик и преемник по кафедре знаменитого А. П. Лебедева. «Лекции по истории западно-европейского Средневековья» тематически охватывают период истории Римской империи от начала IV в. до возникновения крупных городских центров в эпоху феодализма (вплоть до XII в.). Подробно рассмотрены быт и союзы германских племен, возникновение варварских королевств в эпоху Великого переселения народов, история Франкского королевства и монархии Карла Великого. В книге убедительно показано, что только Церковь могла быть и в конечном итоге стала и опорой, и основой нового государственного строя Европы после разрушения Римской империи в результате нашествия варваров.

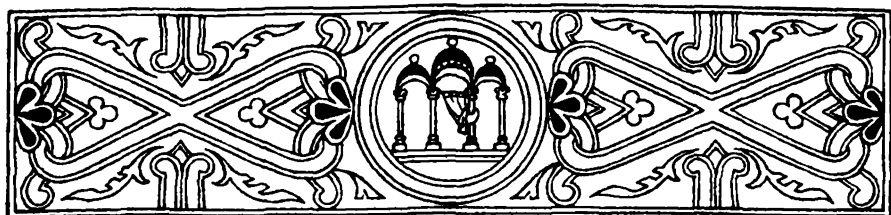
Как и все работы, вышедшие из-под пера А. А. Спасского, данные «Лекции» обладают всеми своими обычными достоинствами: высоким научным уровнем, интересным содержанием и прекрасным изложением.

Для всех интересующихся историей Церкви.

ISBN 978-5-903525-33-1

© «Издательство Олега Абышко» (СПб.), подготовка текста к изданию, художественное оформление, 2009

Лекции по истории западно-европейского Средневековья А. А. Спасского

«Ввиду недоумений, вызываемых у некоторых читателей, каким образом я, будучи профессором церковной истории, печатаю статьи не по своей *специальности*, и уж не перешел ли я на кафедру новой гражданской истории, я должен заявить, что первоначально я приглашен был в Академию на кафедру *новой гражданской истории*, на которой и оставался в течение трех лет, причем первую половину учебного года преподавал историю западно-европейского Средневековья с кратким очерком развития королевской власти во Франции за Средние века, во второе — историю византийского государства. Печатаемые по истории западно-европейского Средневековья статьи и являются результатом этих занятий»,¹ — писал А. А. Спасский уже после начала публикаций лекционного курса на страницах журнала «Богословский Вестник» за 1910 г. (№№2–12. Отдельное издание, под заглавием: *Сотерский А.* Общедоступные лекции по истории западно-европейского Средневековья. Сергиев Посад, 1910. Стр. II + 210). И действительно, выдающийся русский церковный историк Анатолий Алексеевич Спасский (1866–1916), занимавший кафедру древней церковной истории Московской Духовной академии с марта 1896 г. по осень 1915 г., по окончании в 1891 г. стипендиатского года в той же

¹ См. с. 173, прим. 1 наст. изд.

Академии, за отсутствием свободных кафедр поначалу был вынужден даже некоторое время преподавать философию в Подольской Духовной семинарии. Только в начале 1893/1894 учебного года, после прочтения 17 августа 1893 г. двух пробных лекций, он был избран на кафедру новой гражданской истории, которую и занимал 2,5 года — до конца 1895 г. Как и все работы, вышедшие из-под пера А. А. Спасского, данные «Лекции» обладают всеми своими обычными достоинствами: высоким научным уровнем, интересным содержанием и прекрасным изложением.

Это утверждение не является преувеличением. «Лекции» не просто читаются на одном дыхании, но и побуждают к основательным размышлениям о прочитанном и тщательному поиску дополнительного исторического материала, т. е. они пробуждают живой интерес к истории, причем интерес совершенно определенного свойства. Это не просто гражданская история западно-европейского Средневековья, но именно история глазами церковного историка, каковым А. А. Спасский всегда и оставался. Лейтмотивом всего лекционного курса служит та лишь внешне простая, но отчего-то постоянно забываемая целыми поколениями историков мысль, что только Церковь могла быть и в конечном итоге стала и опорой, и основой нового государственного строя Европы после разрушения Римской империи в результате нашествия варваров. «Что стало бы с Европой после вторжения варваров, — спрашивает английский историк Маколей, — если бы обломки древней цивилизации не нашли себе убежища в Церкви? Историки сравнивают переселение народов с потопом; Церковь была истинным ковчегом, который один, среди бурь и непроницаемой мглы, носился над бездной, готовый поглотить все, что древность произвела в науке и искусстве; Церковь в своем лоне сохранила то слабое зерно, плодом которого явилась новейшая цивилизация, более богатая и многосторонняя, чем цивилизация древняя».¹ Как отмечает Анатолий

¹ См. с. 111 наст. изд.

Спасский, «важное значение, какое получили предстоятели Церкви в последние времена Империи, под господством варваров не только не уменьшилось, но даже возвысилось. Прикрытые звериными шкурами, варварские короли, бывшие дотоле вождями дружины, исполнителями постановлений народного собрания, заняли теперь относительно покоренного населения положение римского императора и встали у сложной государственной машины, которой они вовсе не умели управлять. Их естественными советниками в данном случае могли оказаться только такие люди, как епископы, которым во всех подробностях было известно устройство этой машины и которые стояли во главе прежнего римского населения. Варварские короли и делают их духовными орудиями своего управления: они постоянно обращаются за советами и указаниями к епископам, к соборам духовенства по делам вовсе не церковного устройства, делают их судьями и свидетелями своих поступков, разбирателями своих споров и недоразумений... Являясь представителем начал порядка и законности и пользуясь для проведения их своим высоким положением и привилегиями, духовенство в то же время сохранило для последующих веков и то умственное богатство, какое нажито было классической древностью. Впоследствии, когда вместе с нравственным авторитетом у предстоятелей западного духовенства возросли и материальные средства, они обратились в могущественное сословие, получившее прежнее значение в судьбах Запада».¹ Зачастую необоснованно обвиняя христианскую Церковь во внутреннем разложении Римской империи, новейшие историки стараются всячески затушевать ту несомненную роль Церкви в сохранении государственности как таковой, со всеми вытекающими из этого «базиса» «надстройками». Но если из уст языческих историков IV–V вв. эти обвинения звучали хотя бы идеологически оправданными, да и будущего знать им было не дано, ибо поклонялись они ложным богам, не дающим знания истины, то сказать, чем

¹ См. с. 110–111 наст. изд.

был мотивирован Э. Гиббон в своих обличениях христианства (см. его многотомную «Историю упадка и разрушения Римской империи») — это вопрос, на самом деле, не очень сложный. В лучшем случае — «усталостью» от христианства в его тогдашней мертвенной форме, в худшем — активной неприязнью к самому духу христианства, вечно живому и животворящему. Но тогда и вопрос о мотивации звучит уже по-другому: не чем, а кем был пленен Гиббон. Не имея внутренней силы, его концепция, тем не менее, притягательна из-за блестящих стилистических и логических способностей этого историка, а также из-за богатства привлекаемого им исторического материала. Но, право же, разве форма может рождать содержание, тем более, старая форма — новое содержание? Гиббон — талантлив, никто об этом и не спорит. Но считать его за серьезного и объективного историка никак нельзя. Не говоря уже о том, что этот современник Вольтера создал свой труд в бесконечно далеких 1776–1787 гг., его с упорством, достойным лучшего применения, до сих пор продолжают переиздавать. Давно, однако, пора поставить на Гиббоне и на всех его последователях жирный крест. Это так, к слову.

«Лекции по истории западно-европейского Средневековья» имеют четко обозначенный и ясно выраженный план. Они тематически охватывают период истории Римской империи от начала IV в. (здесь же дается обзор реформ Диоклетиана) до возникновения крупных городских промышленных и торговых центров в эпоху феодализма (вплоть до XIII в.). Подробно рассмотрены быт и союзы германских племен, возникновение варварских королевств в эпоху Великого переселения народов, история Франкского королевства и монархии Карла Великого, а также процесс образования западно-европейских народностей (преимущественно французской и германской наций), зарождение и формирование нового общественно-политического строя и борьба городов за свои суверенные права в лице коммун. Совершенно неслучайно А. А. Спасский в своей исторической концепции столь большое внимание уделяет именно возрождению городов. Это — пово-

ротный пункт всего западно-европейского Средневековья, ибо «возрождение западно-европейских городов и возникновение нового буржуазного класса населения, вошедшего в качестве равноправной и самостоятельной единицы в состав средневекового общества, разрушило феодальный порядок и сделалось источником новых политических образований во всех главнейших странах Западной Европы, предваряющих собой уже эпоху Нового времени. Здесь исторический пункт, над которым исследователь западно-европейского Средневековья, понимаемого в точном смысле этого слова, может поставить точку».¹ На этом пункте точка в «Лекциях» и ставится.

Работа А. А. Спасского не осталась незамеченной не только читающей публикой, но и научной общественностью. Появилось несколько рецензий, в том числе и в церковных периодических изданиях, что полностью соответствовало авторскому замыслу быть услышанным церковными людьми, именно им быть особенно полезным этим своим трудом. Например, «Церковный Вестник» дал следующий отзыв: «Лекции отличаются крупными достоинствами... они содержат ценные в научном отношении выводы литературы предмета, предлагая их вниманию читателя в интересной переработке автора; представляют обстоятельное исследование на затронутую тему. На каждой странице здесь чувствуется опытная рука, умеющая в обширном материале подчеркнуть существенное и типичное, проследить основные нити сложного и запутанного исторического процесса. Со стороны изложения книга заслуживает только похвалы. Она написана ясным, простым, но вместе с тем изящным и живым языком; пересыпана массой любопытных примеров и выдержек из документов; дает яркие, выпуклые характеристики крупнейших исторических деятелей и событий и читается от начала и до конца с неослабным интересом. Все это делает лекции ценным вкладом в русскую историческую литературу научно-популярного характера и заставляет пожелать им самого широкого

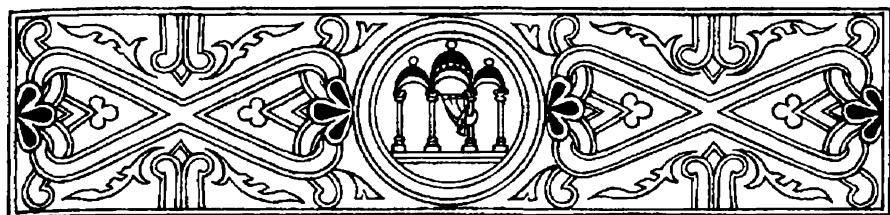
¹ См. с. 281 наст. изд.

распространения».¹ Вот еще один отклик: «Отмечаемый труд восполнил собой заметный пробел в нашей исторической литературе в доступном, простом по изложению и немногословном, но обстоятельном и серьезном для среднего читателя истории Средневековья... Книжка читается с большим интересом».²

Думается, что вполне сознательно спустя почти 15 лет после оставления кафедры новой гражданской истории Московской Духовной академии, уже после выхода в свет своих основных церковно-исторических сочинений, А. А. Спасский, будучи общепризнанным авторитетом по истории древней Церкви и богословия эпохи Вселенских соборов, все-таки вернулся к своим лекциям по истории Средневековья. Наверное, он просто понимал важность затронутой им темы для всех тех своих читателей, которые хотели бы иметь верное представление об общем ходе церковно-исторического процесса в Европе. Понимал всем своим чутьем историка и богослова, что не было глухой стены между Западом и столь милым ему Востоком (читай — Византией). Начинать же новые большие изыскания на тему взаимовлияния у А. А. Спасского уже не было ни жизненного времени, ни научных сил, подточенных прогрессирующим параличом мозга, столь рано сведшим выдающегося церковного ученого в могилу. Оставалась возможность лишь наметить путь, указать общие ориентиры без каких-либо тщательных проработок обширного исторического материала, без громоздких культурологических штудий, без привлечения огромной научной литературы и прочих неотъемлемых атрибутов «научного исследования». Нет, это исследование именно «научно-популярное», и написано оно для самого широкого читателя. Для всех тех, кто когда-нибудь сможет пройти весь трудный путь церковной науки целиком, или дойдет до одного ему предназначенного пункта познания, или поможет другим осилить дорогу, или же эта книга просто для тех, кто хочет знать больше, чем он знает сегодня.

¹ «Церковный Вестник». 1911. № 19. С. 587—588.

² «Церковные Ведомости». Прибавления. 1911. №28. Стб. 1240.

Римская империя в эпоху падения*

Географические пределы Римской империи. — Постепенное возникновение монархической власти. — Диоклетиан. — Константиновская система управления. — Строй центральной и областной администрации. — Отделение военного и гражданского управления. — Причины падения Римской империи: финансовый и экономический быт Империи, упадок крупного землевладения, исчезновение мелкой собственности.

К началу эпохи Великого переселения народов, т. е. к последним десятилетиям IV в., Римская империя продолжала существовать в тех географических пределах, в какие она была поставлена завоевательными стремлениями предшествовавших веков. Она обнимала собой весь культурный мир того времени, группировавшийся тесным кольцом вокруг Средиземного моря. Границами ее служили: *на юге* пустынная цепь Сахары, в которой трудно было основать какое-либо прочное поселение; *на юго-востоке* Аравия и Эфиопия, не поддававшиеся римскому завоеванию; *на востоке* — Евфрат; *на северо-востоке* — Черное море и Дунай, отделявшие Империю от пустынь Скифии и Сарматии; *на западе* же Европы она включала в свои границы, кроме Италии, Галлию, Испанию и Британию.

Но, сохраняя свои обширные размеры, Римская империя еще долго до эпохи переселения утратила свое прежнее значение и внутреннюю мощь — и если бы основатель Империи, Октавий Август,

* Впервые опубликовано в журнале «Богословский Вестник». 1910. Т. I. № 2. С. 249–269.

каким-либо чудом был перенесен в Рим конца IV в., он не признал бы в нем ни одной черты прежнего, знакомого ему Рима. Дело в том, что Империя IV и V вв. не была уже той Империей, какая существовала в век Августа и Тиберия: будучи естественным продолжением или перерождением последней, она являлась крайним ее выводом, отрицающим по своему строю те начала и формы государственной жизни, при помощи которых создавалось могущество Рима. Это была Империя монархическая, самодержавная, между тем как ни монархии, ни тем более самодержавия не знали ни Август, ни Тиберий. Римский император первых двух веков не был монархом; отдельные императоры, как, например, тот же Тиберий, который в одно и то же время был и жестоким тираном, и великим государственным человеком, конечно, имели решающее значение и могли свободно совершать всякие насилия, но это было нарушением обычного порядка. Обыкновенно администрация Империи распадалась на две части, из которых одна принадлежала непосредственно императору, а именно: заведование провинциями на военном положении или пограничными, где императоры играли роль главы войска и гражданского управления, а другая часть — заведование внутренними провинциями — находилась в руках сената. Римская империя на первых порах была, таким образом, не монархией, а диархией.

Не был император первых двух веков и самодержцем; он имел полномочия совершенно определенные и получал свою власть в силу особого закона, *lex regia*, который формально проходил через сенат; в силу этого закона он являлся как бы выборным главой государства и в своих действиях опирался на волю народа. Конечно, и здесь на практике народ редко выдвигал императора; чаще всего император провозглашался войском и только в некоторых случаях сенатом; тем не менее теоретически факт избрания безусловно признавался, и каждый император основывал свое право на том, что его избрал народ. Как опирающаяся на выборном начале, императорская власть по этому самому не могла сделаться в течение всех

трех веков наследственной; она представляла собой как бы чрезвычайную форму диктатуры, возникавшей и умиравшей вместе с отдельным монархом. Понятно, что императорская власть не удовлетворялась этим положением, и так как существовали налицо все благоприятные условия для ее усиления, то рано или поздно из временной диктатуры она должна была обратиться в постоянное самодержавное правление. Это и случилось в так называемую диоклетиано-константиновскую эпоху.

Диоклетиано-константиновская эпоха была наполнена целым рядом важнейших внутренних реформ, имевших целью связать разрушающееся здание Римской империи и придать ее администрации единство и законченность, причем основным мотивом всех этих направленных на упорядочение внешнего строя Империи реформ служила именно идея абсолютной, неограниченной монархии. Стремление к абсолютной власти заметно уже проглядывает у императоров III в.; Диоклетиан оформляет это стремление, а Константин Великий проводит его с неуклонной последовательностью во всех частях администрации. С именем этого императора связывается великий переворот не только в истории христианства, но и в государственном строе Римской империи — ряд преобразований, из которых немалая часть продолжает оставаться в силе и поныне. Но еще любопытнее обратить внимание на то обстоятельство, что эта преобразовательная деятельность первого христианского императора так тесно связана с мероприятиями язычника Диоклетиана, что невозможно определить, где перестает действовать один и начинается другой.

На процессе развития императорской власти в Римской империи диоклетиано-константиновские реформы отразились в том отношении, что благодаря им власть императора упрочилась, сделалась постоянной и получила характер самодержавия. До этих реформ император был более полководцем, чем правителем Империи; теперь же он становится действительным политическим центром, а вместе с этим и вся та безусловная власть, которая принадлежала

императору как полководцу в войске и на войне, переносится теперь на императора как правителя Империи. В системе Константина император царствует по Божественному праву и управляет Империей по своему собственному усмотрению, не давая никому и ни в чем отчета. Его лицо — *священно*; он называется величием и вечностью; все, что окружает его, проникнуто тем же священным характером; его комнаты — *sacrum cubiculum*; его сокровища — *sacrae largitiones*. Своим подданным он является на троне, в расшитой жемчугами диадеме и в одежде, украшенной драгоценными камнями. Кто получает доступ к нему, тот должен падать на колени и преклонять свое лицо до земли. Правда, еще в первом веке Империи существовал культ императоров, придававший императорской власти характер божественности, но это был культ не личности, а учреждения, культ императорского гения; на личность же он переходил только по смерти; тогда император мог сделаться «*divus*», но и то не всегда, а лишь в таком случае, когда его признавали достойным такой чести. Все это изменяется в эпоху Константина, и на этом изменении, между прочим, сказывается влияние новой христианской религии. Это влияние состояло, конечно, не в тех восточных формах, какими окружил себя император в Империи Константина, а в том, что с христианской теократической точки зрения император уже не был ставленником народа: он есть помазанник Божий, свыше предопределенный к тому, чтобы руководить судьбой государства. В этом отношении Церковь имела политическое значение, облегчив ускорение внутреннего процесса; благодаря ей императорская власть сделалась властью «Божией милостью», а не властью «изволением народа». — Итак, центром и главой Империи IV и V вв. был самодержавный император: его воля есть источник всяких законов и последняя инстанция всяких решений.

Спрашивается теперь: каким же образом император, совмещавший в своем лице всю полноту власти, мог осуществлять эту власть на деле? Какие были у него средства для проявления своей воли?

Этот вопрос должны были решать еще императоры первых двух веков Империи, и они ответили на него созданием особого служилого класса — чиновников, находящихся в полном распоряжении центральной власти и вполне зависимых от нее. Образование и история этого нового класса, возникшего вместе с Империей, представляет собой факт всемирно-исторического значения, потому что, собственно говоря, это была первая в истории систематическая попытка утвердить *бюрократизм*, последовательно провести бюрократический принцип, который впоследствии из Римской империи и был перенесен в монархии Нового времени. Дело началось очень скромно. Сначала, если взять императоров Юлиева и Клавдиева домов, у них не было административных средств и специально-административного персонала; и вот для создания этого персонала они оперлись, во-первых, на свое военное положение и на возможность назначать своих легатов в некоторые провинции, а во-вторых, на свое помещичье положение — на рабов. Центр их администрации, как и у всех богатых землевладельцев того времени, состоял первоначально из рабов и вольноотпущенников; особенно важную роль играли в этом случае последние, т. е. вольноотпущенники, потому что они преимущественно были пригодны для такого дела, которое требовало инициативы и самостоятельности, требовало, чтобы человек был личностью; раб был слишком мертв для административных целей, и поэтому в канцеляриях Юлиева и Клавдиева домов работали по большей части вольноотпущенники, хотя для неважных дел употреблялись и рабы. Таково было скромное начало; затем оно росло вместе с императорской властью и в диоклетианово-константиновскую эпоху развилось в целую бюрократическую систему, так что развитие бюрократизма может считаться для этой эпохи самым лучшим и характерным показателем роста императорской власти.

В IV в., в преобразованиях Диоклетиана и Константина, вопрос о должностном персонале разрешен был окончательно: он был

объединен и получил свою особую иерархию. На верху этой иерархической лестницы стояли пять чиновников, которые окружали особу императора, заведовали различными отраслями придворного и императорского управления и имели до известной степени характер современных министров. Среди них самым приближенным к государю лицом был *praepositus sacrae cubiculari*, т. е. начальник священной опочивальни или обер-камергер, комендант императорского дворца, на обязанности которого лежало печься об особе императора, сопровождать его в официальной деятельности и в часы досуга и смотреть за разными частями «священного», т. е. придворного хозяйства. Должность камергера, очевидно, соответствовала должности евнуха при восточных дворах и сама по себе не имела государственного значения; при хорошем императоре обер-камергер был не более как только почетным слугой, зато при слабых императорах, каких потом немало восходило на трон Константина, лицо, занимавшее эту должность, приобретало первенствующее значение: оно заменяло собой императора и, прикрываясь его именем, могло самостоятельно править Империей.

Гораздо важнее в государственном отношении была *вторая должность* — *magister officiorum*, т. е. начальник служб. Как придворный чиновник, магистр служб был инспектором придворного штата и его судьей; как государственное должностное лицо, он являлся посредником между императором и подданными; в системе Константиновской монархии он был как бы государственным канцлером, совмещавшим в себе и обязанности министра внутренних дел. Он заведовал аудиенциями, принимал просьбы и апелляции на имя государя, вел переписку от его лица и пользовался правом контроля в важнейших отраслях управления и законодательства. — Третье место в табели придворных чинов занимал *квестор*. Это был «восприемник мыслей императора и слова его уст», как определил эту должность Кассиодор; говоря проще, квестор составлял законы и императорские указы и резолюции; сфера его деятельности

поэтому была очень широка, хотя он и не имел своей канцелярии и должен был довольствоваться писцами, взятыми напрокат из других учреждений; точнее квестора можно назвать кабинет-министром или личным секретарем императора.

Рядом с квестором стоял *comes sacrarum largitionum* — «комит священных щедрот», настоящий министр финансов, ведающий получением доходов, поступлением их в казначейство, составляющий раскладку податей и принимающий принудительные меры для собирания денег в казну. Под его начальством служила масса чиновников, так как служба в министерстве финансов и в то время считалась самой доходной; одна отчетность составлялась одиннадцатью конторами, между которыми занятия были разделены с таким искусством, что одна из них могла проверять другую.

Из ведомства комита священных щедрот было исключено управление поместьями, принадлежащими лично императору; ими ведал пятый придворный чин — «комит частной собственности священного двора», т. е. нечто вроде нашего министра уделов; нужно, впрочем, заметить, что это различие между государственным имуществом и императорским существовало недолго и скоро уничтожилось, так как со времени Константина императоры смотрели на всю Империю как на свою собственность.

Перечисленные придворные должности представляли собой высший, центральный круг в иерархической лестнице, установившейся в Римской империи IV в. Они получали свое назначение от императора и под его исключительным контролем выполняли свои обязанности; вместе с императором они составляли одно неразрывное целое и действовали от его имени. Дальнейший круг чиновных лиц образовывали собой начальники областного управления; со времени Диоклетиана, т. е. с конца III в., в отношении к областному управлению окончательно устанавливается деление Римской империи на четыре префектуры — восточную, иллирийскую, итальянскую и галльскую, причем каждая префектура рас-

падалась на несколько диоцезов. Под старым, знакомым римскому государству именем префектов Константин Великий создал совершенно новую гражданскую власть. Первоначально префекты были только главнокомандующими римских войск, при слабых же императорах II и III вв., державшихся на троне единственно силой войска, префекты приобрели неограниченную власть и в мирных делах государства. Диоклетиан первый начал стремиться к ограничению власти префектов, но только при Константине их значение сделалось неопасным для главы Империи. Константин в своих реформах систематически провел разделение между гражданской и военной властями, и префекты, лишившись права распоряжаться войском, остались высшими гражданскими чиновниками. Как придворные чиновники заменяли собой особу государя для всей Империи, так префекты были непосредственными представителями императорского величия в подчиненных им областях. Они объявляли в своих владениях императорские законы, толковали их и даже имели право усиливать и вообще изменять их значение сообразно с потребностями их округа. Они заведовали судом и финансами, наблюдали за деятельностью подчиненных им чиновников, принимали жалобы и апелляции, и их решение пользовалось таким авторитетом, что сами императоры отказывались от принятия жалоб на их приговор. Вслед за префектами, на следующей ступени служебной лестницы, рассматривая ее в нисходящем порядке, стояли начальники диоцезов — викарии или наместники префектов; для своих диоцезов они были тем же, что префекты для округов, и стояли от последних в прямой зависимости; в своем подчинении они имели правителей провинций, на которые распадался их диоцез. Провинция и была основным элементом или простой единицей областного управления. Правители провинций носили различные названия и главной обязанностью имели отправление правосудия, почему иногда их просто обозначали как областных судей; юрисдикция их была обставлена определенными и в неко-

торых отношениях любопытными ограничениями; они могли подвергать виновного смертной казни, но лишены были права смягчать приговор или же заменять одно наказание другим и налагать крупные денежные штрафы; это было прерогативой префекта. Догадываются, что это странное ограничение имело целью предотвратить подкупы и взяточничество, искушению которого мог подпасть скорее мелкий, чем крупный чиновник. В тех же видах бескорыстия запрещалось назначать губернаторов в те провинции, откуда они были родом и где имели много родственников; после назначения они также не могли вступить в родственные связи с подчиненным населением и смещались обыкновенно через 4–5 лет; что же касается префектов, то их сменяли ежегодно.

Вот в основных чертах строй центральной и областной администрации в диоклетиано-константиновской Империи. Если мы теперь сравним эту реформированную Империю с Империей I и II вв., а тем более с Римской республикой, то прежде всего наше внимание должно обратить на себя упомянутое уже мной разделение между военной и гражданской властями. Римские республиканские должности были тесным образом связаны с командованием, с армией; если спросить, кто был консул, проконсул или претор, то придется сказать, что во всяком случае они были военными должностями, с которыми соединялась известная доля власти в мирных делах. В IV же веке это смешение гражданских и военных обязанностей в одном лице прекращается, и функции власти разделились: с одной стороны стали гражданские чиновники, с другой — военачальники, военные *comites* и *duces*, получавшие гражданское управление только в редких случаях, например, в провинциях, находящихся в осадном положении. Таким образом, получилась специализация обязанностей, в результате чего вся администрация стала более совершенной в техническом отношении; но здесь была и одна очень невыгодная сторона. Если прежний военный командир, которому принадлежало гражданское ведение,

не всегда хорошо знал судебные порядки и законы, зато его нельзя было обвинить в излишней формальности, в подчинении дела бумажному производству; теперь же, в истории IV в., канцелярское бумажное делопроизводство развивается с необыкновенной быстротой, а вместе растет и число чиновников, организующихся в т. н. Scholae. Основное начало, которого держалась римская администрация, состояло в том, чтобы не позволять чиновникам исключительно сосредоточиваться на канцелярской деятельности, а передвигать их с одной должности на другую; и это выражалось тем, что должностное лицо служило в канцелярии год, а затем отправлялось в командировку; через год эта командировка кончалась и чиновник возвращался обратно; таким образом, чередование между канцелярской и практически-административной деятельностью — вот что вводилось в противовес слишком сильно развивавшемуся бумаговедению. Но и этот порядок имел очень существенный недостаток, потому что отрывал людей от постоянного круга их обязанностей и следствием его было равнодушие к тесной связи между человеком, занимавшим должность, и ее задачами, равнодушие к тому, на одной ли должности находиться или на другой — черта, глубоко сказавшаяся в чиновничьем быту.

Наши представления об административном строе Римской империи IV в. были бы, однако, неполны, если бы мы не ознакомились с той строгой субординацией, какая была последовательно проведена в чиновничьем мире этой Империи и какая обращала этот мир в стройную иерархическую лестницу. Империя Диоклетиана и Константина представляла собой как бы пирамиду власти и должностей; во главе этой пирамиды стоял император, его окружали придворные чины, затем следовали префекты, начальники диоцезов, правители провинций и т. д.; каждой должности, каждому чину здесь отведено было определенное место, находившееся в гармонии с целым и державшее каждого чиновника в пределах указанной ему власти. Эта градация должностей скреплялась систе-

мой чинов, впервые введенных в Империи Диоклетиана и Константина и усвоенной отсюда новейшими государствами. Все служившие в государстве лица разделены были Константином на четыре разряда. К первому принадлежали лица, приближенные к трону, члены и свойственники императорской фамилии; они назывались *pobilissimi*, т. е. знатнейшими. Следующий за ним класс *illustres* — «знаменитых» — обнимал собой высших чиновников Империи, т. е. префектов, военачальников и придворные чины. Это были важные особы, прадеды теперешних действительных тайных советников, к которым лица низших разрядов относились с подобающей им покорностью и уважением. Два последних разряда носили имя *spectabiles* и *clarissimi* — «достопочтенные» и просто «почтенные» — титулы, которые давались правителям провинций, заканчивавшим собой иерархическую лестницу. Кроме того, Константином Великим были введены еще два разряда, стоявшие вне первых четырех: *perfectissimi*, т. е. особы «превосходительные» — чин, принадлежавший по большей части чиновникам министерства финансов; и *egregii*, т. е. «высокородные», каковым титулом украшало себя множество лиц, имевших основание считать себя не принадлежащими к толпе, как-то: дворцовые секретари, все служащие по управлению провинциями, адвокаты, священники и пр. Каждому из указанных разрядов усвоена была определенная формула, с которой низшие чины должны были обращаться к лицам, стоявшим выше их по служебной лестнице. Этих формул с течением времени развилось чрезвычайное множество, и так как они представляли собой искусственное изобретение, то их почти невозможно передать на русский язык. Один историк остроумно замечает, что сам Цицерон едва ли был бы в состоянии понять их, хотя они и выражались латинскими словами. Впрочем, более употребительные из этих формул недалеко отступали от современных; так, в Империи IV в. мы встречаем такие эпитеты, как: «ваше чистосердечие», «ваше степенство», «ваше высокое и удивительное величие», «ваше зна-

менитое и великолепное высочество» и т. п. В дополнение этой картины государственного строя Империи следует еще заметить, что каждому должностному лицу усвоена была определенная эмблема, указывающая на его специальность, как, например, изображение колесницы, книги указов, знамен войска и т. п., из которых впоследствии и развились наши формы. Все это вместе — чины, титулы и эмблемы — придавало чиновничеству тесную сплоченность и самое государство превращало из военной Империи, какой оно было в I и во II вв., в Империю бюрократическую. Благодаря строгой субординации чиновничество в ней составило особое сословие, которое мало-помалу начало смотреть на себя с чувством обособленности интересов, считать себя корпорацией, до такой степени довлеющей самой себе, что жизненные отношения к остальным частям населения стали подрываться: возник своеобразный антагонизм, борьба между чиновниками и населением: чиновники стараются изловить население, а оно — ускользнуть от них. Все это подтверждается целым рядом указов, и в этом отношении особенно важным является кодекс Феодосия, дающий массу материала; огромное количество рескриптов, предписаний и законов, регулировавших административную машину, показывает, что при всем своем техническом совершенстве она встала в слишком уж формальное, а потому и враждебное отношение к обществу как целому; есть даже один эдикт начала IV в., в котором с какой-то мечтательностью идет речь об *innocens rusticitas* (о неповинном хозяйстве), поедаемом чиновниками. Отсюда видно, что императоры хорошо замечали недостатки существующего порядка, но не были в состоянии справиться с ними своими силами.

Христианский писатель IV в. Лактанций, характеризуя порядки современной ему Римской империи, говорит, что число должностных лиц в ней увеличилось до такой степени, что стало больше людей получающих, чем дающих. Это очень меткое замечание, и указываемый в нем прискорбный факт объясняется не только

тем, что римская бюрократия, как и всякая историческая сила, стремится к саморазвитию и действительно развивается до крайних пределов возможного; он объясняется еще тем трудным положением, в каком очутился римский мир под давлением внешних обстоятельств; борьба с варварскими племенами на важнейших границах и необходимость отстаивать самую жизнь государства оказывали тягостное влияние на внутренний строй жизни; поневоле приходилось вооружаться с ног до головы, поневоле приходилось свободу, благосостояние и возможность индивидуального счастья приносить в жертву порядку и дисциплине. Собственно говоря, развитие чиновничества с его казенным формализмом и прочими недостатками было злом очень небольшим; в общем новый строй Империи, выработавшийся в IV и V вв., принес ей пользу; он связывал в одно целое начавшие расплзаться в разные стороны части Империи и придал ей стройность. Если иметь в виду только внешнюю сторону Римской империи в IV в., одну, так сказать, ее поверхность, то можно подумать, что еще никогда Империя не достигала такой выработанности и законченности в своих порядках, как в это время; здесь все, по-видимому, размещено по определенным местам, каждое явление подведено под известный закон и параграфы; каждое событие заранее урегулировано нарочитыми постановлениями. Но вот проходит только полстолетия после эпохи Константина Великого — и оказывается, что эта обширная и могущественная Империя не была в состоянии дать отпор кучкам варваров, ворвавшихся в ее пределы и избороздивших ее по всем направлениям. Чем же должно объяснять это странное явление? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно от административного строя Империи обратиться к самому обществу, к населению, управляемому этим строем, и рассмотреть его состояние, т. е. от поверхности Империи перейти к тем внутренним пружинам, которые заправляли его жизнью. — Всякое государство существует только потому, что общество отделяет в его пользу известную часть

своего достатка и даже своего существования; подати и войско — вот две главные формы повинностей, в которых общество приходит на пользу государству: в войске общество отдает государству часть своих членов, так сказать, часть своей жизни, в податях — часть своих доходов. Было ли общество IV в. настолько состоятельно в своих силах, чтобы оно могло оказать достаточную поддержку государству? Ответив на это, мы разгадаем те причины, которые привели великую Империю к падению.

Прежде всего обратимся к тому, как сложилась армия в Римской империи. В реформах, какими ознаменовалось царствование Диоклетиана и Константина, армия осталась почти совсем в стороне; были произведены только некоторые несущественные изменения в военном управлении, но в общем армия жила своей жизнью, и ее развитие совершалось без вторжения сторонней силы. В IV в. она представляла собой совершенно особый, отмежеванный от других частей населения класс; она состоит из людей, которые оторваны от мирных занятий по крайней мере на 20 лет, а потому и немудрено, что даже после выслуги срока ветеран, переходя на пенсию, — на тот земельный надел, который давала ему Империя в обеспечение его старости, — оставался в душе военным человеком; класс ветеранов, действительно, и оставался обособленным, и дети их преимущественно поступали на военную службу, так что появилась известная наследственность в выборе занятий. Таким образом, армия отчасти пополняла сама самое, — но понятно, что этого пополнения было недостаточно при тех постоянных войнах, какие пришлось вести Римской империи в последние века своей истории. И вот, чтобы пополнить войско людьми сильными и выносливыми, императоры очень рано стали обращаться за помощью к самим же врагам — варварам и их нанимать к себе на службу. Вследствие этого римский солдат IV и V вв. уже не был патриотом в смысле прежнего римского патриота; это по большей части был человек, который и говорить-то по-латыни порядочно не умел, —

человек посторонний. Таким образом, жизненная связь между военной силой и обществом, выражающаяся в том, что военная сила является самой патриотической частью общества, — эта связь порвалась, и осталась чисто механическая, внешняя: набирали рекрутов, ставили в полки, подвергали строжайшей дисциплине и получали войско, которое исполняло все формальные обязанности, но уже не было представителем народа. Поэтому-то и не могло быть никакого сравнения между старой римской республиканской армией, которая побеждала потому, что была представительницей народа, и между безжизненной, наемной или насильственной организацией позднейшего времени.

Численность римского войска была громадна; оно состояло из 188 легионов, 108 когорт или отдельных батальонов, 91 кавалерийского отряда и, кроме того, из несметного числа вспомогательных колонн, организовавшихся уже не на римских началах, а на варварских — по родам, племенам, сотням и тысячам. Списков с численными данными до нас дошло много, и хотя, с одной стороны, можно предполагать, что число регулярных войск было в этих списках выше действительности, но с другой — этот недостаток пополнялся иррегулярными войсками, военными поселениями, которые несли такую же службу, как, например, наши казаки. Принимая это в соображение, можно сказать, что Римская империя держала под ружьем около миллиона девятисот пятидесяти тысяч, кроме гвардии, служившей специально для охраны императорской особы. Войско было громадное; добавим к нему еще столь же громадную армию чиновников, которых общество тоже содержало на свой счет, и спросим: какие же должны быть у него средства для содержания обеих этих армий. Это отсылает нас к рассмотрению финансовой системы Римской империи?

Римская финансовая система гораздо лучше известна относительно доходов, чем относительно расходов; впрочем, расходы понятны сами собой; самый крупный расход шел на войско, затем на

чиновников, потом на Церковь; расход на Церковь был до известной степени единовременным; только в течение двух столетий пришлось делать очень крупные затраты после того, как христианская религия сделалась официальной и необходимо было обеспечить церковнослужителей земельными наделами и крупными поместьями. Далее идет расход, о котором в настоящее время мы не имеем никакого понятия, — расход на продовольствие столиц и центральных провинций, который разучились сами себя кормить и требовали подвоза извне; даже расходы на двор и те падали на общий государственный бюджет, потому что императоры хотя и обладали огромными имениями, но часто тратили свыше своих средств. Вообще система расходов велась крайне беспорядочно; фонд, предназначенный для одного дела, тратился в случае необходимости на другое; так, еще при Домициане фонд на водопроводы употребили на войска, и водопроводы после этого пришли в упадок.

Система доходов имела более определенный характер и слагалась следующим образом. Римская империя уже знала монополию известных частей производства в пользу государства, и главной ее монополией была торговля солью. Так как торговать солью не смели нигде, кроме правительственных складов, то и цены были совершенно произвольны и непропорциональны действительной стоимости; в местах, где соль должна была бы стоить ничтожную сумму, ее продавали очень дорого. Еще более неудобным являлся другой подобного же рода доход — от чеканки монеты; в этом отношении Римская империя вступила на опасный путь, перечекая и ухудшая монету и подрывая этим экономическое благосостояние жителей; для доставления большего дохода казне издавались эдикты, чтобы подати платили старой монетой, а жалованье получали новой, более легковесной, чтобы в сделках с казначейством принимали в уплату также новую монету и т. д. Какого сильного развития достигла в Римской империи эксплуатация монетного дела, об этом можно судить по тому, что образовался многолюдный крепост-

ной класс монетчиков, поставленный в очень тяжелые условия. Класс этот был совершенно замкнутым; человек, родившийся в нем, не мог уже выйти из него; его учили в казенном училище и заставляли заниматься монетным делом. Надо сказать, впрочем, что, несмотря на все строгости, монетчики все-таки ухитрялись надувать казну и между ними и чиновниками происходили постоянные препирательства; при Аврелиане дело дошло даже до вооруженного бунта монетчиков, в котором погибло до семи тысяч человек.

Затем, дальнейшей формой доходов были пошлыны с торговли внешней и внутренней; последние возникли вследствие того, что римская территория искусственно была разделена на несколько частей, при провозе через которые товаров требовалась особая пошлина; так, чтобы провезти товар из Египта в Галлию, надо было уплатить известный взнос в казну.

Перечисленные сейчас формы доходов составляли собой косвенное обложение, прямым же и главным источником дохода служила подать земельная, *tributum soli*. Эта подать налагалась на ежегодный доход и даже на имущество, хотя определялась площадью земельного надела. Для того чтобы легче было ее собирать, раз в 15 лет производилась по всей Империи точная расценка владений и хозяйств (*indictio*), причем записывалось число оливковых деревьев, виноградных лоз, скот, инвентарь и пр. Если обратить внимание на этот способ обложения, то вполне становится понятным, что императоры из финансовых соображений принуждены были стараться о том, чтобы сельское хозяйство оставалось в том же виде, как оно было записано; сельское хозяйство, подвергавшееся быстрым переменам, представляло бы огромные неудобства для правильного взимания этой подати. Таким образом, получалось странное явление: не подать следует за хозяйством, а хозяйство за податью. — Хозяйство оказалось, таким образом, закрепощенным и лишилось возможности прогрессировать. Потом, следующими источниками дохода являются налоги личные, гильдейские, пошлыны

с цеховых работников и, наконец, *capitatio plebeica*, падавшая на рабочий люд, причем Империя устраивала искусственную податную единицу, считала не головы, потому что несправедливо было бы брать поголовно со всех — с ребенка столько же, сколько со взрослого, а устанавливала искусственную душу подобно тому, как у нас существовала некогда ревизская душа. Эта искусственная единица, с которой брали налог, состояла из мужчины и двух женщин на первых порах, а затем из двух мужчин и четырех женщин.

Вот те источники, при помощи которых в римскую казну стекались средства, необходимые для содержания Империи. Мы видим, что они были весьма многочисленны и разнообразны, но к IV и V вв. с ними случилась странная история: *они иссякли* и перестали давать в должном количестве нужное государству питание. Это произошло вследствие крайнего расстройств экономических сил общества и полного падения земельного хозяйства. Государство было готово всегда собирать подати, и чиновники прибегали ко всевозможным мерам, чтобы выбить их из населения, но последнее оказалось уже не в силах платить их. Вот какую картину рисует Лактанций во время *indictio*: «Площади полны; каждый явился с детьми и рабами; слышатся удары; вешают детей, чтобы вынудить их признание против отца; мучают верных рабов против господ, жен против мужей. Если это не помогло, подвергают пытке самих против себя и на счет несчастных, не вынесших страданий, записывают то, чего они не имеют». Конечно, в этих словах есть риторическое преувеличение; Лактанций писал против гонителей христианства и слишком мрачно смотрел на имперские порядки, но для нас и не важно, видел ли он действительно то, что описывает, а важно общее впечатление, свидетельствующее о том факте, что для сбора податей пускали в ход пытку, что подати положительно вымучивали. И это было неизбежным последствием того положения, в какое поставили Римскую империю, с одной стороны, развитие в ней армии и чиновничества, с другой — обеднение населения.

Если смотреть на население Римской империи с этой экономической точки зрения, то должно будет его разделить на три класса: на крупных землевладельцев — аристократов, обладавших большими поместьями, т. н. латифундиями; на среднее сословие — купцов и горожан, и на низшее — мелких землевладельцев — поселян. Крупное землевладение было весьма важным фактором в общественном строе тогдашнего времени; оно давало огромные доходы, потому что хозяйство в нем велось при помощи дарового труда, т. е. рабов. Каждый крупный землевладелец был вместе с тем и крупным рабовладельцем. Когда Римская империя расширяла свои границы, это крупное землевладение, освобождавшееся постепенно от грабежей и стеснений и имевшее постоянно новый приток рабочих рук в покоренных варварах, достигло чрезвычайного процветания. С окончанием же роста Империи в странах, вошедших в ее состав, быстро и естественно совершился экономический переворот. Благодаря появлению общей власти торговля и движение товаров стали возможными по всему цивилизованному миру, и в силу этого быстрого обмена отдельные части Империи начали действовать преимущественно в какой-либо специальной отрасли промышленности. Так, Западная Африка, Египет, Сицилия и южная Испания производили главным образом хлеб и считались житницами Империи; наоборот, северные и восточные провинции, галльские и азиатские, доставляли в хозяйственный оборот Империи предметы обрабатывающей промышленности — ткани, гончарные изделия, оружие, металлические вещи и пр. Центральные же провинции — те провинции, которые дали этому миру права, имя, образованность, т. е. Италия и Греция, пришли в полный упадок, ослабли и опустели: они могли жить только притоком хозяйственных сил с окраин Империи. Пока существовал свободный обмен между частями Империи, это не представляло еще собой беды, но когда в Римской империи начался период попятного движения и ее пограничные провинции стали все чаще и чаще терпеть

набеги от соседних варваров, этот обмен должен был прекратиться и торговля — пасть. Вот это-то обстоятельство и решило собой участь крупного землевладения, сделав его невозможным; для своего процветания оно требовало обширного рынка, но этого рынка не стало, и оно должно было перейти к системе долгосрочной и даже вечной аренды. Появляется множество мелких арендаторов из вольноотпущенников и людей свободных. Крупные землевладельцы теряют под собой почву, выпускают из рук хозяйство и дробят его на мелкие участки, переданные на известных условиях в распоряжение других людей. Значит, крупное землевладение и хозяйство не могло уже служить экономической опорой Империи: оно само едва держалось и быстро исчезало.

Если мы от крупных землевладельцев перейдем к среднему классу — городскому и торговому люду, то найдем, что положение их было еще хуже положения земельных аристократов. В начале римских завоеваний положение городов было весьма различно, но в последние времена Римской империи местные различия сгладились и с IV в. их муниципальное устройство, за малыми исключениями, сделалось одинаковым. Каждый город для своего внутреннего управления имел свою муниципальную коллегия, число членов которой изменялось по городам, но обыкновенно было сто. Эта коллегия, величавшая себя иногда сенатом, носила общее имя курии, а члены ее назывались декурионами или просто куриалами. Во времена Римской республики звание куриала считалось очень почетным; избрание на некоторые из куриальных должностей составляло целое событие в жизни города и праздновалось всеми гражданами играми в цирке или пиром за счет избранного. Но когда с развитием централизации муниципальная власть попала в полную зависимость от императорских чиновников, то обязанности куриалов сделались не совсем приятными, и они всеми мерами начинают избегать курии. Причина этого заключалась в том положении, какое заняла курия в отношении к способу взимания пода-

тей, установившемся в Империи с IV в. и состоявшему в следующем. Каждая провинция обязывалась внести в императорскую казну определенную сумму денег; эта сумма начальником провинции раскладывалась на города и территории, а принципалы курии производили эту раскладку далее, по отдельным владельцам. Курия оказалась, таким образом, посредницей в деле взимания податей между центральной властью и плательщиками, причем куриалы обязывались не только собирать налоги, но и ручались за их полноту своим имуществом. При возрастании налогов и объединении населения куриалы чаще и чаще вынуждены были прибегать к своим собственным кошелькам, чтобы покрыть недоимки и представить полную сумму налогов, т. е. разоряться за счет несостоятельных плательщиков. Вот почему во времена Империи каждый гражданин старался подальше бежать от куриальных почестей. Скоро правительство должно было всеми мерами охранять выход из курии; оно издало множество эдиктов, запрещавших переход куриалов в другие должности. К концу Империи положение куриала сделалось невыносимым. Закон всячески старался прикрепить его к куриальному креслу и, надо сказать, был в этом отношении беспощаден. Куриал мог избавиться от своей должности не иначе как оставив все свое имущество курии и подыскав другого желающего занять его место; он не мог продать своего имения, делавшего его куриалом, потому что закон запрещал ему это; он не мог надеяться на освобождение от курии своего семейства и после своей смерти, ибо звание его было наследственно; он не мог оставаться и бездетным, ибо в таком случае лишался $\frac{3}{4}$ своего имущества. И вот, чтобы избавиться от этого невыносимого положения, куриалы бросали имущество и бежали в леса или к варварам. Так, в 388 г. куриалы четырех городов Мизии разбежались все разом; есть известия, что в Галлии они составляли шайки, жившие грабежом. Чтобы пополнить курию, императорские эдикты приказывали записывать в куриалы: а) лиц, рожденных от союза свободной гражданки с

рабом; б) клириков, признанных недостойными со стороны епископов; в) лиц, приговоренных судом к бесчестью, и т. д. Вот что стало с городским сословием в IV и V вв.

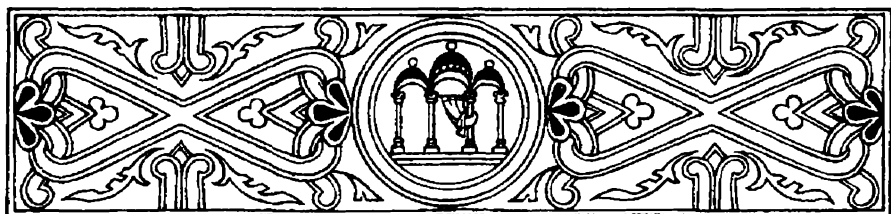
Не лучше дело обстояло и с торговым людом; закон берет купцов под опеку точно так же, как и куриалов, и обращает торговлю в повинность. Императорские постановления организуют торговые корпорации как служебное тягло, записывают в них членов и обязывают непременно заниматься торговлей, вводят наследственность, создавая таким образом из торговцев особую касту, и вообще обставляют торговое дело массой точных и мелочных предписаний. «Императоры приказали, чтобы была дешевизна», — так начинается эдикт 302 г., и затем устанавливаются цены на товары, и отступление от них преследуется как уголовное преступление. Этот эдикт очень характерен: когда живой силы уже не хватает, когда отдельные части Империи уже не могут обмениваться и продукты вследствие этого дорожают, то появляется правительство и приказывает, чтобы настала дешевизна!

Кроме городского населения в римском государстве старых времен был обширный класс мелких землевладельцев, составлявших сельское население и пользовавшихся свободой. История этого класса недостаточно ясна, но его положение в последние времена Империи обрисовано в источниках со всей ясностью. Здесь бросается в глаза тот факт, что с конца IV в. в областях западной половины Империи этот класс мелких собственников совсем исчез, и его место в общественном составе заняли так называемые колонны. Колонны — это люди, не имевшие собственного земельного участка, но селившиеся на чужой земле с обязательством обрабатывать ее и платить за это определенные подати. В первоначальном смысле колон — это арендатор, связывавший себя с помещиком свободным договором. Но с течением времени свобода договора была утрачена колоннами; законодательством IV в. колонны были прикреплены к земле и вместе с тем к тому господину, который владел зем-

лей. Колоны к концу Империи — это крепостные люди позднейших времен, так что позднейшее крепостное право есть простое наследие законодательства о колонах. В сущности, положение колона мало чем отличалось от положения раба; он не мог занимать никакой должности, ни оставлять своего поля; в случае побега его ловили как беглого раба и жестоко наказывали. Само законодательство вводило его в счет наравне с рабочим скотом и плодовыми деревьями, а недостаток рабочих сил часто заставлял богатых землевладельцев зачислять в колоны своих рабов. Чтобы избавиться от гнетущего положения, колоны следовали за куриалами в леса и к варварам, и целые пространства земли на западе оставались невозделанными. Не приводя лишних примеров, достаточно сослаться на тот факт, что к началу V в. в счастливой Кампании, лучшей провинции Империи, было более полумиллиона необработанной земли.

Таково было состояние Римской империи к тому времени, когда она готовилась встретить последний натиск варваров. В ней была масса должностных людей, были громадные своды законов и всевозможных предписаний, но не было живых сил, не было средств, чтобы поддержать свое существование. Обширная Империя истощила самое себя, и она пала, как падает всякий организм, которому отказались служить его собственные силы. Вот почему Западная Римская империя почти без труда досталась варварам, и ее падение совершилось незаметно, без всякого шума: это было не падение, а медленное разложение и умирание.

Германцы, их быт и союзы*

Вопрос о происхождении германских племен в современной научной постановке. — Теория о происхождении семьи и собственности у первобытных народов (матриархат и патриархат) и разбор ее. — Характеристика жизни германцев по данным Юлия Цезаря и Тацита. — Взаимоотношения между германцами и римлянами: а) влияние Рима на германцев; б) образование новых союзов среди германских племен, их борьба с Римской империей и окончательные итоги.

В то время как Римская империя доживала последние минуты своего исторического существования, на северо-востоке Европы все более и более усиливалось движение, которое должно было нанести последний удар Риму. Северо-восток Европы остается той частью нашего материка, куда римское оружие тщетно пыталось проникнуть в течение целых столетий. Не гонясь за мелочной точностью, границами Римской империи в Европе можно положить со стороны Галлии Рейн, со стороны греческого юга — Дунай. Правда, эти реки представляли собой очень малое препятствие для императорских когорт, и в счастливые моменты военной истории римские полководцы заходили со своими войсками далеко за Рейн, — даже до берегов Эльбы, но прочно утвердиться в зарейнских и задунайских провинциях им никогда не удавалось. Причинами этого служили

* Впервые опубликовано в журнале «Богословский вестник». 1910. Т. I. № 3. С. 347–380.

отчасти географические и климатические особенности европейского северо-востока, отчасти варварский способ ведения войны со стороны населявших его племен. Если окинуть одним общим взглядом тогдашнее пространство, лежавшее за Рейном и Дунаем, то мы увидели бы один неизмеримый лес, над однообразной поверхностью которого возвышаются горы, подобные лесистым островам. Обильные воды, катящиеся в больших речных бассейнах и впадающие в море среди пустынных берегов, не вносят почти никакого оживления в эту монотонную лесную картину. Можно было бы подумать, что эта часть Европы представляет собой необитаемую пустыню, если бы просеки, новилы и поселения, рассеянные кое-где, не свидетельствовали о присутствии человеческой руки. «Кто решился бы бороться с опасностями, — спрашивает Тацит, — и оставить Азию, Африку или Италию, чтобы переселиться в Германию, эту необработанную страну, с суровым небом, мрачной и дикой наружностью?»

О населении отдаленного Востока этого лесистого пространства римские писатели не имели почти никаких сведений; более обстоятельные известия они сообщают о германских племенах, своих ближайших пограничных соседях, с которыми они пришли в столкновение еще во времена дохристианские, но эти сведения относятся лишь к современному им быту германцев, а не к их прошлому. Происхождение германских племен, как и вообще доисторическая жизнь народов, теряется в той сказочной дали времен, тайны которой ныне неутомимо пытаются разъяснить исследователи наших дней. Благодаря сравнительному языкознанию и сравнительной мифологии, оказавшим, как известно, важные услуги в деле рассеяния доисторического мрака, стало несомненным, что германцы составляют отрасль т. н. индо-германской или арийской семьи народов, которая обнимает, кроме них, иранцев, греков, римлян, славян и кельтов. Но где была первоначальная родина этих народов, — этот вопрос с недавнего времени сделался предметом горячих споров среди ученых, занимающихся разъяснением доисторической судьбы племен и наро-

дов. Не более как лет тридцать-сорок тому назад было общепризнанной истиной, что родину германцев, как и всех других арийских народов, нужно искать в среднеазиатской возвышенности, над которой поднимается Гиндукуш — с двумя берущими в ней начало реками, Индом и Оксусом, — причем переход германцев из Азии в Европу полагался приблизительно на полтора тысячелетия ранее нашей эры. Быстрые успехи доисторической археологии и антропологии — наук, недавно появившихся на свет, — значительно ослабили твердость этого общепринятого мнения, основанного главным образом на данных лингвистики. Особенно любопытными в этом отношении оказываются выводы антропологии; антропология разделяет современных обитателей Европы на два типа — длинноголовых и круглоголовых, из которых каждый, в свою очередь, распадается на два разряда — мелкорослых и черноволосых, с одной стороны, и высокорослых и беловолосых — с другой, и доказывает, что эти два типа непрерывно существуют в Европе с самых незапамятных доисторических времен, так что состав обитателей Европы, по-видимому, не изменился за все то время, когда должны были сложиться арийские языки. Поэтому если в Европу и явились действительно какие-либо новые пришельцы из Азии, то они не внесли никаких существенных перемен в состав европейского населения; они, так сказать, растворялись в нем. Арийские языки, как и арийские народы, с этой точки зрения должны развиваться и окрепнуть в Европе; отсюда уже они распространялись в Азию, так что санскритский язык, считающийся по старой теории основой арийских языков, есть такая же отрасль их, как греческий или латинский. Правда, санскрит сохранил нам очень древние формы арийского языка, но это только потому, говорят защитники нового взгляда, что мы знаем его из очень древних памятников и сравниваем эти формы с формами современных нам языков; в наше время старинные формы санскрита исчезли еще полнее, чем старинные формы европейских языков.

Были ли германцы выходцами из Азии или они представляют собой образовавшееся уже в Европе дальнейшее разветвление основного европейского населения, — этот вопрос имеет только косвенное, побочное отношение к их истории; я должен, однако, заметить, что новая теория о европейском происхождении арийских народностей еще недостаточно прочно установилась и выработалась; осторожные ученые считают пока за лучшее держаться прежнего воззрения на Азию как родину европейцев.

Для выяснения того положения, в каком сведения источников изображают германцев при самом переходе их из области доисторической археологии и антропологии в область истории, гораздо большее значение имеет *другая*, тоже недавно возникшая *теория*, имеющая своей задачей раскрыть процесс происхождения семьи и собственности у первобытных народов. Отношение этой теории к истории вообще и в частности к истории германских племен станет для нас тотчас же ясным, как скоро мы примем в соображение то обстоятельство, что германские варвары, как и все другие народы, вступают в историю не в качестве сырого материала, поддающегося какой угодно исторической обработке, не как *tabula rasa*, на которую исторические события наносят первые письмена, а с определенным, прочно сложившимся типом семейного, общественного и политического быта. Этот тип обуславливает собой дальнейший исторический процесс и является одним из главнейших его факторов, так что историк, изучающий первоначальную жизнь народов, имеет перед собой продолжение только этого процесса, начало же его и причины скрыты от него за чертой, отделяющей историю от доисторической старины. Как образовался этот тип? В чем его характеристические черты? Какие условия определяют его жизнь и развитие? Вот вопросы, решение которых должно бросить яркий свет на первоначальную историю народов, хотя данные для этого решения и лежат вне исторической области. На эти вопросы и отвечает упомянутая мною теория происхождения семьи

и собственности. — Ввиду того, что с недавнего времени эта теория получила широкую известность в нашей русской читающей публике и ее выводы вовсе не составляют достояния ученых кабинетов, я остановлюсь на ее характеристике несколько подробнее, чем это требуется ближайшей целью, т. е. рассмотрением быта германцев.

Научный интерес всякой новой теории определяется ее отношением к старым, ранее ее появления господствовавшим воззрениям. Кто пожелал бы ознакомиться с прежней теорией первобытной семьи, тот вполне мог бы удовлетворить своему любопытству, обратившись к одному из многочисленных руководств, которыми лет сорок тому назад дарила свет учения Германия в течение каждого семестра. В этих руководствах дело представлялось таким образом: сначала со всей подобающей важностью говорилось о несостоятельности объяснения, даваемого относительно происхождения общежития гипотезой общественного договора, предложенной еще доброй памяти Жан-Жаком Руссо; затем, сославшись на римского юриста Гая с его текстом о правах отца семейства и родовом устройстве италиков, а также на сбивчивые известия Цезаря и Тацита о древних германцах, доказывали, что та патриархальная семья, какая наблюдается у всех европейских народов при переходе их в историю, существовала везде испокон веков и что именно из нее, из этой колыбели всех форм общежития, произошли род и государство. — Первыми учеными, возвысившими голос против этого аподиктического утверждения, были Бахофен и Мак-Леннан, недавно умершие. Основываясь на изучении быта диких племен, Бахофен в своем исследовании, вышедшем в 1861 г. под заглавием «Материнское право», и Мак-Леннан, издавший независимо от Бахофена книгу о первобытном браке в 1886 г., рядом фактов старались доказать, что патриархальная семья не есть необходимая форма семейного и общественного быта всех племен, что этого вида семьи еще не знают некоторые племена и что она не есть вообще первоначальная форма семьи, а, напротив, сложилась долгим путем.

Но только со времени французского ученого Моргана, опубликовавшего свой главный труд «Первобытное общество» в 1877 г., старое воззрение окончательно было поколеблено и новые выводы отлились в цельную теорию. Учение Моргана о происхождении семьи в первобытном обществе развил, дополнил и популяризировал немецкий экономист-ученый Фридрих Энгельс, небольшая, но живо написанная книжка которого «Происхождение семьи, частной собственности и государства» вскоре же была переведена на русский язык и разошлась уже в многочисленных изданиях. Дальнейшую обработку и вместе с тем некоторые поправки интересующее нас воззрение нашло у проф. Ковалевского в лекциях, читанных им в Стокгольме в 1890 г. и изданных сначала на французском языке, а затем переведенных и на русский язык под заглавием «Очерк происхождения и развития семьи и собственности». (Кроме того, имеются работы *Штрайслера* «Происхождение семьи» в популярном издании «Международной библиотеки» 1894 г. и *Кауцко* «Возникновение брака и семьи».)

Главное значение в ряде названных имен принадлежит Моргану: вопрос о происхождении семьи он изучал практически у полудикого племени ирокезов, живущих до сих пор в Америке, в штате Нью-Йорк; у них он провел большую часть своей жизни и был даже усыновлен одним из племен; здесь он нашел систему родства, которая была в противоречии с действительными обозначениями отдельных членов семьи. Здесь господствовало единобрачие, легко прерывающееся по воле какой-либо из сторон: потомство такой пары признавалось всеми и было вполне ясно, так что не подлежало никакому сомнению, кого называть отцом, матерью, сыном и т. д. Но, странное дело, эти названия у ирокезов употреблялись совсем не там, где следовало бы; так, ирокезец называл сыновьями и дочерьми не только собственных детей, но и детей своих братьев, т. е. племянников по братьям; детей же сестер он называл племянниками. В свою очередь, ирокезка называет сыновьями и дочерьми

кроме своих собственных детей еще и детей своих сестер, которые называют ее матерью, детей же своих братьев она называет племянниками, а они ее теткой. Оказалось, что подобная система родства господствует не только у всех американских племен, но встречается местами в Индии и других частях света, кроме Европы. Чтобы объяснить этот факт, Морган признал, что было время, когда все братья изученных им племен имели одних и тех же общих жен, но не своих сестер, и когда все сестры имели общих мужей, но не своих братьев, так что все дети данной группы братьев считались их общими детьми (т. е. сын брата есть вместе с тем и мой сын), а дети группы их сестер приходились им племянниками. Такого рода семьи и существовали на Сандвичевых островах еще в середине прошлого столетия, но странным образом и здесь система родства не соответствовала действительно существовавшей форме семьи; здесь не только сын известного лица считался сыном и его братьев, но вместе с тем он был сыном и всех его сестер, т. е. все дети братьев и сестер считались общими детьми не только одних сестер или братьев в отдельности, но всех их вместе без исключения. Итак, если ирокезская система родства предполагала собой более древнюю форму семьи, найденную на Сандвичевых островах, то, с другой стороны — система родства, существующая здесь, указывает на еще более древнюю форму семьи, из которой должна была она возникнуть. Основываясь на этих наблюдениях, Морган и Энгельс устанавливают следующие ступени развития семьи.

По мнению Моргана и Энгельса (а также и их излагателей), в первобытном человеческом обществе, в самом начале, так сказать, людской породы, брак не имел никаких ограничений или, точнее говоря, не было самого брака; каждый мужчина, по тому самому, что он мужчина, считался и мог быть мужем каждой женщины, без всякого различия и условий. В этом периоде еще нет семьи, как нет и брака. Но очень рано из этого первоначального состояния развилась семья, основанная на кровном родстве, которая и

была первой организованной формой общества или первым фазисом в его развитии. Здесь супруги разделялись по поколениям: все деды и бабушки, принадлежащие одной семье, — суть мужья и жены друг друга; это же нужно сказать об их детях, т. е. отцах и матерях, точно так же как и дети их опять-таки составляют третий ряд общих жен и мужей. Следовательно, при этой форме семьи не допускаются браки только между предками и потомками, родителями и детьми; братья же и сестры суть по тому самому мужья и жены. Эта именно форма семьи и лежит в основе той системы родства, которая найдена была на Сандвичевых островах.

В скором же времени этот вид семьи, основанный на кровном родстве, должен был уступить место дальнейшей фазе развития, которая состояла в запрещении брака между братьями и сестрами. Вследствие этого первобытная, кровная семья должна была распасться, и на ее месте появился новый вид семьи, семьи групповой, или пуналуальной, как называет ее Морган, т. е. товарищеской. Произошло это следующим образом: представим себе какую-либо кровную семью А, которая, пока не был запрещен брак между сестрами и братьями, жила и пополнялась, так сказать, сама собой. Но как скоро сестры и братья уже не могли быть мужьями и женами, то братья должны были искать жен не в своей семье, а в другой какой-либо семье, положим, В; равным образом и сестры, отделяясь от братьев, этим самым образуют новый семейный круг, новую семью С, отличную от А и В; таким образом, семья А распадается на два круга, которые, в свою очередь, дробятся еще далее; внутри каждого из этих кругов браки запрещены; вне же кругов они не имеют никаких ограничений. Поясню это на примере: если возьмем мы две семьи В и С, то члены каждой из этих семей в отдельности не могут вступать в брак между собой, т. е. мужской состав семьи В не может брать себе в жены женщин, принадлежащих этой же семье, точно так же как мужчины семьи С не могут быть мужьями женщин этой же семьи, которые приходятся им сестрами. Но все мужчины семьи В счита-

ются мужьями женщин семьи С, и наоборот, все женщины семьи В суть жены всех мужчин семьи С. Такого рода брачные отношения и существуют у диких народов Америки и Австралии и, как полагают, существовали некогда и у народов Европы. Так, по сообщению одного английского миссионера Файсона, племя австралийских аборигенов, обитающих в области Маунт Гамбир, делится на два больших класса — кроки и кумите. Браки внутри обоих этих классов строго запрещены; напротив, каждый мужчина одного класса уже по рождению муж каждой женщины другого класса, а она уже по рождению его супруга. Не отдельные личности, а целые группы здесь вступают в брак друг с другом, класс с классом.

Особенно характерной чертой этой групповой семьи, по данным раскрываемой новой теории, является господство в ней материнского права, матери. Как в позднейшей патриархальной семье во главе семейного строя стоит ее родоначальник, отец, так в групповой семье центральное место в семейных отношениях занимает родоначальница данной семьи, мать; вследствие чего и этот род семейного строя может быть назван матриархальной семьей, или просто матриархатом. Это преимущественное значение матери в групповой семье Морган и Энгельс объясняют следующим образом. Как мы видели, групповая семья должна была появиться тогда, когда браки внутри кровной семьи признаны были запретными, когда, следовательно, для дальнейших семейных образований получило значение родство как отрицательное условие. Так как, однако, общность мужей продолжала оставаться и в групповом браке, то и происхождение и родство данного лица могло быть определяемо не по отцу, который неизвестен, а только по матери, которая не подлежала никакому сомнению. Мать, таким образом, становилась начальницей семьи и рода и исходным пунктом для системы родства. Возьмем для примера семью В; каждая женщина этой семьи может иметь своим мужем каждого мужчину семьи С; сын этой женщины не всегда может знать своего отца, но он несомненно

есть сын этой женщины и брат ее дочерей; поэтому он уже не может принадлежать семье С, а входит в состав семьи В, т. е. род определяется по матери. Отсюда и ближайшим после матери его родственником является брат матери, т. е. дядя, а не отец. Итак, в матриархате основу рода составляет мать; что же касается отца, то он был случайным пришельцем, сторонним элементом в роде или семье матери. Такого рода система существовала у всех европейских народов, и, чтобы не вдаваться в подробности, я ограничусь приведением одного свидетельства из Геродота, замечательного по своей ясности. «Ликийцы, — говорит Геродот, — называют себя по матери, а не по отцу; если кто спросит соседа о его происхождении, тот сообщает ему свою родословную с материнской стороны и перечисляет матерей своей матери; и если женщина-гражданка сочетается браком с рабом, то дети признаются благородно рожденными, но если мужчина-гражданин, хотя бы и самый знатный между ними, возьмет в жены чужеземку, то дети их не имеют прав гражданства». Есть известие, что финикийцы величали себя не по отцу, а по матери.

С течением времени эта форма матриархальной семьи уступила место патриархату, и главенствующее положение в семье и роде занял отец. Как произошла эта смена двух противоположных форм семьи, на этот вопрос новая теория дает различные ответы. По Энгельсу, в основе этой перемены лежит экономический переворот. Пока люди жили охотой и рыболовством, пища должна была добываться изо дня в день, и для накопления богатства не было места. С переходом же людей к скотоводству и затем земледелию стал появляться известный избыток средств, запас или богатство, которое составляло принадлежность рода или семьи и должно было оставаться всегда внутри ее. Так как в матриархальной семье право наследования определялось по материнской линии, то богатство известного лица, заключающееся в его стадах, никогда не могло перейти к его детям, принадлежащим к другому роду — роду мате-

ри, — а должно было оставаться в семье матери, т. е. делиться не между его детьми, а между его братьями и сестрами, т. е. между его родственниками по материнской линии. Между тем каждому отцу желательно было передать свое богатство своему прямому потомству, — и вот, чтобы достигнуть этого, решили, чтобы потомки мужских членов оставались в роде, потомки же женских из него исключались, переходя в род отца. В силу этого решения мужчина стал главой рода и у семейного очага занял то положение, какое ранее принадлежало женщине-матери. Несколько иначе объясняет происхождение отцовской власти Ковалевский: он видит источник ее в естественном приросте населения, явившемся препятствием к дальнейшему совместному жительству и заставлявшему членов одной и той же группы расходиться по разным направлениям. Следствием этого рассеяния и было то, что, с одной стороны, забывалось общее происхождение и терялась общая связь, с другой — женщина, отделенная от своего рода, переставала рассчитывать на помощь родственников и приучалась видеть в муже своего естественного покровителя и защитника. Так зародилась власть мужа над женой и отца над детьми и появилась патриархальная семья. С патриархальной семьей мы вступаем уже в область истории.

Вот в главных чертах сущность новой теории о происхождении семьи. Конечно, вдаваться в подробный разбор ее и оценку я не имею возможности и не вижу в этом надобности; я ограничусь только несколькими замечаниями — с целью показать, что есть твердого в новой теории и что требует еще дальнейших доказательств.

Рассматривая эту теорию в том виде, в каком она развита у Моргана и Энгельса, нетрудно определить тот тип, к которому она относится; оба названные ученые начинают историю брака с той ступени первобытного состояния, на которой не существует никаких ограничений для брачных отношений и, следовательно, на которой нет еще ни брака, ни семьи; иначе говоря, начинают с предполагаемого ими животного состояния человека. И это понятно; оба

эти ученые — Морган и Энгельс — разделяют воззрения школы дарвинистов на происхождение человека и потому стараются и начало семьи свести к тому же источнику, из которого, по мнению дарвинистов, возник человек. Но дело в том, что ни одно племя — существующее или существовавшее, — о каких только есть известия в науке, не представляет в своей семейной и брачной жизни той безусловной свободы от всяких ограничений, какую предполагают Морган и Энгельс. Эта свобода, это животное состояние есть только гипотеза этих ученых и не имеет под собой достаточной фактической почвы. Наблюдения над жизнью диких племен, напротив, показывают, что как бы ни была низка степень умственного и нравственного падения данного племени, в его брачных отношениях всегда есть известные ограничения, есть известный нравственный элемент. Поэтому более внимательно относящийся к фактам Ковалевский прямо заявляет, что он отвергает господство беспорядочного брачного сожития у первобытного человечества, и свою историю семьи начинает с матриархата.

Что касается кровной семьи, т. е. такой, где позволительными считались браки между сестрами и братьями, то, восходя к первым временам человеческой истории, мы необходимо должны будем признать действительное существование такого брака. Сыновья Адама и Евы, первой пары рода человеческого, конечно, должны были иметь жен в лице своих сестер; такая необходимость могла повториться и при дальнейшем расселении человечества по земле. Отсюда следует, что кровная семья могла существовать только в самой глубокой древности, при начале человеческой истории, и существовать очень недолгое время. И действительно, по заявлению самого Энгельса, «даже самые первобытные народы, о которых упоминает история, не дают нам ее примера»; на нее указывает система родства, сохранившаяся только у жителей Сандвичевых островов, — жителей, которые самой природой были отделены от всякого общения с другими людьми. — Главную свою заслугу пе-

ред наукой новейшая теория происхождения семьи видит, однако, не в открытии этой кровной семьи, которая, само собой, должна мыслиться как начальный момент в семейной истории человечества, а в установлении матриархата, матриархальной семьи, предшествующей патриархальному строю жизни. Матриархат Ковалевский прямо называет «наиболее удивительным социологическим открытием нашего времени». И действительно, масса свидетельств, собранных нашим профессором, не оставляет никакого места для сомнений в том, что матриархальная семья не только существует у некоторых диких племен, но господствовала в доисторическое время и у множества народов, живущих теперь цивилизованной жизнью. Тем не менее Энгельс и Ковалевский утверждают слишком многое, когда они стараются показать, что матриархальная семья представляет собой необходимую ступень, которую должны проходить каждый народ и каждое племя. Собранные ими данные еще не уполномочивают их к этому заключению; эти данные кроме диких племен касаются только доисторического быта современных народов, поздно начавших развиваться, у которых поэтому первобытное, нецивилизованное состояние должно было достигнуть более глубокой степени падения. Любопытно, что древнейший памятник истории человечества, книга Бытия, ничего не знает о матриархате. По указанию этой книги, кровная семья тотчас же сменяется патриархальной, которая и господствует до начала истории. И если мы припомним то объяснение, какое дает Ковалевский происхождению патриархата, то мы увидим, что материнская семья вовсе не есть неизбежная ступень для образования патриархата. Прирост населения и необходимость искать новых мест для жительства — эти причины, которые, по Ковалевскому, разложили матриархальную семью и побудили женщину видеть в муже своего защитника, должны были действовать уже при распадении кровной семьи и потому могли прямо привести к возникновению патриархата, обходя материнскую семью (как это и предполагает

Библия). Значит, в матриархальной семье мы должны видеть такую форму быта, которая существовала не у всех народов и которая явилась следствием особых условий жизни, окружавших первобытные племена. Так, например, ученый английский юрист Мэн полагает, что матриархат есть исключение из общего правила и составляет особенность тех обществ, в которых больше мужчин, нежели женщин, вследствие ли постоянных войн их с соседями и увода последними их женщин в плен или обычая убивать новорожденных девочек, или, наконец, самого порядка их основания переселявшимися группами мужчин. Образование матриархата непременно предполагает собой известную степень нравственной неразвитости, выражающуюся в общности мужей; как многоженство неизбежно ведет к унижению женщины, так и многомужие должно иметь своим результатом умаление достоинства мужчины, сказавшегося в матриархальной семье. Принимая во внимание эту поправку, мы и можем согласиться с Ковалевским, что открытие матриархата у народов, живущих теперь исторической жизнью, есть действительно важная заслуга, много помогающая уяснению их первоначальной истории. Какие следствия из этого открытия можно извлечь в отношении к изучению истории германских племен, это мы сейчас и увидим, перейдя к рассмотрению известий о первоначальном семейном и общественном строе германцев.

При характеристике германских племен в эпоху их выступления на историческую почву нам должно отправляться от двух источников: от сочинения Цезаря, который в своих комментариях к галльской войне дает краткое, но веское описание германцев, и от сочинения Тацита, сочинение которого под заглавием «*De situ, moribus et populis Germaniae*» произвело в свое время огромное впечатление и является очень важным для нашей задачи. Цезарь встретил германцев в момент их первого великого столкновения с Римом и не мог обойти их молчанием; правда, он говорит очень немного, но он умеет в немногих словах сказать многое, как чело-

век, в совершенстве обладавший искусством чрезвычайно точно и ясно выражать свою мысль и схватывать во всем существенные черты; каждая его подробность весьма важна, и его слова имеют огромный вес, потому что он был не только выдающийся государственный деятель, но и великий писатель, не позволявший себе увлекаться фантазиями и выставлявший вещи всегда в их настоящем свете. Описание Тацита несколько слабее; тут мы имеем дело с оратором, который доказывает, убеждает и задается вовсе не той целью, чтобы нарисовать верную картину германских нравов; для него это описание есть только средство к проведению известных идей, и он не стесняется иногда литературными прикрасами; он — моралист, он не хочет говорить правду только ради ее самой, а хочет бросить Риму упрек и подействовать на него отрицательным образом. Поэтому прав был Вольтер, сравнивавший Тацита с тем «педагогом, который для возбуждения самолюбия своих учеников расточает в их присутствии похвалы уличным мальчишкам, как бы они ни были грязны». У Тацита всегда нужно отделять факты, описанные им, от той окраски и тех размышлений, какими они обставляются. Этот различный характер двух главнейших источников для характеристики быта германских племен всегда следует иметь в виду для правильной оценки сообщаемых в них сведений.

В каком же виде рисуют нам германский мир эти сведения?

Мы допустили бы грубую историческую ошибку, если бы под именем германцев, германского мира стали иметь в виду одно племя или один народ, более или менее сплоченный между собой. Германцы времен Цезаря и Тацита — совокупность множества мелких разрозненных племен, которые имели одно общее происхождение, один язык и одну религию, но у которых не было никакого ясного сознания своего единства, — не было даже одного общего имени для обозначения всей их совокупности. Современное национальное имя германцев «*Deutschen*» было совсем неизвестно их тацитовским предкам; оно появляется не ранее IX в. и впервые вносится в офици-

альные документы в X в., когда германские племена соединились в одно государство и среди них начало вырабатываться сознание национального единства. Оттон Великий (936–973) первый стал называть себя королем немцев, *reg Teutonicorum*. Отсюда и употребляемый Тацитом термин «германцы» нельзя считать именем, общим для всех германских племен того времени; слово «*germanni*, *germanep*» значит «люди копья»; так называлась первоначально небольшая дружина тунгров, употреблявшая для своего вооружения преимущественно копья. Так как, по известию Тацита, дружина тунгров ранее других германских племен перешла Рейн и поселилась среди галлов, то и название, данное сначала этому племени, было потом перенесено на все остальные племена. Это известие и подтверждается одной мраморной таблицей, найденной в 1574 г. и относящейся к 223 г. до Р. Х., где значится, что в этом году консул Марцелл одержал победу над галлами и германцами, т. е. той частью германских племен, которая уже в III в. до Р. Х. действовала рядом с галлами и называлась германцами. Значит, имя «германцы», как общее для всех германских племен, сначала было изобретено их врагами-римлянами. Что же касается самих германских племен, то они для каждого отдельного племени имели свое особое имя, и только позднее, в IV и V вв., когда хотели обобщить себя, стали называть себя «варварами (*varvagi*)», отнюдь не почитая этого имени чем-либо унижительным. Итак, в Германии Тацита мы встречаем ряд варварских, т. е. полудиких, нецивилизованных племен, которые только для литературного удобства могут быть называемы одним именем; на самом же деле это убии, маттиаки, батавы, хаты, узипеты, бруктеры, марсы, фризы, маркоманны, квады, кимвры... вообще все то множество племен и имен, сообщаемых у Тацита, с которым и доньше не могут справиться их ученые потомки.

Известия Цезаря на полтора столетия опережают собой Тацита, а потому и мы предварительно остановимся на рассмотрении их. Юлий Цезарь застал германские племена на той стадии культур-

ного развития, когда они уже начали переходить от бродячей, охотнической и пастушеской жизни к оседлому земледелию, но этот переход еще не закончился, не совершился. *Agriculturae non student* — о возделывании полей не заботятся, — говорит Цезарь о германцах; земледелие еще не составляет их главного занятия; жизнь их в значительной степени еще кочевая, бродячая, и скотоводство играет в ней видную роль, на что косвенно указывается тем, что они кормятся не столько хлебом, сколько мясом, молоком и сыром. Самые условия, в которые поставлены были известные Цезарю германцы, не благоприятствовали развитию среди них земледелия: вся их масса находится в чрезвычайно ненормальном положении и не может найти для себя твердой почвы; с востока на них давят другие племена, заставляющие их искать новых мест для поселения и двинуться на запад; Ариовист со своими свевами уже переходит римскую границу, но встречает здесь сильный отпор. Понятно, что при таких условиях об определенном землевладении и правильном земледелии не может быть и речи. Цезарь и описывает эту сторону их быта в таких словах: «Никто из них не обладает на правах собственности неизменным пространством земли; их поля не размежованы, должностные лица и вожди каждый год распределяют землю между родами (*gentes*) и семейными общинами (*cognationes*); каждому роду и общине они предоставляют в распоряжение те участки, которые им *желательны*, на следующий же год заставляют переменять их». Отсюда видно, что постоянного владения еще не существует, что ежегодно происходит переделка полей, которая производится начальниками племен с согласия наделяемых, причем наделы даются не каждому лицу, а семейным группам. Значит, германское хозяйство времен Юлия Цезаря было еще хозяйством общинно-семейным, коммунистическим. Самый семейный быт еще недостаточно определен; с одной стороны, Цезарь упоминает роды, *gentes*, которые на его языке должны обозначать семью патриархальную — семью, во главе которой стоит

ее родоначальник и управляет ею под общим контролем ее членов; с другой — мы видим здесь родственные соединения, *cognationes*, состоящие не только из родственников по мужской линии, но и из родственников по женской линии, из свойственников. Как показывают новые исследования о происхождении семьи, этот последний вид родовых соединений есть остаток семьи материнской, матриархальной, в которой родство и происхождение определялось матерью и в которую входили также родственники по матери. Так как в матриархальной семье отец был пришлым, случайным элементом, то ближайшим родственником данного лица после матери считался ее брат или дядя; так и было у германцев. Упоминаемые Цезарем рядом с «родом» родовые общины и должны были представлять собой как бы соединение матриархальной семьи с патриархальной или недоразвившийся переход к последней.

Кроме известий об экономическом и семейном быте Цезарь дает еще несколько сведений о политической организации германских племен. Эта организация состоит в соединении, в союзе областей и некоторых племен, но союзе настолько слабom, что в мирное время он совсем распадается. В мирное время, говорит Цезарь, у них совсем не существует общего начальника. Это известие очень характерно для того момента, в котором мы застаем германцев: военная потребность гонит их к централизации, к союзу, но эта централизация тотчас же распадается, как только исчезает создавшая ее потребность. «Перед нападением или столкновением, — рассказывает Цезарь, — очень часто на собрании выступает кто-нибудь из начальников и вождей и приглашает сограждан сделать нападение»; желающие дают согласие, и получается таким образом шайка, случайное соединение, то, что впоследствии выработалось в дружину. Что же касается самого собрания или вече, *consilium*, то Цезарь ничего не говорит о его функциях; можно думать поэтому, что оно имело вообще второстепенную роль. Такова Германия Цезаря: его характеристика очень коротка и многое оставляет в

неясности; но при всем том она определенно выдвигает главное: полукучевой образ жизни, отсутствие оседлости и частного землевладения, роль родовых соединений и племенных старшин при распределении участков, отсутствие политической организации, появление общих начальников в связи с военными целями, дружину и, наконец, вече.

Но Цезарь не только описал Германию, своей деятельностью он вместе с тем положил конец и тому движению, в котором он встретил германцев; он провел римскую границу по Рейну, выстроил укрепления, образовал гарнизоны и тем самым принудил германцев окончательно осесть и обустроиться на своей земле. Вследствие этого все отношения германцев должны были измениться: начался переход к земледелию, явилась необходимость интенсивнее отнестись к владению, и появились соответствующие перемены в политическом и социальном строе. Между Цезарем и Тацитом прошло полтора века — период, собственно говоря, очень небольшой для истории народа, но весьма много изменилось, и картина, нарисованная Тацитом, уже не похожа на картину Цезаря; она отмечает дальнейший шаг в развитии германцев. В чем же состоял этот шаг?

По изображению Тацита, германцы уже не бродячая толпа, которая занимает места лишь на год; они сделались теперь народом земледельческим, хотя земледелие у них развилось еще очень слабо. Можно сказать, что когда Тацит принялся за собирание известий о Германии, переход в ней к земледелию только что закончился. Оно состоит теперь в том, что целая семья или род занимает определенную территорию, главную часть ее выделяет под пастбище, а остальной клочок земли обращает в пашню, которой она и пользуется не один год, а несколько лет, *per annos*, — пока не истощаются естественные производительные силы земли. Земледелие получает более прочный характер, но в то же время на первом месте стоит пастбище, и сами германцы еще весьма неохотно относятся к тяжелому земледельческому труду, сваливая его на женщин, стариков и сла-

бейших. «Самые здоровые и воинственнейшие из них, — говорит Тацит, — не зная никакого труда, предоставляют заботы о семействе и полях женщинам, старикам и слабейшим, а сами коснеют в бездействии». Это наблюдение удивляло Тацита: «Странное противоречие природы, — замечает он по этому поводу, — те же самые люди, которые так любят лень, в то же время ненавидят покой».

Вместе с оседлостью становится более прочным у германцев их общественный и политический строй. Тацит указывает четыре класса или сословия, из которых слагалось древнегерманское общество его времени: *servi*, *livertini*, *ingenui* и *nobiles*, т. е. рабы, полусвободные, свободные или природные германцы и аристократия. Германцы, пишет Тацит, не пользуются своими рабами по образцу римлян, которые считают их частью своего хозяйства и употребляют в этом смысле; они отводят рабу особое жилище и хозяйство, а затем берут с них известный оброк, и в этом только смысле являются их господами. Это различие между положением рабов в Риме и у германцев имеет свою причину в том обстоятельстве, что германское общество не жило исключительно плодами рабского труда, а только случайно пользовалось им; раб был исключением, а не правилом, и рабство было юридическим институтом, утилизировалось обществом, но не было его фундаментом. Почти такое же положение как рабы занимали среди германцев и полусвободные, *libertini*. Это — класс новый, которого не знал Рим; он составлялся не только из рабов, отпущенных на волю, но и из покоренных жителей, которых германцы, занявшие их земли, оставляли в полузависимом состоянии. *Libertini* не были совершенно бесправными; они могли защищать свою личность с оружием в руках, находились под охраной закона, но не участвовали в политических делах и в войске были не на равной ноге со свободными. Относительно их Тацит замечает: «*Libertini* стоят немного выше рабов; они редко приобретают влияние в семейных делах и никогда в общественных, исключая те племена, которые управляются королями: у таких племен они даже возвыша-

ются над людьми свободнорожденными и благородными». Это значит, что в тех германских обществах, где появилась королевская власть, полусвободные поступали к ней на службу, образовывали из себя служилый класс и таким образом возвышались над другими классами в силу привилегий королевской власти.

Рабы и либертины представляли собой придаток к германскому обществу, и притом придаток незначительный; главная же масса состояла из свободных граждан, обладавших всеми политическими правами, связанными с участием в войске, вече и суде. Из среды этих свободных выделяется группа, которая стоит выше их и которую Тацит называет *pobiles*, — знатные люди, знать. Любопытно спросить, каким образом в этом полуварварском обществе, только что начинавшем оседлую жизнь, могла уже появиться *аристократия*? — Аристократическое начало возникает в обществе под действием различных причин и сообразно этому принимает ту или другую форму; оно может явиться в связи с развитием хозяйства, основанного на применении рабского или крепостного труда, в связи с крупным землевладением, — может появиться как результат образования служилого класса, который забирает в свои руки силу, примкнув к господствующей в государстве власти; может, наконец, возникнуть в силу естественного выделения одних родовых единиц из среды других, в силу преобладания старших семей как представителей рода, т. е. сделаться евпатридским, принять тот характер, каким отличалась античная аристократия, греческая и римская. Спрашивается теперь: в какую же из указанных форм отлилось германское аристократическое начало? Нечего и говорить, что землевладение не могло еще сделаться основой для выделения аристократии: оно только что установилось и недоразвилось еще до частного землевладения; служилый элемент тоже не мог играть решающей роли, ибо он не сложился прочно, и притом он был налицо не у всех германских племен. Остается, значит, признать, что в данном случае мы имеем дело с родовой аристокра-

тием, со старшими семьями родовых соединений. Отсюда определяется и характер этой аристократии. Мало выделяясь над массой свободных членов общества, германская первобытная аристократия не обладала какими-либо юридическими привилегиями: ее значение было значением только родового авторитета, старшего в роде, к голосу которого прислушиваются все остальные члены рода. Итак, мы видим, что тацитовское общество германцев еще в значительной степени держалось родового начала, но это начало уже стало ослабевать, колебаться, что и сказалось яснее в политической организации германцев таитовской эпохи.

Политический строй эпохи Тацита несомненно представляет собой шаг вперед по сравнению с тем, какой намечен в описаниях Цезаря. В то время как у германцев Цезаря все дела решаются областными князьями, а совет или вече ничем не заявляет о своей деятельности, в эпоху Тацита этот совет или вече является учреждением, стоящим в центре политической организации, и притом учреждением не хаотическим, а принявшим известный правильный строй. Вече Тацита есть собрание всех свободных людей германского общества, и как таковое оно выражает собой волю народа и пользуется высшей законодательной властью. «В делах маловажных, — говорит Тацит, — совещаются одни только князья, но в более важных — все; однако же и те дела, решение которых зависит от воли народа, обсуждаются предварительно старейшинами». Получаются таким образом два совета, из которых один является низшей и подготовительной инстанцией по отношению к общему собранию или вече. Весьма характерно для германского вече то, что главная роль в нем принадлежала не князьям и не вождям, а жрецам. «Жрецы, — пишет Тацит, — получают в этом случае (т. е. на собраниях) полицейскую власть (*jus coercendi*) и наблюдают за тишиной. Затем князь или король, — продолжает Тацит, — смотря по его летам, воинской славе и красноречию, выслушивается с тем уважением, которое может внушаться больше силой *убеждения*, чем силой власти». Это

значит, что король или князь *присутствует* на вече, но не в качестве начальника или распорядителя (последняя роль принадлежит жрецам), а как простой член собрания, как и всякий другой, отличающийся почтенным возрастом, знатностью, красноречием или военными доблестями. Когда он говорит о чем-либо собранию, то он *убеждает*, а не приказывает, и его предложение вече вольно принять и вольно отвергнуть. «Если мнение его не нравится собранию, — рассказывает Тацит, — то оно выражает свое неудовольствие шумом; в случае же согласия потрясает оружием». Подсчета голосов, следовательно, не было, и постановление вече определялось общим впечатлением. Введению веча подлежали все важные дела; из них заслуживают особого упоминания рассмотрение жалоб и уголовных преступлений и выбор князей, которые чинят суд в округах и селах. В каком же отношении стояли к вече прочие власти германцев и в чем состояли их обязанности? Тацит употребляет три термина для обозначения этих властей: *principes*, *duces* и *reges*, т. е. князья или старейшины, вожди и короли, — и каждый из этих терминов имеет у него свое значение. Первый из них, *principes* — князья, Тацит применяет к вождям двух категорий: с одной стороны, *principes* — это областные выборные князья, на обязанности которых лежит главным образом суд, с другой — это дружинные *предводители*. В первом случае должность князя понятна сама собой; во втором она требует объяснений и рождает вопрос о том, что такое дружина во времена Тацита. Мы видели дружину Цезаря; это простая шайка, собиравшаяся для одного набега около общего предводителя, по добровольному соглашению, и затем распадавшаяся по миновании случайной надобности, вызвавшей ее появление. Тацитовская дружина носит уже иной характер; она становится учреждением постоянным в том смысле, что при выдающихся войнах всегда сосредоточивается некоторое количество молодых людей, стремящихся изучить военное искусство у опытного человека. Вместе с тем изменяется и цель дружины; прежде она ставила задачей

военную экспедицию, теперь же это отодвигается на второй план и главное место занимает совместная жизнь и обучение военному делу. Вступление в дружину у тацитовских германцев связывалось с передачей оружия; когда юноша подрастал, он получал на вече оружие от отца, родственника или начальника и после этого становился под руководство выдающегося вождя, примыкал к нему не только материально, но и нравственно, сражаясь за него и стараясь увеличить его славу. Что же касается отношения дружинников к своему вождю, то оно основывалось не на равноправности всех членов дружины, а на подчинении их одному лицу — вождю. Вот этого-то вождя дружины Тацит и имеет в виду под словом «*principes*», поставляя его в разряд должностных и начальствующих людей в германском обществе. По поводу дружины в науке было очень много споров; главным же образом эти споры вертелись около того вопроса, кто имел право собирать дружину, всякий ли свободный человек или только лица, занимающие официальные должности, — вопрос, на первый взгляд, технический и мелочный, но на самом деле очень важный. Если мы признаем, что право собирать дружину принадлежало только должностным лицам, то дружина будет представлять собой отряд пожилых или молодых людей, группирующихся около племенного начальства; если же допустим противное, то получим политическое соединение, которое выступает наперекор племенной организации и опирается на единоличную власть вождя, — получим такое положение, при котором появляется частный произвол. Хотя у Тацита этот вопрос поставлен довольно неясно, однако в настоящее время большинство ученых пришло к тому убеждению, что тацитовская дружина есть свободная, частная ассоциация, не считающаяся с пределами племени и примыкающая к наиболее славному воину. Дружина возникает по частной инициативе; каждый свободный германец, обративший внимание на себя своей храбростью, мог составлять около себя кружок лиц, служивших под его начальством и упражнявшихся вместе с ним в военном деле. Этот вывод

очень важен: он, с одной стороны, указывает на распадение племенного начала, на появление таких образований, которые стоят в противоречии с племенем по своему принципу, ибо в племени господствует равноправность, а в дружине — подчинение одному лицу; с другой стороны, он объясняет нам возникновение новой военной должности и военной аристократии в первобытном обществе; германец, собравший около себя дружину, этим самым выделялся из среды прочих; он уже есть не просто свободный человек, а *princeps* — князь, начальство.

Рядом с *principes* в качестве должностных лиц Тацит ставит *duces* и *reges*, вождей и королей. *Dux* — это тоже власть, которую германцы на своем языке называли *Herzog* — герцог, предводитель, избираемый для специальной цели — для какого-нибудь военного предприятия. Выбирается он, по выражению Тацита, *a virtute*, сообразно доблести, как этого требовала самая цель его выбора, и сохраняет свою власть только в военное время, в течение походов. Этой последней чертой он и отличается от короля, *rex*. Король у германцев был еще выборной должностью, как и вождь, — с тем, однако, различием, что выбор короля определялся уже не только его личными качествами, а вместе с тем и знатностью рода. «Германцы избирают своих королей, — говорит Тацит, — из среды высшего сословия, а вождей из тех, которые отличаются доблестью». Германская королевская власть, таким образом, представляла собой смешение двух противоположных начал: *наследственного и выборного*; она не вполне наследственна, потому что известное лицо могут обойти, хотя бы оно и стояло в ближайшем родстве с умершим, но в то же время она и не вполне выборная, потому что принимается во внимание и наследственность: выбор всегда производится в пределах королевского рода, и король намечается сословным, родовым положением.

Комментариями к этому общему положению вождей и королей у германцев могут служить характеристики отдельных *duces* и *reges* в

«Анналах» Тацита. Типичным представителем герцога здесь является Арминий, победитель римского войска в Тевтобургском лесу. Арминий был одним из мелких херусских князей; когда же ему дали особые полномочия для ведения войны против римлян, он сразу выдвинулся вперед и приобрел огромную власть, но власть, ограниченную только размерами похода. Арминий не удовольствовался этим; опираясь на славу, на авторитет, приобретенный в столкновениях с Римом, он захотел из герцога сделаться королем, т. е. придать своей власти более постоянный и наследственный характер, и вследствие именно этого пал. Эта история с Арминием любопытна в том отношении, что она дает возможность проследить то, каким образом возникла у германцев королевская власть и вообще как появляются в первобытных обществах короли. Из описания Цезаря мы знаем, что германцы его эпохи соединялись под начальством какого-либо лица только ввиду военных потребностей, в мирное же время общего, одного начальника они не имели, а управлялись представителями родов, старейшинами. Эти временные, военные начальники Цезаря и есть *duces* — вожди Тацита; чтобы перейти из *duces* в *reges*, из вождей в короли, нужно было только придать власти вождя большее постоянство и продолжить ее на мирное время. Этот шаг и сделан был германцами в промежутке, разделяющем эпоху Цезаря от эпохи Тацита, и сделан под влиянием все более усиливавшихся военных потребностей. Чем дольше продолжалась борьба на римской границе и внутри самих племен, тем постоянное становился запрос на единоличное военное командование, и так как иногда борьба не прекращалась целыми десятилетиями, то явилась нужда избирать вождя не на один только поход, а на всю его жизнь; такой вождь, вождь на всю жизнь, сохранял свою власть и в мирное время, т. е. становился уже королем, причем род его, само собой, выделялся из числа прочих родов. Несомненно, что и сами вожди, даже если они были избраны на время, предпринимали попытки к сохранению власти за собой на всю жизнь, и об этом именно говорит нам история

Арминия. В этой истории королевская власть хочет возникнуть, так сказать, на наших глазах, под давлением постоянной борьбы с Римом, и не возникает только потому, что Арминий встретил противников в лице князей и был убит. Но что не удалось в одном племени и при одних условиях, удавалось в другом месте, у других племен — и вот таким образом появились короли, *reges*. — Этот процесс возникновения королевской власти и объясняет нам то, почему не у всех германцев эпохи Тацита мы находим одинаково развитым этот институт; по известию Тацита, у германцев были такие племена, у которых королевская власть находилась еще только в зачатке, но были и такие, где она развилась уже значительно. В последнем отношении заслуживает внимания история маркоманнов и попытка их вождя Марбода; выдвинувшись, подобно Арминию, военными успехами, он реформировал военный строй, завел войска по римскому образцу, сделал их правильными и постоянными, — и этим путем приобрел такую власть над своим племенем, которая подобна была власти римского императора. Здесь мы видим уже стремление к сосредоточению власти и расширению ее полномочий — стремление, которое опять же возникает из военных потребностей и соотносится с ними. Вот основные черты германского быта, по Тациту.

Если мы теперь сравним описанную Тацитом Германию с состоянием Римской империи тогдашнего времени, то в какую бы область человеческого общежития мы ни направили своего внимания, мы везде найдем полное противоречие, непримиримый контраст. На одной стороне мы видим цивилизованный строй жизни, достигший высшей доступной для него точки развития и начавший уже склоняться к упадку, на другой — полудикие, варварские формы быта, население, только перешедшее к оседлости и земледелию и чуждое всякого понятия о цивилизации, об искусстве, науках и литературе; там — все вполне закончено, пригнано к известному месту и определено нарочитыми предписаниями и узаконениями, здесь — хаотическое брожение начал, как бы расплавленная масса, которая еще

не остыла, которая очень гибка и постоянно меняет свою форму; там — развившаяся за счет общества государственная власть тяжелым гнетом лежит на населении, обременяет его поборами, задерживает его успехи и истребляет в нем всякую самостоятельность, здесь — полная, первобытная свобода личности, едва знакомая с элементарными начатками политической организации, отсутствие всякой центральной власти и сдерживающих узаконений; здесь — каждый живет на свой риск и поступает по своему же усмотрению. Очевидно, это два противоположных мира, отличных друг от друга не в отношении только к образованию, но по всему строю понятий и жизни, по самой сущности их характера. Потому-то согласить Рим и германцев оказалось невозможно, несмотря на тысячелетние стремления и усилия. И в наше время народы германского племени резко еще отличаются от племен романского происхождения, т. е. от племен, воспринявших в себя римское влияние.

Эта противоположность мира германского и римского делала неизбежной постоянную и упорную борьбу между ними, но не исключала возможности их взаимного влияния друг на друга. Это влияние состояло в том, что, с одной стороны, германцы, знакомясь с Римом, незаметно проникались более цивилизованными понятиями и усваивали себе порядки, с другой, переходя в Империю целыми племенами, они постепенно варваризовали ее, обращали ее области в то варварское состояние, в каком мы их находим в VII и VIII вв. Таким образом, взаимодействие между германскими и римскими элементами имеет свою историю и распадается на три периода: в первом из них перевес влияния был на стороне Рима; во втором силы обоих противников уравниваются; в третьем — варвары окончательно врываются во внутренние пределы Римской империи и становятся ее господами.

В первом периоде влияние Рима на Германию шло различными, но не совсем прочными и систематическими путями. Римляне еще мало знали германцев и мечтали легко покорить их. Поражение Вара

в Тевтобургском лесу несколько умерило, охладило эти мечты, но не уничтожило их, и деятельность самого Вара служит лучшим доказательством этих обманчивых надежд и расчетов. Римляне хотели упрочить за собой страну путем военных постов и колонизации, которые и должны были служить проводником римского влияния. Самыми обширными опытами римской колонизации были *agri decumantes*, представлявшие, по словам Тацита, как бы залив вглубь варварства. Так назывались земли, лежавшие между верховьями Рейна и Дуная и защищенные непрерывной цепью укреплений, откуда римские гарнизоны безопасно могли выступить вперед, вглубь Германии. Подобные же, хотя и менее безопасные поселения были устроены на нижнем Рейне; они носили название *limes transraenanus* и со времени Адриана были обнесены сплошной стеной из деревянных брусьев и камней. Этими поселениями римское правительство думало закрепить за собой Германию, и действительно, на первый раз это дело казалось возможным: римляне не раз давали германским племенам их князей. Параллельно военным поселениям и с неменьшим успехом содействовала романизации германских племен и торговля. Невзирая на всевозможные опасности, грабежи и убийства, римские купцы заходили далеко вглубь Германии, дальше, чем куда могло проникнуть римское оружие. В пограничных пунктах были открыты рынки для постоянной торговли с соседними племенами, и скоро сарматы и германцы стали шить себе одежды из тканей, приготовляемых на фабриках Италии и Галлии. Но всего более римлян и германцев сближали союзы, заключаемые римлянами с отдельными племенами. Союзы эти имели различный характер, смотря по условиям договора и обстоятельствам, при которых они возникали. В этих союзах германцы становились относительно Рима или *socii* или *hospites* и *foederati*; в первом случае они занимали до известной степени равноправное положение и обязывались только помогать римским легионам в защите границ; во втором — и должны были нести определенные повинности и платили Риму подать

естественными продуктами своей страны или воинами. Благодаря этим союзам в римских войсках появляются германцы, которые потом, возвращаясь на родину, переносят туда вместе с собой понятия и привычки, приобретенные ими на римской службе. Так, известный нам победитель Вара Арминий долгое время служил в римских войсках и получил здесь звание не только римского гражданина, но и всадника. Таков же был и знаменитый вождь маркоманнов Марбод: успехом в замысле образовать крепкое государство из разъединенных племен он обязан был своему пребыванию в Риме.

С другой стороны, не проходило бесследно знакомство с германцами и для Рима. Германцы в первое время не могли пробиться в пределы Империи оружием, но зато они проникали туда целыми племенами, и это переселение началось еще до начала Империи. Уже Юлий Цезарь нашел в Галлии несколько германских племен и не считал нужным изгонять их, а Октавий Август, первый римский император, переселил в Галлию целое племя торингов. Через несколько лет, теснимые врагами, убии переходят Рейн с разрешения римского правительства и основываются на римском берегу; при Тиберии сюда же являются до 40 000 сикамбров. Затем, тысячи пленных, которые в беспрестанных войнах приводились из Германии в римские провинции и поселялись там в качестве рабов или подданных, и вспомогательные когорты варваров, находившиеся на римской службе, оставляли немалый осадок варварства на римской почве. До эпохи императора Каракаллы, сделавшего всех свободных подданных Империи римскими гражданами, эти варвары-переселенцы легко роднились с туземцами, потому что браки им были запрещены только с римскими гражданками, и таким образом сливались с римским населением, внося в него свои национальные элементы. Этим и объясняется ответ германского племени убиев своим соплеменникам тевкрам, убеждавшим их разрушить Кельн (*Colonia Agrippina*) и перерезать римлян, там живших: «Мы не можем этого сделать; мы не можем убить наших родителей, братьев и детей».

Во второй половине II в. между германскими варварами произошло необыкновенное движение, совершенно изменившее как этнографическую карту германских народностей, так и их отношение к Империи. Германские племена в это время массами начинают двигаться с севера на юг и с востока на запад. Одни племена при этом исчезают, другие появляются вновь, но главное значение этого движения состояло в том, что после него вместо разъединенных, разрозненных племен мы находим в Германии совершенно новые и притом крупные племенные союзы. Полагают, что причиной этого движения было выселение готов, тоже немецкого племени, из Скандинавии. Переправившись на берега Балтийского моря, готы раскинулись по берегам Черного моря и вытеснили племена, встречавшиеся им по пути, которые в свою очередь прорвали римские границы и двинулись в области Империи. Прямым последствием этого движения для римлян была продолжительная 18-летняя война, в которой нашел смерть лучший из римских императоров Марк Аврелий. После окончания этой войны хаотическое движение германских племен на время улеглось, но римляне увидели перед собой новую Германию, совсем не похожую на Германию Тацита. На нижнем Рейне и далее до Эльбы вместо тех мелких племен, которым римляне давали имя германцев, появилась могущественная конфедерация франков, образовавшаяся из соединения различных народностей северо-западной Германии. Ученые различным образом толкуют имя франков: производят его и от тевтонского слова *franc*, что значит блуждающий, и от однокоренного с современным немецким *frei*, «свободный»; но, кажется, правильное название франкского союза производить от слова *franc*, обозначавшего употребительное у этих племен орудие — метательное копье с зазубринами, называвшееся также франкисской или франкой. В первый раз имя франков встречается в 241 г. в припевах солдатской песни галльских легионов, отправлявшихся на Восток для борьбы с персами. Народ воинственный и храбрый, франки направили свои усилия на Галлию и впоследствии сделали ее своей родиной.

К северу от франкской федерации на устьях Эльбы возник союз саксов, в который между другими племенами входили и англы, так что саксы позднее назывались англосаксами. Имя свое саксы, как и франки, получили от особого орудия, имевшего вид остроконечного ножа и носившего название сакса (saks). Саксы распространили свое наречие и нравы между всеми жителями северной Германии и в ряду прочих немецких племен отличались привязанностью к своим старым порядкам. К югу между Дунаем и Рейном поместился союз алеманов; в этот союз вошли свейские племена, усиленные остатками многих других племен: алеманы, как показывает само название, — это люди всякого рода, всякий сброд. Наконец, четвертым и самым могущественным был союз готов, раскинувшихся на нижнем Дунае и по берегам Черного моря. Слово «готы» или «геты» значит «господа». Долгое время эти господа были соседями славян, но когда среди славян началось сильное движение, готы расселились по трем направлениям: к юго-западу, югу и западу; тогда же, вероятно, произошло разделение готов на остготов и вестготов.

Новая объединившаяся в союзы Германия заявила о себе ожесточенной борьбой с Римом. Франки вторглись в Галлию, алеманы угрожали Италии; готы опустошали берега Черного моря и сухопутными набегами заходили во Фракию и даже в самую Грецию. Нужен был целый ряд упорных войн, чтобы повсюду отразить натиск варваров и заключить с ними союзы. К счастью для Римской империи, с середины II в. на ее трон восходят люди, которые, не отличаясь выдающимися административными талантами, были отличными знатоками военного дела и вследствие этого стояли на уровне с потребностями эпохи; они избирались легионами из числа опытных полководцев и свое царствование преимущественно проводили в лагерях, многие из них даже не бывали в Риме за все время своего управления. Но все их усилия, все походы не в состоянии уже были повернуть внешние дела Империи к тому положению, в каком они находились до середины II в., — и хотя этими походами союзы с гер-

манскими племенами снова были восстановлены, однако же нельзя не заметить, что отношения между варварами и Римом теперь существенно изменились и притом не в пользу последнего. Римская колонизация за пределами Империи была уничтожена и уже более не возобновлялась; самые римские границы отступили назад: Дакию приобрели готы; *agri decumantes* — заняты алеманами. И насколько слабее Рим давал себя чувствовать в пределах варварского мира, настолько легче он сам поддавался воздействию варваров. Германцы теперь еще большими толпами, чем прежде, переселяются в области Империи; так, при Галерии целое племя карпов перешло на правый, римский берег Дуная и поселилось там; Константин Великий принял в Паннонию сарматское племя ягизов и более 300 000 вестготов расселил по Фракии, Македонии и Италии. В Галлии племя салийских франков получило позволение от императора Юлиана окончательно владеть теми землями, какие они захватили на римском берегу Рейна. Таким образом, по всей северо-западной границе Римская империя постепенно населялась варварами и германизировалась, причем эти вновь поселившиеся варвары теперь уже не сливались с туземным населением и не теряли своей национальности, как это было при Августе и Тиберии. Конституция Каракаллы, признавшая провинциалов гражданами, сделала невозможными браки между варварами и римским населением провинций, а император Валентиниан прямо объявил за такие браки смертную казнь. Значит, сам закон шел навстречу гибели Империи, препятствуя обращению варваров в римлян и помогая им сохранить свою национальность.

Посмотрим, на каких основаниях существовали теперь внутри Империи эти варварские поселенцы.

Первое место между ними занимали союзные племена; они сохранили свой быт, свое внутреннее устройство, свои привычные порядки. Римская администрация в их дела не вмешивалась; все их отношение к Империи ограничивалось признанием ее верховной власти и легко выполняемой ими обязанностью выставять

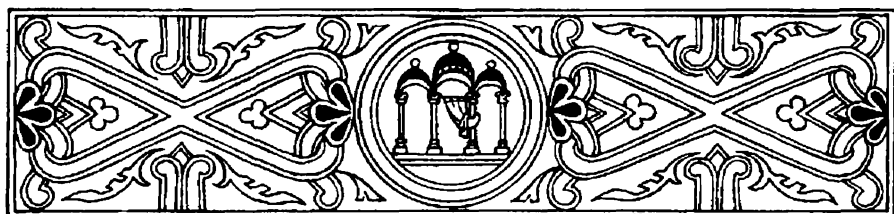
вспомогательные когорты. Это были как бы варварские оазисы на пространстве коренного населения Римской империи, маленькие варварские республики со своим особенным строем жизни и с ничтожной зависимостью от центральной имперской власти, и вот такие-то оазисы непрерывной цепью покрывали теперь главные границы Империи. В иных условиях находились варварские военнопленные; если они были захвачены во время боя и с оружием в руках, то они продавались в рабство с публичного торга, и их положение затем уже ничем не отличалось от положения рабов. Те же из военнопленных, которые сдавались без боя, составляли особый класс людей, известный под именем *dedititii* (дедитиции). *Dedititii* в сущности были рабами, но рабами не отдельных личностей, а всей Империи: они обречены были на вечно зависимое положение, лишены надежды получить права римского гражданства, и над ними всегда тяготели тот позор и презрение, какое вызывалось в древнем мире словом «раб». Императору Пробу первому пришла в голову мысль обратиться к этому классу за пополнением легионов, и он сделал это с большой осторожностью, набрав из них корпус до 600 человек. Преемники Проба не держались этой осторожности, и скоро римская армия так наполнилась варварами, что исчезло всякое различие между римскими легионами и вспомогательными когортами. Римская армия сделалась по своему составу настолько же варварской, насколько стали таковыми и римские границы по своему населению. Но был еще один класс варваров, вращавшихся внутри Империи, — это добровольные выходцы из Германии, искатели приключений и счастья. В числе этих выходцев в Империю являлись уже не одни простые люди; туда шли во множестве люди знатного происхождения, даже царского рода, чтобы на месте ознакомиться с тем, что они называли «*romanitas*», чтобы выучиться латинскому языку и поискать удачи на службе Империи. Само римское правительство немало благоприятствовало этим добровольным переселениям варваров в свои провинции;

им отводились известные земли, семейства их селились деревнями, поселенцам давался скот и необходимый хозяйственный инвентарь, для них устраивался лагерь в видах военных упражнений и школа для обучения латинскому языку. В этом случае римское правительство хотело приобрести даровых работников на свои малонаселенные или по каким-либо причинам обезлюдевшие земли; но варвары не довольствовались только этим положением; начиная с военной службы, они постепенно продвигались на высшие административные должности Империи, и в IV в. мы видим их уже повсюду, во всех сферах не только военного, но и гражданского управления. Известно, что Юлиан Отступник сильно порицал своего дядю Константина Великого за то, что тот открыл варварам широкий доступ к высшим в Империи чинам, но сам же он дал курьезное кресло одному готу. Трудно уже было противиться общему ходу событий и загородить варварам дорогу в Империю.

К концу рассматриваемого периода между варварством и Империей появляется новая, духовная связь, которая еще более должна была содействовать их взаимному сближению и слиянию. Я имею в виду распространение христианства среди варваров. Первым варварским народом, принявшим христианство, были готы; в набегах на Империю, и в особенности на ее азиатские провинции, предпринятых этим племенем в III в., готы уводили внутрь своей страны массу пленников-христиан, которые и сделались орудием обращения их в христианство. Благодаря проповеди христианских пленников среди готов скоро образовалась небольшая христианская община, и первым известным нам священником ее был Евтихий, уроженец Каппадокии, продолжавший из Готии поддерживать сношения со своей родной Каппадокийской церковью. К началу IV в. у этой общины появляются уже свои епископы; в числе отцов, заседавших на Первом Вселенском соборе, уже значится Феофил, еп. Готский. Однако истинным просветителем готов, окончательно утвердившим среди них христианство, считается Ульфилас. Ро-

дители Ульфила происходили из Каппадокии и были уведены в плен готами; среди готов Ульфила родился и вырос, так что готский язык для него был таким же родным языком, как и греческий. В молодых летах он отправился в Константинополь в качестве члена посольства к Константину Великому и здесь посвящен был в епископы. Возвратившись к готам, он принялся за перевод Св. Писания на готский язык и с этой целью изобрел азбуку, заимствовав большую часть букв из греческого алфавита. Он перевел все Св. Писание, исключая Книгу Царств, с которой он боялся знакомить готов, чтобы не возбудить и без того слишком воинственного их характера. С этих пор проповедь Евангелия пошла еще успешнее, и число обращенных заметно росло. Сам Ульфила пользовался громадным влиянием среди готов: его называли новым Моисеем, и он был как бы главой национальной Готской церкви. От готов христианство начало, хотя и весьма медленно, переходить к соседним с ними сарматским племенам, и, быть может, новая религия оказалась бы той силой, которая окончательно сблизила бы Рим и варварство, но прежде чем христианские миссионеры успели проникнуть вглубь варварских племен, эти последние еще раз были насильственно сдвинуты с места. — Причина, которая не дала совершиться мирному слиянию, заключалась в варварских полчищах, вышедших из Азии и открывших своим движением эпоху Великого переселения народов. То были гунны.

Эпоха Великого переселения народов и ее ближайшие результаты*

Общая характеристика эпохи переселения. Гунны и вопрос об их происхождении. 1. Движения германских племен, вызванные давлением гуннов: краткий очерк истории вестготов и вандалов. 2. Атилла, его личность и военные предприятия; падение Западной Римской империи.

Эпоха, открывающаяся нашествием гуннов, представляет собой картину невообразимого беспорядка, беспрецедентного хаоса. Целые племена и народы, гонимые ужасом, поднимаются вместе с детьми и женщинами, забирая свое хозяйство, и переходят с одного места на другое, истребляя все встречающееся на пути. Обширные и могущественные царства возникают перед глазами историка, наводят страх на соседние народы и затем исчезают, не оставляя по себе никакого осязательного следа. За эту эпоху этнографическая и политическая карта Европы изменяется коренным образом. После эпохи переселения вместо Римской империи с ее провинциями мы находим уже новые варварские государства, из которых постепенно образуются современные западные народы. Кто же были эти гунны, давшие толчок к столь глубокому перевороту в истории европейских народов?

* Впервые опубликовано в журнале «Богословский Вестник». 1910. Т. I. № 4. С. 555–574; Т. II. № 5. С. 78–98.

Неожиданно появившись на исторической сцене и столь же неожиданно удалившись с нее, гунны поставили в великое недоумение последующих историков относительно своего происхождения и племенного характера. Ученому Дегиню, старавшемуся объяснить появление гуннов в Европе китайскими летописями, удалось найти в них указание на особый народ, называемый Hioung-pou, долго грабивший северные границы Китая и затем около 93 г. нашей эры удалившийся по направлению на северо-запад. Основываясь на созвучии слов «hippi» и «hioung-pou», Дегинь утверждал, что гунны и есть тот самый народ, о котором говорят китайские летописи. Но дело в том, что те же самые летописи, которые теряют из виду упомянутый народ между 93 и 402 гг. по Р. Х., в 424 г., т. е. через 22 года, находят его на старом же месте и притом столь могущественным, как прежде, а допустить этого невозможно при том предположении, если бы главные силы его двинулись на Запад. Наша русская наука в лице покойного Забелина и немногих других ученых выдвинула новый и очень любопытный взгляд по вопросу о происхождении гуннов. Кружок этих ученых во главе с Забелиным признает гуннов за одну из славянских народностей, которая призвана была на помощь западными славянами против готов и других германских племен. При помощи различных комбинаций Забелин доказывает, что само слово «гунны» есть искаженное название славянского племени венетов или виндов, обитавшего по берегам Балтийского моря, а уродливый их тип, описанный современником гуннов Иорданом, объясняет намеренной утрировкой готского историка в целях оправдать трусость своих современников. Ученый спор, поднятый в русской литературе по этому вопросу, еще нельзя считать оконченным; я укажу два основания, которые не позволяют пока согласиться с мнением Забелина: во-первых, описание наружности и образа жизни гуннов, оставленное нам людьми, близко знавшими их, ясно показывает принадлежность их к монгольской расе; во-вторых, византийские историки Прокопий и Маврикий, сообщающие сведения о славянской

колонизации греческой половины Империи и писавшие одновременно с Иорданом, так различают гуннов от славян, что по их рассказам между теми и другими нет никакого сходства. — Впрочем, едва ли есть нужда в столь остроумных изысканиях для того, чтобы определить племя и место первоначального жилища гуннов. История Востока дает нам частые примеры того, как обширные союзы разнородных племен сплавиваются в одно целое под властью завоевательного гения и вновь распадаются, когда исчезла рука, скрепившая их. В первые века нашей эры север Востока был занят племенами финскими, которые в воображении скандинавов, по мифическим песням Эдды, являлись безобразными злыми карликами; около же Каспийского моря с глубокой древности кочевали тюркские и монгольские племена. Гунны и были не что иное, как союз этих племен, на время тесно сплотившийся, а затем, при неблагоприятных условиях, снова распавшийся. Описанная в подробностях наружность гуннов едва ли может вызывать сомнение в том, что главная масса этой орды состояла именно из племен финских и монгольских.

В движении народов, вызванном появлением гуннов, нужно различать два момента. 1) Данный гуннами толчок заставил готов двинуться в пределы Римской империи и привел в брожение германские племена, которые и заняли теперь все римские провинции Запада. 2) Объединившиеся под предводительством Аттилы гунны предпринимают вторжение в пределы Римской империи и приводят ее к окончательному падению.

I. Нам нет надобности следить за всеми чрезвычайно сложными и запутанными подробностями каждого из этих моментов. Для характеристики первого из них достаточно, если мы рассмотрим перемены, вызванные натиском гуннов в жизни только некоторых из германских племен. Я остановлюсь на готах и вандалах.

Как мы полагаем, готы обитали по северо-западным берегам Черного моря; по своему географическому положению они являлись народом, который первым должен был испытать на себе удар гун-

нов. Как велик был вызванный вторжением неизвестных полчищ гуннов ужас готов, об этом можно судить по тому, что еще в середине VI в., т. е. спустя более чем целое столетие, следы этого чувства живо слышатся в рассказах готского историка Иордана. По своему отталкивающему, отвратительному виду, по своей свирепости и странному образу жизни гунны столь мало похожи были на известных готам варваров, что они сочли это страшное племя за порождение союза скитавшихся в пустыне ведьм с нечистыми духами; готы не могли признать за ними человеческого происхождения. Остготы, находившиеся ближе к территории первого появления гуннов, должны были подчиниться их власти; вестготы же, прикрытые Днепром, воображали остановить движение гуннов, но гуннская конница отыскала вдали брод через реку, и вестготы отступили за Прут. С этого времени начинаются полные приключений странствования этого племени по Европе. Страх, наведенный гуннами, был слишком велик для того, чтобы вестготы долго могли оставаться под слабым прикрытием Прута. За исключением небольшой части племени, решившейся искать убежища в неприступных ущельях Карпат, вся остальная масса вестготов направилась к берегам Дуная и потребовала от римских военачальников позволения перейти на римский берег. Император Валент, согласие которого необходимо было для пропуска внутрь Империи столь многочисленного племени, обусловил свое дозволение принятием арианства, разоружением и выдачей многочисленных заложников. Сам Ульфила, знаменитый просветитель готов, ездил в Антиохию, где в то время находился императорский двор, чтобы ходатайствовать за готов, но пока происходили переговоры, все племя вестготов беспомощно толпилось на левом берегу Дуная, имея с тыла гуннов, а впереди широкую реку и римское войско; поставленные в безвыходное положение, готы приняли все условия, предложенные императором, и римская флотилия перевезла их в пределы восточной половины Империи. По счету римских чиновников, число готов,

способных носить оружие, перебравшихся в Империю, достигало до 200 000; не забудем, что за этим двухсоттысячным войском следовали жены, дети, рабы и двигалось на повозках все их имущество. Скоро положение готов на новом месте жительства оказалось невыносимым. Римские чиновники медлили с назначением им земель и, доставляя хлеб, требовали очень высокую плату за него; чтобы добыть хлеб в несколько фунтов или кусок мяса, гот должен был отдать взрослого человека в рабы римлянам. При этом не спасались от общих несчастий готские жены и дочери, которых римская администрация требовала в свое полное распоряжение. Выведенные из терпения готы схватились за оружие и бросились внутрь Империи. Римлянам пришлось тяжело расплатиться за безрассудство своих чиновников: сам император Валент, вышедший навстречу вестготам с сильным войском, был ранен и потом сожжен готами вместе с хижинкой, в которой он думал найти спасение. Лишь Феодосию Великому, спустя более чем 40 лет, удалось остановить воинственные порывы варваров. Готы были приняты на службу Римской империи и их семейства поселены на южном берегу Дуная, прежние обитатели которого были предварительно вырезаны готами.

Более десяти лет вестготы прожили на правом берегу Дуная, обзавелись земледельческими орудиями, построили себе хижины, но сделаться оседлым, земледельческим народом не успели. Когда во главе готов встал Аларих, отличавшийся храбростью и знакомством с римским военным искусством, вестготы вспомнили привычки старой бродячей жизни, покинули свои плохо возделанные нивы и всей массой, с семьями и имуществом двинулись в Македонию и Пелопоннес под предводительством Алариха, принявшего теперь титул вестготского короля. Этот поход вестготов, как и все варварские движения того времени, сопровождался опустошениями по заведенному порядку: мужское население обрекалось на смерть, женское обращалось в рабство, селения и города сжига-

лись, золото и драгоценные вещи переходили в распоряжение варваров. Константинопольский двор, не имевший силы остановить натиска готов, назначил Алариха главнокомандующим в восточной Иллирии в справедливом расчете, что, получив в законное обладание эти земли, варвары прекратят опустошения. Недолго, однако, вестготы оставались спокойными и в Иллирии. Поселившись со своим племенем на распутье между двумя половинами Римской империи, Аларих оказался третьим римским императором, — с той особенностью, что, не будучи по имени императором, он был им в действительности и мог распоряжаться судьбами Империи, — преимущество, которого лишены были оба титулованные императора. В следующем же году, после своего назначения главнокомандующим Иллирии, Аларих двинулся с вестготами в Италию и овладел средней частью ее до самого Тибра. Успехи византийского полководца Стилихона на время задержали воинственные порывы вестготов в Италии, но в предпринятый Аларихом в 408 г. новый поход на Италию он осадил Рим, взял его, разграбил, отпустив богатейшие сенаторские фамилии нищими, скитавшимися потом по африканскому берегу и св. местам Палестины, назначил Аттала римским императором и удалился со своим войском в Кампанию. В этом благодатном крае Италии варвары предались всем наслаждениям роскоши: побежденные ими жители доставляли в их стан хлеб, мясо и вино, а взятые в плен сыновья и дочери римских сенаторов подавали им в награбленных золотых кубках вино, когда они пировали, лежа под платанами, рассаженными с таким искусством, что не пропускали палящих лучей солнца. В 410 г. Аларих умер, и его преемником стал Атаульф, сильный и красивый воин.¹ При Атаульфе вестготы снова поднялись со своего места,

¹ С именем Атаульфа связывается не лишенная интереса романтическая история. При взятии Рима Аларихом готами была захвачена в плен Платидия, сестра римского императора из дома Феодосия Великого. Атаульф горячо полюбил Платидию, но гордая красавица отвергла все искательства

двинулись в Галлию и овладели ее югом — от Роны и Гаронны до Пиренеев. Это было в 412 г.; в ближайшие же годы они перешли Пиренейские горы, прогнали поселившееся здесь племя вандалов и из центра Испании и юга Галлии образовали могущественное вестготское королевство, существовавшее более столетия. Здесь продолжительные странствования вестготов по Европе закончились. За исключением Британии, они поочередно овладевали всеми главными провинциями Римской империи, избороздили Европу по всем направлениям и, остановившись в лучших ее частях, сами потом подверглись печальной участи. В VI в. часть вестготов, жившая в Галлии, была покорена франками и постепенно слилась с ними, а в начале VI в. их испанские владения подпали власти арабов.

Другой характерный пример бродячей жизни в эпоху переселения представляет собой история вандальского племени. Вандалы обитали первоначально на крайнем северо-востоке нынешней Германии в пределах реки Вислы, но при Константине Великом и с его позволения они поселились в Паннонии между Дунаем и Дравой. Вторжение гуннов, раскинувшихся в своем движении до Дуная и не перестававших с оружием в руках и отдельными отрядами появляться среди германских племен, заставило и вандалов подняться из Паннонии и искать более безопасного местожительства. Соединившись с аланами и гепидами, вандалы густыми толпами двинулись в пределы Западной Римской империи, увлекая за собой многочисленные свевские племена. Их первоначальной целью была Галлия, остававшаяся совершенно беспомощной перед этим вторжением, так как все римские войска были выведены из нее для защиты Испании. Прорвавшись за Рейн, они опустошительным

варварского вождя; наконец, убежденная одним римским патриотом, она из любви к родине согласилась стать женой красивого готского короля. Этот брак был пышно отпразднован в 414 г., и между прочим, капельмейстером и запевалой на этом браке был тот самый Аттал, который при Аларихе состоял римским императором; теперь он был уже в отставке.

потоком разлились по всей Галлии от океана и Рейна до самых Пиренеев. Разорив галльские города, вандалы двинулись далее в Испанию и заняли южную часть ее, Андалузию. Таким образом, с северо-востока Средней Европы вандалы пробрались на крайнюю западную оконечность европейского материка. — Вскоре значительная часть их совсем оставила Европу. Познакомившись путем мореплавания и разбойнических набегов с богатыми африканскими провинциями Империи, вандалы пришли к убеждению, что было бы очень недурно поселиться в этом роскошном крае. В 429 г., через 20 лет после завоевания Южной Испании, они переправились через Гибралтарский пролив и на развалинах опустошенной провинции, бывшей сотни лет житницей Рима и Италии, основали Вандальское королевство, оставившее по себе дурную память в истории. Это было разбойническое царство, жившее набегами и грабежом и в особенности выдававшееся своим презрением к образованию и искусству. Современные летописцы называют это племя самым малодушным и в то же время самым жестоким из всех германских племен. Тем не менее, построив в Карфагене флот, вандалы более века господствовали на Средиземном море, наводя своим появлением ужасы на его северные берега. Впрочем, под знойным небом Африки вандалы утратили свою прежнюю энергию; их лица от невоздержности и пресыщения потеряли свою мужественную свежесть, и сила, которой они раньше славились, растрочена была на оргии. Каждый день они много времени проводили в бане, и каждый день обед их состоял из самых изысканных кушаний, какие могли только доставить земля и море. Почти все они носили золотые украшения и щегольскую одежду; многие из них жили в садах, украшенных бассейнами, фонтанами, искусственными ручьями, и проводили почти все время в пирах и развлечениях. Один из современных вандалам историков называет их самым изнеженным из всех известных ему народов. Когда в 553 г. войска византийского полководца Велизария высадились на берега Африки, этот изне-

женный народ не мог оказать ему достаточного сопротивления. Менее чем в один год Велизарий покорил Византии все Вандальское королевство, и через некоторое время само имя вандалов стало сохраняться только в отряде византийской конницы, образованном из африканских пленников.

II. В своем преследовании готов гунны остановлены были Дунаем, который в течение полувека и охранял Римскую империю от напора их полчищ. Раскинувшиеся на широком и ровном пространстве, лежащем между этой рекой и Волгой, гуннские орды того времени еще не представляли собой чего-либо цельного, тесно сплоченного. Они распадались на несколько отдельных племен, из которых каждое имело своего особого князя — вождя и действовало совершенно самостоятельно. Никто так ловко не мог воспользоваться этим разъединением гуннских сил, как римская политика, сумевшая привлечь к себе на службу даже гуннов. Но если некоторое время области Империи были безопасны от гуннов и пользовались для своей защиты их силами, то нашествие азиатских варваров все-таки страшным бедствием отозвалось и на них. Оставляя на время в покое Империю, даже служа под ее знаменами, гунны широко распространяли на Западе свое оружие между соседними племенами. Скоро их палатки появились на среднем течении Дуная, так что германские и славянские народы, не успевшие бежать от них, одни за другими должны были покориться им. Таким образом, в недрах гуннов постепенно скоплялась великая военная сила, которая была тем более страшной для Европы, что она скоро стала повиноваться только одной воле. Тот, кто сумел сосредоточить эту силу в своих руках и направить ее сообразно со своими желаниями, был Атила, прозванный «бичом Божьим».

Едва ли кто-нибудь из завоевателей древних и новых народов, не исключая и Александра Македонского, оставил по себе такую память в истории и преданиях народов, как Атила. Бесчисленное множество легенд, сказаний и поэм группируется около его име-

ни, и в них Аттила является не одним и тем же лицом, но с одним и тем же характером и значением. Его облик изменяется сообразно тому народу и тому направлению, к которым принадлежит сказание. Конечно, в этих сказаниях образ Аттилы совершенно оторван от исторической почвы, которой он принадлежит, и сам Аттила становится мифом, а не лицом историческим; правда и то, что соединить в одно целое эти легендарные сказания, составить один характер из этих бесчисленных и разнообразных черт совсем невозможно; тем не менее эти легендарные и мифические сказания об Аттиле имеют высокое историческое значение. Если по ним нельзя воссоздать образ исторического Аттилы, то они предоставляют нам множество отдельных, чисто исторических подробностей, обойденных молчанием современными хронистами, а главное — они передают впечатление, произведенное Аттилой на то или другое племя, указывают на его историческое значение для той или другой народности. Вот почему один из новейших биографов гуннского завоевателя, Амадей Тьерри, издавший в 1856 г. историю Аттилы и его преемников, весь второй том своего труда посвящает изложению и разбору этих легенд.

Все предания и легенды об Аттиле распадаются на три главные отдела. К первому циклу принадлежат сказания латинских племен, большей частью собранные и изложенные западным духовенством. В этих христианских легендах Аттила является прежде всего бичом Божьим, т. е. орудием Провидения, ниспосланным на римский мир в наказание за грехи его. При таком мистическом воззрении исторический Аттила должен был, разумеется, отойти на второй план, уступить место легендарному герою. Мистический интерес господствует во всех этих сказаниях, и борьба с азиатскими кочевниками приобретает характер борьбы религиозной, при котором естественная связь событий упускается из виду во имя высших, назидательных целей сказания. Ничто так хорошо не характеризует этого круга легенд, как рассказ о Каталаунской битве, сохранен-

ный у Иордана. В тревожную ночь перед решительной битвой, повествует Иордан, солдаты Аттилы захватили в соседнем лесу пустынного, который слыл за прорицателя; Аттиле пришло на мысль спросить его о своей судьбе: «Ты бич Божий, — отвечал ему пустынный, — и палица, которой Провидение поражает мир; но Бог по воле Своей ломает орудие Своей кары и по Своим предначертаниям передает меч из одних рук в другие. Знай же, что ты будешь побежден и через это поймешь, что твоя сила не от мира сего». — Мысли, которые вложены здесь в уста пустынного, и составляют собой основную идею и характерный колорит всех христианских сказаний об Аттиле.

Второе место в преданиях об Аттиле занимают германо-скандинавские легенды. На германском севере имя Аттилы изменилось в Этцеля, да и облик его получил совершенно иную окраску. Аттила германских сказаний напоминает скорее Карла Великого, как он изображается в рыцарских романах, чем действительного гуннского вождя. Кровожадный монгол здесь является мирным владыкой, простодушным и гостеприимным владельцем и веселым собеседником. В военных действиях он стоит на заднем плане; оружием распоряжаются по преимуществу его вассалы, далеко превосходящие его в славе военных подвигов. Еще своеобразнее и еще интереснее предания венгров, этих прямых потомков гуннов. В них Аттила представляется в полном смысле народным вождем, любимым героем, отцом народов. Ужас врагов Венгрии, пока венгры остаются язычниками, он становится в их сказаниях каким-то патриархом, когда и они принимают христианство. Аттила, по позднейшим венгерским легендам, является уже родоначальником св. Стефана. Заметим, между прочим, что само имя Аттилы Забелин, считающий гуннов славянским племенем, производит от «тата — тятя» = «отец», и ставит его поэтому в такое же отношение к славянскому племени, в каком понимают его венгерские легенды.

Аттиле было от 35 до 40 лет, когда он сделался вождем гуннов. Чтобы верно нарисовать его портрет, необходимо помнить, под каким углом зрения смотрели на него составители летописей и преданий. Даже относительно наружности только в венгерских преданиях мы находим действительный тип гуннского завоевателя. В латинских и германских преданиях она принимает всевозможные формы. В христианских легендах, где Атила иногда является не только палицей Божией, но и орудием нечистого духа, даже самим дьяволом, лицо его отмечено безобразием. Христианское предание дает ему иногда лысую голову с ушами собаки, а иногда голову осла или борова. В других же сказаниях Атила наделяется выдающейся красотой. К счастью, нет надобности искать в легендах исторического портрета Аттилы. Византиец Приск, сопровождавший в 449 г. греческое посольство в стоянку Аттилы и видевший его лично, оставил нам подробное описание его наружности. Малорослый, с широкой грудью и большой головой, с узкими и ввалившимися глазами, плоским носом и редкой бородой, Атила мог служить типичным представителем монгольской расы. Откинутая назад голова и блуждающий, полный любопытства и беспокойства взгляд придавали ему гордый и повелительный вид. Это был человек, отмеченный судьбой, говорит Иордан, рожденный для ужаса народов и всех стран. При раздражении его лицо искажалось и глаза блестели огнем, так что самые смелые не решались испытать порывов его гнева. В обычные минуты он был кроток с подчиненными, щедр к слугам и справедлив к подданным, судить которых он ежедневно выходил на крыльцо своего степного дворца. С чисто варварскими привычками и пьянством, со страстью к женщинам, из которых он набирал себе несметное число жён, так что дети его составляли почти целое племя, Атила поражал чистотой и опрятностью своей одежды и воздержностью в столе. Он ел и пил из деревянных сосудов, тогда как гостям его все подавали не иначе как на золоте или на серебре. В битвах он редко рисковал

собой и умел хитро пользоваться переговорами. Это был полный представитель ловкого, расчетливого и пронырливого азиата, умевшего проводить опытных византийских политиков. Есть основание думать, что в молодости Аттила провел несколько времени на службе у римлян; здесь Аттила хорошо познакомился со слабыми сторонами Римской империи, но римская цивилизация не оказала на него того чарующего влияния, которого не избегли почти все варвары, знакомившиеся с нею. Аттила остался варваром в полном смысле слова, сохранил искреннее презрение к римской образованности и если часто приближал к себе римских перебежчиков, то лишь для того, чтобы ловчее и успешнее бороться с Римом. Его заветной мечтой было — на развалинах цивилизованного Рима основать свою варварскую Империю.

Первые шесть или семь лет своего владычества Аттила употребил на то, чтобы сплотить варварские племена северо-востока Европы в одно громадное целое. Обратясь к западу, он захватил рассеянные здесь славянские и финские племена и распространил свою власть до самого Балтийского моря. На востоке он подчинил своей воле племя акатциров, более известных впоследствии под именем хазар, и здесь, на рубеже Европы и Азии, основал могущественное царство для своего старшего сына, Еллана. Сомкнув в одно целое все разноплеменные силы северо-восточного варварства, Аттила обратил внимание на Римскую империю, с которой до сих пор он получал ежегодную дань и подарки. В 450 г. его послы одновременно явились перед обоими римскими императорами и обратились к ним со следующей речью: «Аттила, твой и мой повелитель, приказывает тебе приготовить дворец к его прибытию». Гордый ответ византийского императора Маркиана, который на требование посла заявил, что он имеет золото для друзей и железо — для врагов, заставил Аттилу обратиться на запад. К этому присоединилось еще одно обстоятельство, дававшее повод Аттиле к походу на Западную империю. За несколько времени перед тем сестра запад-

ного императора Валентиниана, Гонория, которую держали в одиночестве из боязни, выдав ее замуж, создать соперника императору, решила на романтическую выходку и тайно послала свое кольцо Атилле, предлагая ему свою руку и сердце. Атиллы, чуть не ежедневно набиравший себе новых жен, едва ли имел какую-либо охоту хлопотать о приобретении в свой гарем римской красавицы, которая к тому же скоро нашла способ оживить свое одиночество, вступив в связь с одним из придворных чиновников; тем не менее гуннский завоеватель решил воспользоваться этим случаем как удобным предлогом для вторжения и предъявил императору Валентиниану требование выдать ему Гонорию и ее приданое, под которым он имел в виду половину Империи. Конечно, Валентиниан отвечал на него отказом, и тогда Атиллы, собрав все силы своего государства, двинулся на Запад. Никогда, со времен Ксеркса, не было подобного ополчения. Северная Азия выслала для усиления Атиллы целые толпы своих кочующих сынов, к которым присоединились племена сарматские, славянские и германские. В ополчении Атиллы современники насчитывали не менее 500 тысяч, а по другим известиям — не менее 700 тысяч. Тут были и азиатский кочевник, и славянин, и алан с огромным копьем, и раскрашенный гелон с косою вместо оружия и в накидке из человеческой кожи вместо плаща. Германия выслала с севера и запада самые отдаленные из своих народов с тяжелой пехотой, приводившей в отчаяние римлян. В этих полчищах, среди пестрых предводителей, собрались будущие владыки Италии, сменившие западных цезарей, сошлись враги и друзья Империи.

Рассчитывая дойти до берегов Рейна в первых числах марта, Атиллы в январе должен был подняться со своей стоянки на Дунае. Перебравшись через Рейн при помощи плавучих мостов, Атиллы начал занимать и разрушать один за другим города Галлии. Он объявил здесь себя другом римлян, пришедшим с единственной целью наказать вестготов, врагов Рима, и потому требовал, чтобы галлы оказа-

ли ему хороший прием как своему освободителю и союзнику Империи. «Иначе, — заключал свои слова Аттила, — трава не будет расти там, где пройдет конь Аттилы». Было забавно и вместе ужасно видеть этого самозваного римского полководца, как он принимал городских куриалов, сидя на лавке и на ломаном латинском языке убеждая их открыть ему ворота. Некоторые города повиновались, другие пытались сопротивляться, но те и другие одинаково были разграблены и обращены в пепел. Жители некоторых городов покидали свои дома и разбегались по лесам. Римские чиновники давно уже оставили галльские города и потому в эти опасные минуты на первом плане стоят епископы и духовенство, одно только не покинувшее своего места. Население Лютеции, т. е. теперешнего Парижа, было остановлено и спасено св. Геновефой или Женевьевой, по французскому произношению, и рассказ об этом подвиге святой девушки составляет один из симпатичнейших эпизодов тогдашней истории.

Будущая столица Франции была тогда торговым рыбным складом и населена большей частью рыбаками. Этот город находился на одном из рукавов Сены, был окружен стенами, уставленными башнями, и мог выдержать продолжительную осаду. Но на жителей Лютеции напала паника — та самая паника, которая распространилась тогда и по другим большим городам Галлии; все население Лютеции готово было к бегству и суда уже спущены на воду; в это-то время и раздалось энергичное слово Женевьевы. Это была молодая, восторженная монахиня, славившаяся своей аскетической жизнью. Подобно Жанне д'Арк, она часто приходила в экстатическое состояние, видела видения, слышала голоса. Когда в пределах Галлии появился Аттила, Женевьева имела видение, в котором ей было открыто, что Париж будет спасен, если все принесут покаяние, — и она стала убеждать своих соотечественников молиться и отложить все приготовления к переселению. Мужчины над ней смеялись, а женщины поверили ей, решились не выходить из города и заперлись в церкви.

Мужское население Парижа против воли принуждено было повиноваться Женеувье, и предсказание ее сбылось. Атила не подошел к Парижу, а направился на Орлеан. «Если бы, — пишет французский историк, — жители Парижа тогда же рассеялись, многое могло бы воспрепятствовать их возвращению, и городок Лютеция, по всей вероятности, стал бы тем же, чем стало множество других городов Галлии, более его значительных, а именно пустыней, развалины которой лежали бы и до сих пор под водой, и антикварий, может быть, искал бы на ее месте следов вторжения Атилы».

Под Орлеаном Атила встретил римские войска и отвел свое ополчение на широкие равнины, известные под именем Кампании или теперешней Шампани; здесь, на Каталаунских полях, удобных для действия конницы, он решился помериться силами с римлянами. Когда Атила выступил в поход, Западная Римская империя была совершенно не приготовлена к его отражению. Последние остатки римских легионов, выведенные из западных провинций, находились в Италии. Для защиты Галлии западный император мог только рассчитывать на помощь варваров, занимавших теперь ее большую часть. С горстью небольшого отряда он послал в Галлию искуснейшего полководца Аэция в надежде, что варварские племена, живущие там, окажут ему нужное содействие. Страх перед гуннским нашествием, действительно, заставил смолкнуть в Галлии старые раздоры с Империей, и Аэций, собрав под свое знамя все наличные силы страны, не замедлил явиться на Каталаунское поле. «Тогда началась, — говорит Иордан, — жестокая, разнообразная, страшная, ожесточенная сеча; о подобной сече еще ни разу не повествовала древность, и тот, кто не был свидетелем этого чудесного зрелища, не увидит его более». Говорят, что на широком пространстве Каталаунского поля легло около 200 000 воинов, причем большинство убитых были гунны. Сам Атила только с опасностью для жизни успел спастись и заперся в лагере, отгороженном повозками, который и остановил натиск врагов.

Каталаунская битва оставила громадное впечатление в умах современников; легенда рассказывает, что, когда кончилась резня на земле, души убитых три дня и три ночи сражались между собой с неутомимым бешенством. Ее великое историческое значение состоит в том, что она спасла римско-христианскую цивилизацию и образованность от истребления гуннским варварством, так как она ослабила войско Аттилы, лишив его громадного числа воинов, и заставила удалиться за Рейн.

Но бегство и неудача в битве не составляли позора в глазах азиатского варвара. Возвратившись из Галлии с богатой добычей, Аттила вовсе не считал себя побежденным и новым походом поспешил восстановить ужас своего имени. В 452 г. он снова потребовал от Валентиниана руки Гонории вместе с приданым и, получив второй отказ, снова двинулся в поход, направляясь теперь уже в Италию. Рассказывают, что в Милане Аттила обратил внимание на картину, изображавшую скифов на коленях перед сидящим на троне римским императором; он приказал нарисовать самого себя на троне и у ног своих римских императоров, высыпавших золото из мешков. Последнее, конечно, было более сообразно с действительностью. Перебравшись через Юлийские Альпы, Аттила опустошил лежащие на пути итальянские города и имел намерение идти на Рим. Но силы гуннов были ослаблены если не битвами, которых теперь не было, то разрушительным влиянием непривычного для них итальянского климата. Чем богаче была добыча, награбленная ими в верхней Италии, тем сильнее было желание возвратиться в знакомые места прежнего кочевья. Слава имела весьма мало значения для них, да к тому же от похода на Рим сдерживал их и тот суеверный страх, который еще возбуждал у варваров Вечный город всем своим прошлым. Все-таки Аттила сделал распоряжение о соединении всех сил гуннского ополчения, показывая вид, что хочет двинуться к Риму по большой дороге, ведущей через Апеннины. При известии об этом движении гуннов ужас овладел римским

двором; мысль о сопротивлении не приходила никому и в голову; решено было вымолить мир у Аттилы на каких угодно условиях, и торжественное посольство, во главе которого стоял св. Лев, еп. Римский, отправилось навстречу Аттиле. Это было как нельзя более кстати для Аттилы, колебавшегося между отступлением и движением вперед и увлекаемого назад общим желанием войска и совета. Мирный договор был заключен и, обремененный несметной добычей, Аттила оставил Италию, разграбив, впрочем, по пути еще город Аугсбург. В восторге от удаления гуннов итальянцы приписали свое неожиданное спасение чуду: они говорили, что Аттила увидел подле папы апостола Петра, угрожающего ему мечом, и что это видение побудило опустошителя Италии отступить назад.

Вскоре по возвращении в свою резиденцию великий завоеватель скоропостижно умер. В 452 г. он блистательно праздновал свою женитьбу на бургундке Ильдико, а на другой день его нашли в постели уже мертвым. Быть может, он умер вследствие неумеренного пиршества; а быть может, и бургундка убила его спящего, чтобы отомстить за свой народ. Тело царя, положенное в три гроба: золотой, серебряный и железный, с массой сокровищ было в глубокую полночь опущено в могилу; и пленники, вырывшие и засыпавшие могилу, были убиты, чтобы никто не знал, где покоится прах Аттилы, и не мог его потревожить. — В ту ночь, когда умер Аттила, византийский император Маркиан видел во сне, что лук гуннского царя сломался, — вероятно, не в первый раз видел Маркиан во сне Аттилу, потому что днем ему слишком много приходилось думать о страшном варваре.

По смерти Аттилы основанное им громадное гуннское царство распалось на разнородные силы, составлявшие его. Начались войны между многочисленными сыновьями Аттилы и различными племенами, послушно следовавшими за его знаменами, и государство Аттилы разрушилось так же быстро, как оно и возникло. На месте, служившем постоянным жилищем гуннов, поселились бывшие их

подданные гепиды, вступившие теперь в дружественный союз с Восточной империей.

«По ночному небу, — говорит историк Вебер, — проносится иногда метеор, затмевающий блеском свои звезды, и быстро угасает, не оставляя по себе никаких следов; с изумлением смотрят на него люди и долго говорят о нем: так и могущество Аттилы мгновенно обратилось в ничто, и не осталось следа от него, но в преданиях и песнях долго еще звучало имя его, и слава его сохранилась в римских летописях и в немецком эпосе»

Вторжение гуннов в Италию и Галлию как бы положило конец Западной Римской империи. Победа Аэция на полях Каталаунских, достигнутая при помощи варварских же сил, и отступление Аттилы из верхней Италии, вызванное климатическими условиями этой страны, были мнимым мимолетным торжеством Рима. По удалении гуннов Италия осталась все же в полном распоряжении варваров, взад и вперед ходивших по ее равнинам и опустошавших знатнейшие города. В самом Риме после грабежей Алариха и ужаса перед нашествием гуннов дворцы аристократов стояли пустые; под влиянием варварских опустошений даже природа страны изменилась к худшему. Запущенные земли покрывались болотами и стоячими водами, потому что каналы давно были засорены и никогда не исправлялись; ядовитые миазмы поднимались над этими болотами, производя заразные болезни и убийственные лихорадки, от которых до сих пор не могут еще избавиться некоторые области Апеннинского полуострова. Огромное число жителей навсегда оставило Италию во время нашествий Алариха и Аттилы, но уцелевшее в ней население не увеличивалось естественным приростом, а постоянно уменьшалось. Давно уже Италия не давала подмоги римским войскам, набравшимся исключительно из варваров.

Дальнейшая история Западной империи не представляет уже почти никакого интереса. Единственный признак Римской импе-

рии, какой еще сохранялся донине от ее бывшего могущества, это был ряд последовательно сменявших друг друга лиц с титулом римского императора. Но и этот призрак скоро исчез. После смерти Валентиниана, последнего представителя рода Феодосия Великого, римские императоры стали пустыми и жалкими игрушками в руках вождей варварских войск, распоряжавшихся ими по своему произволу. Я сделаю короткий перечень последних императоров, и этого перечня будет вполне достаточно, чтобы видеть ту ничтожную роль, какая им выпала в последних судьбах Империи.

Избранный сенатом и народом после смерти Валентиниана Петроний Максим императорствовал около двух месяцев: он был убит народом во время нашествия вандалов на Рим, и тело его брошено в Тибр. Праздный престол римского императора занял теперь галльский вельможа Авит, рекомендованный остготским королем, но в следующем же году он был низвергнут главнокомандующим варварских войск Рицимером, который и сделался теперь действительным распорядителем Рима. Он назначил императором некоего Майориана, отличавшегося храбростью, но через пять лет убил его и отдал престол Ливию Северу, продержавшемуся на нем около двух лет. По смерти Севера Рицимер долго не назначал нового императора, и Италия на опыте убедилась, что отсутствие этого титулованного лица не вносит ни малейших перемен в жизни страны. Византийский двор счел, однако же, нужным прислать сюда патриция Анфимия, через пять лет погибшего от руки того же Рицимера. За ним следовали еще три императора — Гликерий, Юлий Непот и Ромул-Августул, сменившие друг друга в течение пяти лет. Последний из них только тем и обращает на себя внимание в истории, что он закончил собой ряд ничтожных лиц, носивших великое имя римских императоров. Ромул-Августул охотно отказался от императорского сана и стал жить частным человеком на прекрасной вилле на очаровательном берегу Бискайского залива, получая от Одоакра ежегодную пенсию в 6 000 золотых монет.

С удалением в поместье последнего императора ничто не изменилось в Италии. Италия давно была во власти варварских войск, и теперь она осталась под их же управлением. Современники даже не заметили, что вместе с Ромулом-Августулом уничтожается последний признак бывшей Империи. Дружина Одоакра избрала было императором его самого, но он отказался от пустого титула и назвал себя *rex gentium*, т. е. королем всех итальянских народов.

Таким образом, падение Западной империи не было чем-либо быстрым, эффектным, неожиданным; процесс разложения ее шел постепенно и весьма последовательно. Все племена германцев участвовали в деле великого разрушения, но участвовали без плана и согласия, как бы служа слепыми орудиями судьбы. Конец Империи как раз пришелся ко времени, задолго еще предсказанному языческими гадалками. 12 коршунов явилось Ромулу при основании Рима — 12 столетий и протекло со времени основания Вечного города до того момента, когда последний его представитель, тоже по имени Ромул, должен был передать свою власть варвару.

3. Значение эпохи переселения: а) образование новых государств и новых общественных союзов; б) передача римского наследия варварам и средства, при помощи которых она производилась; в) важная роль западного духовенства в ходе переселения народов и образования новых общественных союзов.

III. Великое историческое значение эпохи переселения состояло в том, что она завершила падение Западной Римской империи и центр исторической жизни перенесла из Рима к варварским племенам, принимавшим в ней до сих пор косвенное, стороннее участие. До эпохи переселения на долю германских народов выпадала в истории лишь отрицательная роль — содействовать начавшемуся распадению древней общественной и государственной жизни, сосредоточившейся в

Римской империи, и таким образом расчистить поле для новых политических образований. Современникам падения Империи, имевшим возможность наблюдать только эту сторону варварской силы, нередко казалось, что вместе с Римом гибнут под ее напором все плоды, достигнутые древней цивилизацией, и что из беспорядочного варварства ничего не может выйти, кроме хаоса. Между тем после падения Империи из хаотического варварского брожения появились стройные общественные формы, не имевшие никакого подобия в древнем мире. Значит, в варварстве, напавшем на Империю в V в., было нечто своеобразное, обладавшее могучей созидательной силой. Став после эпохи переселения распорядителями на исторической сцене, германцы и обнаружили свойственные им созидательные способности, образовав новые политические учреждения и по-своему направив ход дальнейшей истории Запада.

Этот глубокий переворот, вызванный переселенческими движениями V в., следствия которого еще продолжают существовать и поныне, в лице современных западно-европейских народов и государств, ближайшим образом отразился на политическом строе Европы. Если взглянуть на карту Запада в том ее виде, какой она имела к концу IV в., т. е. к началу эпохи переселения, то мы увидели бы все пространство Европы занятым одной обширной Римской империей — Империей, уже разлагавшейся во всех своих частях, но еще имевшей право отождествлять себя с понятием вселенной; вне этого римского мира тогда стояла только покрытая болотами и лесами зарейнская область, которую римские географы не всегда считали возможным причислять к населенным странам. К концу уже V в., когда великое движение народов мало-помалу приутихло и различные германские племена осели на приобретенных ими землях, мы напрасно стали бы искать на Западе такого клочка земли, где сохранялась бы еще действительная власть Рима и римского императора. Все то, что принадлежало Римской империи и входило в ее пределы, сделалось теперь добычей варваров, образовавших

из себя целый ряд новых государств и новых общественных союзов. Большую северную часть Галлии заняли франки, ставшие передовым народом новой Европы; к югу от них, вплоть до Апеннин, поместились бургунды; на восток от франков и бургундов шли племена саксов, алеманов, тюрингов и еще далее герулов и сарматов. Испанией и африканскими провинциями овладели вестготы и вандалы, а Италия — эта коренная провинция Вечного города — образовала из себя королевство остготов. Таким образом, многовековая борьба Рима с германскими племенами закончилась в эпоху переселения полным торжеством для последних.

Поселившись на развалинах разрушенной ими Империи, германские племена привнесли с собой совершенно иные задатки общественной и государственной жизни, чем те, какими жила Римская империя. Как ни первобытна, как ни малосложна была жизнь германцев до перехода их в пределы Империи, все-таки они успели выработать определенные формы быта, своеобразные привычки и племенные склонности. Этот прежний варварский быт со всеми его особенностями и был перенесен теперь на территорию Римской империи, разлился по всему Западу, и Европа вновь погрузилась в варварство. Но это варварство, открывающее собой историю новых народов Европы, нужно все же понимать в условном и относительном смысле; это варварство носило существенно иной характер, чем то, из которого вышли греки и римляне. Дело в том, что, придя в Империю, германские племена нашли здесь целый строй общественных и государственных учреждений, целый круг выработанных идей и понятий, давно уже проникших в жизнь. Бедные культурой, они на почве римских провинций неожиданно и незаметно для себя оказались обладателями великого духовного наследства, оставшегося от двенадцативековой истории Рима. Можно поэтому сказать, что уже при самом вступлении в собственно историческую жизнь германские племена изменяли своему варварству, теряли часть своей самобытности и воспринимали в себя

новый римский элемент, становясь как бы продолжателями дела, завещанного им древностью.

Как происходила эта передача римского наследия варварам? Каким образом римская культура сохранилась после распада Империи, создавшей ее, и сделалась основанием нового порядка вещей? Этот вопрос принадлежит к числу интереснейших и полных глубокого значения исторических вопросов. Ответа на него должно искать ни в чем другом, как только в характерных чертах эпохи переселения — этой эпохи, когда решительно, лицом к лицу встретились между собой миры римский и варварский. Множество обстоятельств, сопровождавших эту эпоху, способствовали тому, чтобы духовная жизнь Рима не осталась бесплодной. Сюда принадлежит прежде всего то чарующее влияние, какое оказывала греко-римская цивилизация на германских варваров; для полудикого германца римский мир всегда казался чем-то чудесным, необычным, невольно внушающим уважение к себе. Есть один рассказ, относящийся к эпохе еще Тиберия, т. е. к эпохе первого ознакомления германцев с Римом, который прекрасно характеризует нам то обаятельное впечатление, какое производило на варваров зрелище римлян. Когда Тиберий в походе на германцев приблизился к Эльбе, один старый варвар переправился через реку в челноке и потребовал, чтобы ему позволили видеть римского полководца. Он был допущен к Тиберию; долго вольный германец смотрел на римского императора и наконец, коснувшись его руки, вскричал в восторге: «Теперь я умру спокойно: сегодня я видел богов». Впоследствии, когда политическая беспомощность Рима стала очевидной, за ним все-таки оставалось огромное умственное и культурное превосходство, подчинявшее себе варваров. Переходя на римскую почву, германский завоеватель вступал в какой-то новый, неведомый ему мир, о котором прежде он слышал лишь темные, фантастические рассказы. Невольный страх вселялся в душу варвара, ему изменяла даже прежняя вера в свою богатырскую силу, и долго простодушный

варвар не мог понять, что он — полный хозяин в этом мире... Любопытный пример в этом отношении представляет собой Атанарих, вождь готов; Атанарих был воспитан в ненависти к Риму и всему римскому; он дал клятву отцу, что его нога никогда не коснется римской земли; но, вынужденный обстоятельствами прибыть в Константинополь, он так был поражен всем виденным, что счел нужным оставить своим подданным такого рода завет: «Император, — говорил он, — без сомнения, есть бог на земле, и кто поднимет против него руку, тот своей кровью омоет преступление». Вопреки всем своим прежним желаниям, Атанарих стал поклонником греко-римской культуры.

Это невольное уважение к основам греко-римского мира, питаемое варварами, объясняет нам одну характерную и на первый взгляд, пожалуй, странную черту эпохи переселения, состоящую в том, что варвары, нападавшие на Империю в V в., вовсе не думали о ее разрушении, не поставляли своей целью ее завоевание. Чем глубже и всестороннее изучается эпоха переселения, тем прочнее и прочнее становится тот вывод, что Римская империя пала не вследствие завоевания, как это принято думать, а вследствие постепенного заселения ее провинций варварами. Грабежи, пожары, убийства, походы и прочее, которыми наполнена эта эпоха, — это все были лишь неизбежные спутники всяких великих массовых движений, в данном случае отнюдь не выражающие внутренней сущности явления. Можно привести бесчисленный ряд доказательств в пользу того, что общим желанием варваров, двигавшихся в пределы Империи, было не разнести ее по частям, а получить себе в ней место. Известно, что все германские племена, прежде чем получали позволение на окончательное поселение в областях Империи, обязывались свято чтить величие римского народа. Вступая врагами на римскую почву, они оставались в ней не иначе как союзниками и защитниками Империи, выговаривая себе в качестве вознаграждения формальную уступку захваченных ими земель.

Даже вандалы, самый свирепый и дерзкий из германских народов, до тех пор не сочли себя полными владетелями Африки, пока не обеспечили себя особыми договорами с римским императором. Мало того, сам Атила, мечтавший о разрушении Империи и основании на ее развалинах нового царства, не иначе выступил в поход на Галлию, как подыскав законный предлог и объявив себя за римского полководца, идущего наказать непокорные Риму племена. И действительно, пока существовал в Риме император, земли, захваченные германцами, не отделялись формально от Империи, и германцы считались не завоевателями, а воинами римского правительства, занявшими отведенные им участки для защиты Империи от врагов. Император Валентиниан, собирая силы на борьбу с гуннами, прямо называет вестготов «членами Империи», — тех самых вестготов, которые под предводительством Алариха разграбили Рим, опустошили Италию и насильно заняли южную Галлию. По рассказу Орозия, короли аланов и свевов, пришедшие в области Империи, также отдавали себя под покровительство Рима: «Они говорили императору: “Храни мир со всеми, бери от нас заложников и оставайся победителем”». Знакомясь с Римской империей, лучшие люди германского племени как бы инстинктивно понимали недостаточность одной физической силы и невольно старались направить ее не на разрушение, а на поддержание старого порядка. Тот же Орозий пишет об Атаульфе, короле вестготов, следующее: «Вначале ожесточенный враг Империи и римского имени, Атаульф ничего не желал так страстно, как уничтожения ее и возвышения господства и славы готов. Но убедясь многочисленными опытами, что готы были еще слишком варвары для того, чтобы повиноваться законам, и зная, что без законов нет государства, он ограничился меньшей славой, употребив силы готов на восстановление могущества римлян: он решился сделаться восстановителем древней Империи, не имея возможности быть основателем новой». Когда Западная империя пала и прекратился ряд лиц, преемственно но-

сивших титул императора, варварские правители стараются поддержать не Империю, которой уже не было, а строй государственного механизма, сохранившийся и после падения Рима. Занимая земли Империи, варвары находили в них известные формы общности; они не в силах были устранить их, потому что они были выше и лучше тех, какие имели варвары; а поэтому и задачей их было — не создавать новые формы, а примениться к старым, усвоить их себе. Павший Рим оставался, таким образом, живым идеалом, которому стремились подражать варвары на первых шагах своей государственной жизни. «Наше королевство, — писал Кассиодор, первый советник Теодориха Остготского, к византийскому императору Анастасию, — есть подражание вашего; что перенимаем мы у вас, тем и превосходим другие народы».

Своих ближайших помощников в деле усвоения римского наследия и естественных проводников его варвары нашли в старом римском наследии завоеванных ими провинций. Как бы мы не представляли себе эпоху переселения, какими бы опустошениями она не сопровождалась на самом деле, во всяком случае, нельзя думать, чтобы варварскими нашествиями уничтожено было все коренное население Империи. Всматриваясь в ход германских вторжений в римские владения, нетрудно заметить, что целью разрушительных набегов служили главным образом города, привлекавшие своим богатством варварские аппетиты. Конечно, в эту бурную эпоху и сельские жители не могли оставаться спокойными, тем не менее буря варварских нашествий в общем проносилась мимо них, захватывая только одну их поверхность. При слухе о приближении варваров население сел и деревень скоро и легко укрывалось; часто так же поступали и обитатели городов; дорогой ценой расплачивались только те, которые не имели возможности убежать или были слишком самонадеянны, чтобы искать спасения в бегстве. Когда народные брожения улеглись и стало восстанавливаться обычное, мирное течение жизни, вся масса разбежавшегося римского населения возвра-

тилась на свои прежние места и вошла в состав вновь образовавшихся варварских государств. Варвары охотно принимали старое население; не привыкшие к оседлому земледельческому хозяйству, они чувствовали необходимость в рабочей силе и заботились о том, чтобы привлечь и удержать ее в прежних пределах. Понятно, что рассеявшееся среди варваров население удержало свои старые римские привычки и понятия и воспитывающим образом действовало на окружающую их варварскую обстановку. Вожди германских племен, увидевшие теперь под своим управлением слишком разносторонний состав подданных, нередко сами обращались за советами к представителям покоренного народа, а эти новые советники, из личных ли расчетов или из более благородных побуждений, старались внушить германским конунгам *римские* понятия о власти и государственных порядках, и как ни медленно совершалось это преобразование варваров, все-таки возможно почти шаг за шагом проследить переход от понятий и быта, перенесенных из лесов Германии, к начаткам государственной жизни. Этой постепенной романизации варварства содействовала весьма много одна особенность их юридического быта — особенность, которая могла возникнуть только в то переходное время и которая не имеет ни малейшей аналогии в жизни новейших государств. Эта особенность состояла в *личном* характере права. В настоящее время известный, определенный закон действует обязательно на всех лицах, живущих в данных пределах; границы внешнего действия закона совпадают с границами государства, за пределы которого закон не имеет приложения. Не так было у варваров: у них закон прикреплялся не к территории, а к лицу и определялся или племенным происхождением этого лица, или его свободным выбором. Иначе говоря, в варварских государствах германцев каждый судился по своему собственному закону: римлянин, где бы он ни был, в государстве ли франков, в остготской ли Италии, или у вестготов в Испании, — везде он подчинялся римскому праву и сообразно с римскими постановлениями привлекался к ответственным

ности; франк же, напротив, знал только свое франкское право и его считал обязательным для себя. Этим и объясняется то удивительное явление, засвидетельствованное одним древним писателем, что в то время можно было видеть беседующими 4 или 5 человек, из которых каждый жил под своим законом и судился на его основании. Нет надобности говорить о том, что такая форма юридического быта в действительности вызвала невообразимую путаницу, но в данном случае важно то обстоятельство, что римское право не исчезло с падением Империи, что оно не осталось мертвым капиталом, а продолжало жить и действовать среди варваров. Превосходство и выработанность этого права в сравнении с неписаными варварскими законами неизбежно вели к расширению его области и воздействию на варваров. Вот почему же в древнейших памятниках варварского законодательства можно подметить явные следы начавшегося преобладания римских юридических понятий, составляющих и до наших дней основу юридического быта европейских государств.

Таким образом, способы, при помощи которых римская культура передавалась новым варварским народам, были очень разнообразны и многосторонни, но, быть может, и все они оказались бы недостаточными для того, чтобы сохранить римское наследие позднейшим поколениям, если бы в смутную эпоху переселения народов задачу посредствовать между древним и новым миром не взяла на себя христианская Церковь Запада. Сосредоточив в себе все лучшие элементы греко-римской цивилизации и воспитав варварские народы для восприятия этих элементов, христианская Церковь наряду с наследием классической древности и варварством явилась третьим великим фактором, создавшим новоевропейский мир. Мы не поняли бы совершившегося в эпоху переселения переворота, не поняли бы и смысла всей дальнейшей истории, если бы не остановились несколько подольше на историческом значении христианства в этот переходный период.

Известно, что христиане, учение которых было отрицанием античного мира, первоначально чуждались всего окружающего их. Даже в то время, когда сами императоры сделались христианами, христианское общество в лице лучших своих представителей не всегда отрешалось от неприязненного взгляда на их власть. В высшей степени интересные в этом отношении мысли высказывает блаж. Августин: «Отстранив понятие о правде, — пишет он, — что такое будут царства, если не разбойничьи шайки в огромных размерах, ибо что иное разбойничья шайка, как не царство в малом виде? И там собрание людей, повинующихся единой власти, и там в основе лежит договор, и там по известным законам делится добыча. Если на беду эта шайка разрастется в большие размеры, займет известную область, получит оседлость, овладеет городами и подчинит народы, то она открыто присвоит себе имя царства, — имя, которое, очевидно, достается ей не вследствие отречения от любостяжания, а вследствие приобретения безнаказанности. Остроумно и верно ответил Александру Македонскому один взятый в плен морской разбойник. По какому праву, спросил его царь, смеешь ты грабить на море? По тому же, смело ответил разбойник, по какому ты опустошаешь земли. Меня зовут разбойником потому, что у меня ничтожный кораблик, тебя зовут завоевателем, ибо ты имеешь огромный флот». Блаж. Августин хочет сказать, что царства земные имеют право на существование только в таком случае, если они основываются не на любостяжании, не на подчинении слабых сильными, а на христианских идеях любви и справедливости. Вначале христиане не только чуждались государственной жизни, но так разрывали все связи с обществом, что самые простые отношения становились невозможными между ними и язычниками. Но с IV в. это положение христиан в Римской империи совсем изменяется: христианство делается господствующей религией; сам владыка Империи исповедует христианство и председательствует на соборах, куда сходятся представители христианских

общин всего римского мира. Со времени Константина Великого христиане уже не имели надобности скрывать свои собрания во мраке подземелий, они пользуются свободой на всем протяжении Империи и распространяют свое учение далеко за ее пределы. Еще задолго до своего официального торжества христианство получило огромное влияние на общество, смягчая общественные отношения и изменяя суровые постановления римского права. После Константина Великого христиане уже не сторонились от участия в общественной жизни, и христианские епископы получили важное значение в строе римской администрации. В городах Империи епископы заняли одно из первых мест, стали влиятельнейшими лицами в городском управлении и пользовались обширными правами и преимуществами, будучи в то же время богаты и материальными средствами. Чем более с течением времени понижалось значение императорской власти, тем более вырастал значение представителей христианских общин. Каковы бы ни были притязания императоров, их власть не раз принуждена была склонять голову перед служителями алтаря, как это было, например, в известном столкновении св. Амвросия Медиоланского с императором Феодосием Великим. Еще ранее Константина разрушилось и отчуждение Церкви от языческой науки, которой христианство овладело в целях лучшей борьбы с язычеством. В афинских школах IV в. на ученических скамьях встретились величайшие представители христианской Церкви того времени, как свв. Василий Великий и Григорий Назианзский, рядом со знаменитейшими и ревностнейшими поборниками угасавшего язычества, цезарем Юлианом и софистом Либанием. Отношения христианского общества к языческому с этой стороны так изменились, что нельзя представить себе более резкой противоположности, как состояние христианской и языческой литературы последнего времени Империи. Все лучшие силы ума и воображения того времени принадлежали уже христианской Церкви, и в то время как языческая литература отличалась

бесплодием и бесцветностью, литература христианская поражала богатством содержания и красотой внешнего изложения.

С первого взгляда можно было бы подумать, что христианская Церковь со времени Константина неразрывно связала судьбу свою с судьбами Империи, что ее представители употребят все силы на защиту Империи и с ужасом будут смотреть на варваров. На самом же деле оказалось далеко не так. Христианской мысли тех веков была не чужда идея о гибели Империи, не влекущей, однако же, за собой гибели христианства. Образчик христианских взглядов на будущее Римской империи дает нам Лактанций. Он пишет: «Вся земля будет потрясена, повсюду будет свирепствовать война... и имя Рима, который теперь правит вселенной, исчезнет с лица земли. Империя возвратится на Восток, Азия снова будет царствовать, и Запад будет покорен». Лактанций жил в конце III и начале IV в., еще под властью языческих императоров и среди ожесточенных гонений, а потому и его мрачные предсказания о гибели Империи отчасти понятны. Но и под властью христианских правителей, среди страшных бедствий, постигавших Римскую империю, христиане не думали приходить в отчаяние. «Рушится римский мир, однако же голова наша не склоняется долу», — писал знаменитый отшельник Вифлеема блаж. Иероним. Прислушиваясь к голосам западного христианского духовенства в самые страшные минуты варварских нашествий, мы не найдем в них ни ненависти к варварам, ни глубокой печали о разрушающейся Империи; мы найдем в них нечто совершенно обратное этому. К своему удивлению, мы увидим, что если для некоторых из них, как, например, для св. Павлина Ноланского, опустошение южной Италии, где он жил, и самое взятие Рима готами прошли незамеченными, не возмутив ясного спокойствия его души, то другие, напротив, и притом бо́льшая часть, как бы торопят варваров поскорее покончить с Империей и римским миром, открыто признают в них орудие Провидения и на их торжество смотрят как на залог дальнейшего преуспевания че-

ловечества. Лучшим выразителем этих господствовавших в христианском мире взглядов на Империю и варваров был знаменитый епископ Иппонский, блаж. Августин; написанное в 414 и 415 гг., т. е. в самый разгар варварских нашествий, его сочинение «*De civitate Dei*» (т. е. о царстве Божием) представляет собой не только замечательный памятник христианской литературы V в., оказавший сильное влияние на последующую средневековую письменность, но и глубоко знаменательный исторический факт. Составленное на рубеже двух великих периодов, на которые распадается история человечества (древнего, дохристианского, и нового — христианского), это сочинение подводит итоги древней истории, делает оценку ее результатов и объявляет наступление нового мира, новой истории. Можно сказать, что в этом сочинении Августина Западная христианская Церковь как бы отрешает римлян от истории, отвергает их Империю, поканчивает с ней счеты, и бразды правления передает варварам, которых он ставит в тесную связь с христианством. Августин мрачно смотрит на прошедшее Римской империи и все будущее предоставляет новым варварским пришельцам. Отвечая на обвинения язычников, видевших в грозных варварских нашествиях наказание за оставление древнего культа и вину в том возлагавших на христиан, Августин пишет: «Ваши предки сделали войну ремеслом и поработили соседние народы Востока; праздность, мотовство и обилие рабов было следствием этого порабощения; не мы наполнили Италию рабами, не мы поставили их хуже животных, не мы обременили их непосильными трудами; что же касается до нас, то мы проповедуем иное учение: не мы налагали оковы на жителей порабощенных городов; не мы вынуждали собственников покидать имущество и бежать к варварам; не мы обессилили легионы, заставляя их сражаться друг против друга... Чтобы соединить различные народы в одно целое, нужно нечто большее, чем легионы, большее, чем мирские узы вообще; эти узы дает в себе христианство. Очистительный огонь варваров истре-

бит язычество и сделает народы достойными царства Божия, проповедуемого христианской Церковью. Этому Божьему царству предстоит тысячелетие, и в его обновленных стенах не будет честолюбия, неправды и жажды славы; там будет царствовать мир и справедливость; там настанет святая жизнь о Господе». Вот основные черты возвышенного исторического созерцания великого христианского мыслителя! И они, эти черты, вовсе не были только его личным измышлением, плодом его философского образования и глубокого христианского чувства; они выражали собой думы и надежды, господствовавшие в лучших умах того времени, волновавшие собой христианский мир в век Августина. Наглядным доказательством тому служит то обстоятельство, что взгляды, со всей силой развитые Августином, повторялись и защищались в ряде других сочинений V в., таков был, например, литературный труд Проспера, богослова из Аквитании, написавшего книгу о призвании народов; таково было и (уже отчасти известное нам) сочинение Сальвиана, пресвитера Марсельского, «*De gubernatione mundi*».

Итак, по воззрениям западных церковных писателей, переживавших эпоху варварских нашествий и своими глазами наблюдавших распадение древней цивилизации, Рим с его устаревшими, одряхлевшими учреждениями, с его пропитанными языческими преданиями порядками не имел больше места в истории. Его должны сменить собой варвары, новые народы; они — не только орудие Божественной кары на старый мир; они вместе с тем и материал для созидания нового мира, нового «царства Божия». Они не связаны вековым прошлым; у них нет лежащего позади «золотого века» и они не обращаются к нему с сожалениями и исполненными грусти вздохами; они-то и являются теми новыми мехами, в которые может быть влито новое вино. Но, отрешаясь от Империи и обличая ее прошлое, христианская Церковь отнюдь не покидала старое общество, приютившееся под ее покровом. В бедственную эпоху нашествия варварских народов представители христианской

Церкви взяли на себя трудное и многосложное дело — поддержать распадающуюся общественную жизнь, примирить ее с новыми пришельцами-варварами и таким образом связать древнюю и новую историю неразрывными узами. Это великое дело они выполнили двояким путем: с одной стороны — являясь ходатаями и защитниками за старое население Империи перед варварскими завоевателями, с другой — просвещая варваров, воздействуя на них нравственно и этим путем подготавливая их к более лучшей, более цивилизованной жизни. Обе эти стороны деятельности представителей христианской Церкви в эпоху переселения заслуживают особенного внимания с нашей стороны.

«В отчаянных положениях, — говорит один историк, — нравственное чувство обществ повреждается точно так же, как и чувство отдельных личностей. Как человек не может вынести беспокойства и печали далее известной меры без того, чтобы рассудок не начинал изменять ему, так и общества, будучи жертвой несчастий, которых ни облегчения, ни конца они не видят, теряются и не находят более точки опоры. Они становятся жертвой какого-то самозабвения, действуют ошупью, наудачу, как бы в совершенных потемках, утрачивают ясное понятие о том, что хорошо и что худо. Постоянный ужас, постоянная мысль о смерти, висящей над головой, способны довести человека до исступления, причем он уже теряет всякое самообладание, всякое чувство меры и дает полную свободу всем самым худшим инстинктам своей природы. С отуманенным рассудком он судорожно стремится воспользоваться последними минутами жизни, чтобы взять от нее все, что можно, чтобы испытать всю чашу наслаждений». В таком именно отчаянном положении мы и застаем многие города и провинции Империи в эпоху варварского нашествия. Мы напрасно стали бы в них искать какое-либо сильное правительство, власть, умеющую сдерживать распадающуюся жизнь и сплотить около себя общество. При первом слухе о приближающейся в лице варваров опасности все граждан-

ские чиновники, вся римская администрация спешила покинуть опасную провинцию и бегством спасалась в более центральные местности. Последние легионы, сохранявшиеся еще в провинциях, были предусмотрительно отозваны из них для защиты Италии. Население оставлялось, таким образом, на произвол судьбы: без военной силы, без властей оно снова как будто бы возвращалось в первобытное состояние; всякая общественная жизнь, всякие интересы, выходящие за пределы минуты, исчезают; на поверхности появляются низменные подонки общества, не сдерживаемые более силой закона и стремящиеся воспользоваться благоприятным случаем. В Кельне, например, граждане проводили время за веселыми пирушками в то время, когда весь округ был опустошен варварами, и самые почтенные из них не прежде покинули пирушку, как когда уже в город со всех сторон ворвались враги. Еще удивительнее поступили граждане Трира: этот город уже несколько раз был разграблен варварами, жалкие остатки его населения погибли от голода и неизбежных его спутников — эпидемических болезней; **везде** валялись нагие трупы, брошенные на съедение зверей и птиц, **и что же?** Уцелевшие из лучших и влиятельных людей вместо того, чтобы позаботиться о первой помощи городу, начали хлопотать о **том**, чтобы восстановить зрелища и игры в цирке. А население Кукулл, под влиянием всеобщего ужаса и отчаяния, отреклось от христианства, возвратилось в язычество и даже начало приносить человеческие жертвы, видя в них единственное средство смягчить свой суровый жребий. Вот в эти-то критические минуты, среди разрушения и бедствий, нашелся твердый голос, который один только не потерял присутствия духа и один нашел в себе достаточную силу стать на страже общественного порядка. Этот голос принадлежал представителям христианской Церкви, епископам и подвижникам. Просматривая события этой многотрудной для европейского общества эпохи, легко набрать множество доказательств того, **что** везде, где только виднелась еще жизнь, где общество сохраняло

еще некоторый порядок, там везде непременно на первом месте стоит служитель христианской Церкви. Он заменяет собой все, в чем виделась надобность: он и судья, и правитель, и заступник, и ходатай, и даже военачальник. Он один остается на месте с бедствующим населением, когда все остальное разбегается в разные стороны. «Пусть наша твердость будет примером всей пастве, — говорил один епископ в присутствии собора, составившегося в Испании во время варварского нашествия, — мы должны за Христа перенести небольшую часть страданий, которые Он претерпел за нас». «Я пойду, — говорит другой, — утешать свою паству; я получил сан епископа не для того, чтобы оставаться в благоденствии, но для того, чтобы трудиться». Какие же последствия имела эта готовность представителей христианской Церкви утешать паству и трудиться вместе с ней, — о том нам лучше всего расскажет деятельность Северина, прозванного апостолом Норика. Северин, уроженец Италии, явился в Паннонию и Норик (нынешняя восточная Швейцария и Бавария) в то время, когда орды варваров уже несколько раз побывали в ней и, утвердившись по соседству, постоянно напоминали о себе опустошительными набегами: римские власти давно отсюда бежали, их сменили шайки разбойников, а доведенные голодом до крайности поселяне с оружием в руках напали на своих же соотечественников. Северин взял на себя смелую задачу — вдохнуть жизнь в это умиравшее общество, воскресить его; он начал проповедью покаяния — и силой убеждения сосредоточил в своих руках те бразды государственного правления, которые никто держать был не в силах. В сущности, если смотреть на его деятельность с внешней стороны, то, по-видимому, он не сделал ничего особенного, но его сила была в том, что его голос собрал около себя разбежавшееся население, что под его воздействием возникли правильные отношения, устроился известный порядок, и таким образом общественная жизнь воскресла. Так, например, в большом торговом городе Фавиане случился голод, и

хотя хлеба было достаточно, чтобы прокормиться до новых запасов, но не оказывалось такого лица, которого слушался бы народ и которому он мог бы доверить организацию городского продовольствия. Одни спешили получше скрыть свои запасы, другие, пользуясь отсутствием власти, грабили; при таких трудных обстоятельствах лучшие люди вспомнили о Северине и решились его позвать. Северин пришел на зов и словом убеждения достиг того, что весь имеющийся в городе хлеб был снесен в одно место и стал доступен для общего пользования. И Северин не только заботился о голодном населении одного города; он распространяет свою деятельность на всю провинцию и старается организовать правильную общественную жизнь, налагает подати, издает приказания, даже составляет план атаки на разбойников, — и все это продолжает делать не год и не два, а почти 30 лет.

Подобным образом и население многих городов Галлии и Италии своим спасением, целостью и вообще тем, что оно смогло перенести эпоху варварских нашествий, обязано было ни кому другому, как только своим епископам. Разумеется, самоотверженная готовность епископов разделить с паствой все бедствия не всегда имела явные, благотворные результаты; епископ Реймса, например, Никазий, своим примером воодушевлявший горсть оставшихся в городе храбрых людей к сопротивлению варварам, был убит ими в церкви, но история знает немало и таких случаев, когда предусмотрительная распорядительность или ходатайство представителей христианского общества останавливали разрушительный поток варварского нашествия или смягчали их дикую суровость, и таким образом охранялось прежнее население. Так, Орлеан сумел отстоять себя от полчищ Атилы только благодаря заботам своего епископа Аниона. Узнав о грозившей городу опасности, Анион постарался заблаговременно заручиться солидной помощью; он поспешил на юг Италии, где в то время находился военачальник Аэций, подробно описав ему военные средства, какими располагает

город для своей защиты, уверил Аэция, что в течение пяти недель Орлеан может выдержать осаду, и всеми мерами убеждал его подоспеть на помощь городу не позднее этого срока. Едва успел Анион возвратиться в Орлеан и принять необходимые меры к его защите, как армия Аттилы окружила город, и началась упорная осада; надеясь на скорую помощь Аэция, население Орлеана решилось защищаться до последнего дня: Анион встал во главе ополчения, руководил обороной, торжественными процессиями и убеждениями поддерживал их храбрость. Но силы осажденных наконец истощаются; потеряв надежду на спасение, они уже готовы были сдаться в последний день назначенного Анионом срока, но тут-то, когда варвары почти совсем овладели городом, показались передовые отряды Аэция, и Орлеан был спасен.

Орлеан был большим торговым городом, обнесенным стенами и обладавшим многочисленным населением; у него были поэтому средства к тому, чтобы выдержать долгую осаду и чтобы оказать сопротивление варварам. Но и в тех бедных, заброшенных городках, которые лишены были всяких укреплений, стен или оружия, которые оставлены были совсем на произвол судьбы, — и в этих жалких городках предстоятели христианской Церкви умели действовать на пользу населения с неменьшими успехами, чем в больших городах, только действовали они здесь не оружием, а словом убеждения. Таков был Луп, епископ незначительного галльского города Троб. Не имея ни армии, ни оружия, он с пастырским посохом пошел сам навстречу суровому гуннскому завоевателю и умолял его пощадить не только свой город, но и селения, принадлежащие к его округу. Слово епископа оказало благое действие на варвара. «Будь по-твоему, — сказал Аттила, — но только ты пойдешь со мной до самого Рейна. Присутствие такого святого человека непременно принесет счастье мне и моему оружию». — Известно, что и самый Рим своим спасением от Аттилы немало был обязан тому впечатлению, какое произвел на варвара стоявший во главе посольства св. Лев, папа Римский.

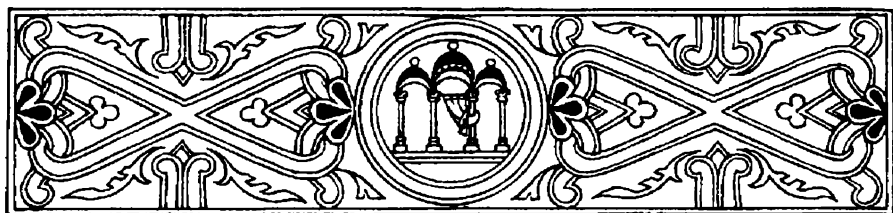
Недаром между гуннами ходили насмешки над Атилиой, недаром говорили, что он, не страшась никаких римских ополчений, останавливается и робеет перед животными, имея в виду буквальный смысл имен епископов Льва и Лупа! Суровый язычник-варвар не мог отрешиться от невольного чувства почтения при виде этих вдохновенных старцев, безбоязненно выступавших навстречу опасности, ходатаями-печальниками за свою паству. И не отказывал варвар этим ходатаям только потому, что никак не мог преодолеть своего личного, невольного почтения к ним. Вот что, например, сказал вестготский король Ейрих епископу Павийскому Епифанию, явившемуся к нему в качестве посла от западного римского императора Юлия Непота: «Я исполню твою просьбу, уважаемый святитель, потому что в моих глазах больше значит личность самого посла, чем вся власть пославшего».

Таким образом, опираясь на свой нравственный авторитет, на свое личное влияние, представители христианской Церкви взяли под свое покровительство распадавшуюся в эпоху варварских нашествий общественную жизнь и сохранили ее для последующих поколений. Среди бедствий и ужасов, постигших Западную Европу в эту эпоху, они одни остались твердо на своем месте, собирали около себя лучших людей, ободряли и спасали старое население от окончательного одичания и гибели. Если после эпохи переселения во вновь образовавшихся варварских государствах мы видим значительный остаток прежнего населения, видим старых подданных Империи, которые живут по римским законам, следуют прежним порядкам и постепенно облагораживают варваров, то этим своим сохранением оно обязано деятельности своих епископов. Но это только одна сторона дела. Не менее важной в историческом поле зрения является другая заслуга христианской Церкви, состоящая в том, что она смягчила сердце варвара, просветила его и помогла ему выполнить его историческое призвание. Она знала, что для Римской империи пробил уже последний час, что на ее

развалинах варвар водворяется навсегда, устрояя свои королевства, что будущность принадлежит отныне этому варвару, который и призван для того, чтобы обновить обветшавшие формы человеческого общежития и создать новый строй жизни. И она поставляет своей задачей содействовать достижению этой цели: она прежде всего обращает варваров в свое лоно, делает их христианами, затем передает им то умственное богатство, какое заключалось в ее недрах, и наконец, является помощницей и советницей в первых, неопытных шагах варваров в незнакомой им области государственного и общественного устройства. Важное значение, какое получили предстоятели Церкви в последние времена Империи, под господством варваров не только не уменьшилось, но даже возвысилось. Прикрытые звериными шкурами, варварские короли, бывшие до того вождями дружины, исполнителями постановлений народного собрания, заняли теперь относительно покоренного населения положение римского императора и встали у сложной государственной машины, которой они вовсе не умели управлять. Их естественными советниками в данном случае могли оказаться только такие люди, как епископы, которым во всех подробностях было известно устройство этой машины и которые стояли во главе прежнего римского населения. Варварские короли и делают их духовными орудиями своего управления: они постоянно обращаются за советами и указаниями к епископам, к соборам духовенства по делам вовсе не церковного свойства, делают их судьями и свидетелями своих поступков, разбирателями своих споров и недоразумений. Весь ход событий неизбежно вел к тому, чтобы именно келья подвижника или епископа сделалась первым училищем государственной мудрости; такова и была, например, келья уже известного нам Северина, куда толпами собирались окрестные варвары, чтобы получить всевозможные советы, куда нередко приходил и король ругов Флакцитей за указаниями и наставлениями. Современный летописец замечает, что Флакцитей настолько подчинился влия-

нию Северина, что какая бы забота с ним ни приключилась, какое бы затруднение ни встретилось ему в делах его варварского королевства, он прежде всего спешил за советом к Северину; своим сыновьям он постоянно твердил: «Повинуйтесь Божьему человеку, если вы хотите, по моему примеру, царствовать в мире и жить долговременно». То же самое мы видим и в других варварских королевствах: везде в них епископы стоят в рядах главных королевских сановников, защищают интересы побежденного населения и направляют жизнь варваров так, чтобы сделать их истинными наследниками греко-римской цивилизации, но цивилизации уже смягченной духом христианства. Являясь представителями начал порядка и законности и пользуясь для проведения их своим высоким положением и привилегиями, духовенство в то же время сохранило для последующих веков и то умственное богатство, какое нажито было классической древностью. Впоследствии, когда вместе с нравственным авторитетом у предстоятелей западного духовенства возросли и материальные средства, они обратились в могущественное сословие, получившее важное политическое значение в судьбах Запада. «Что стало бы с Европой после вторжения варваров, — спрашивает английский историк Маколей, — если бы обломки древней цивилизации не нашли себе убежища в Церкви? Историки сравнивают переселение народов с потопом; Церковь была истинным ковчегом, который один, среди бурь и непроходимой мглы, носился над бездной, готовый поглотить все, что древность произвела в науке и искусстве; Церковь в своем лоне сохранила то слабое зерно, плодом которого явилась новейшая цивилизация, более богатая и многосторонняя, чем цивилизация древняя».

История Франкского королевства*

Три фактора, создавшие современное западно-европейское общество: римское наследие, христианская Церковь и германство и их взаимоотношения. — Характеристика переходного периода. — Франкское племя и его историческая роль. — Правительственная деятельность Хлодвиг и причины ее исторической неукладности. — Майордомы.

Три основных фактора создали современное западно-европейское общество: римское наследие, христианская Церковь и германство. Вступив в первый раз во взаимодействие в эпоху переселения, эти факторы определили собой дальнейшее течение всей западно-европейской жизни и столь тесно сплотились между собой, что часто нет возможности разграничить их действие и указать, где кончается влияние одного и начинается область другого фактора. Возьмем для примера три явления, занимающие значительное место в политической и культурной истории Запада, а именно королевскую власть, образование нового государства и католицизм, и попытаемся раскрыть те коренные элементы, из которых они развились. Свое древнейшее начало современная королевская власть в западно-европейских государствах берет от привилегий, принадлежавших вождю германских дружин, разрушивших Римскую империю; но у германцев король был только предводителем войска, герцогом или исполни-

* Впервые опубликовано в журнале «Богословский Вестник». 1910. Т. II. № 6. С. 237—263.

телем решений народного собрания; до эпохи переселения королевская власть даже далеко не у всех германских племен успела сделаться наследственной; у многих из них она носила избирательный характер и основывалась на свободном признании ее со стороны полноправного германца. Но лишь только германские племена перешли на римскую почву, как короли их изменяют своему прежнему положению и под влиянием римских и христианских идей получают совершенно новое значение; считая себя преемниками западно-римского императора и будучи действительно таковыми в отношении к покоренному населению, варварские короли начали стремиться к той неограниченной полноте прав, которая составляла принадлежность римского цезаря. Достигли же они этой полноты власти только при содействии христианской Церкви, которая учила о божественном происхождении королевских прав, окружала личность короля мистическим ореолом и освящала его полновластие особыми церемониями религиозного характера. Те неограниченные монархи, с какими мы встречаемся в дальнейшей истории Европы, суть, таким образом, прямые потомки древних германских конунгов, но потомки, присвоившие себе корону *римского Юпитера*, переданную им при помощи *христианского* миропомазания. — Точно так же и история нового государства в Европе есть история взаимодействия этих же трех элементов, лежащих в основе западно-европейского развития. Если, по современным понятиям, государство совпадает с нацией и как бы отождествляется с ней, то этим своим характером оно обязано особенностям германских племен, рано обнаруживших способность к соединению в большие национальные группы. Если, далее, современное государство ставит себя выше частных отношений и господствует над произволом отдельной личности, кем бы она ни была, то эта его черта есть результат античного влияния, следствие усвоения новыми народами римского права и его идей о государстве. Но если при этом новое государство не поглощает собой человеческой личности, а напротив — своей задачей ставит ее мате-

риальный и нравственный прогресс, то в этом явно воздействие христианского учения, возвысившего человеческую личность на неизвестную ранее высоту и указавшего в ней высшую цель для самого государства. — Наконец, столь долго распоряжавшаяся судьбами Запада католическая Церковь — это специально истории христианства принадлежащее явление — могла возникнуть со всеми своими особенностями не иначе как в связи с двумя другими началами новой истории Запада: римской традицией и германством. Как известно, образование папской монархии, с одной стороны, объясняется тем значением, какое и после своего падения продолжал сохранять Рим в глазах провинциалов, с другой — тем отношением, в какое стали к папам варварские короли.

Несмотря, однако, на эту тесную внутреннюю связь христианства, германства и романства, наблюдаемую на протяжении всей новоевропейской истории, каждый из этих факторов, будучи взят в отдельности, представляет собой нечто самостоятельное, отличное от другого и даже прямо противоположное ему по своей природе. Различие между германским миром, возникшим в пределах павшей Западной Римской империи, и христианством само собой станет очевидным, если принять во внимание, что большинство германских племен ко времени поселения на новых местах оставалось еще язычниками, дорожившими своей племенной религией и неохотно поддававшимися усилиям христианских миссионеров. Только готы, бургунды и вандалы успели ознакомиться с христианством, но и эти племена приняли новое учение не в чистом его виде, а в искаженной форме арианства, которая была, конечно, более доступна для их неразвитого ума, но которая в то же время служила бóльшим, чем само язычество, препятствием для воздействия на них со стороны господствующей Церкви. Правда, благодаря усердию миссионеров, христианство скоро стало проникать вглубь германских лесов, и обращение обитавших там варваров пошло довольно быстрыми шагами, но не нужно забывать, что при-

нять христианство еще не значит сделаться христианином и что между варварством с его примитивными религиозными понятиями и возвышенным учением христианства и после обращения в христианство всегда должна была оставаться глубокая пропасть, которая могла сгладиться только веками. Древнему германцу, как и всякому политеисту, нетрудно было принять нового Бога, Христа, в число прежних своих богов, а просветители часто старались сделать иго новой религии уж слишком легким для обращенных и довольствовались исполнением с их стороны нескольких обрядов. Еще в VIII в. в Германии существовали священники, крестившие во имя Христа и в то же время приносившие жертву Донару, богу грома, и, быть может, ничто лучше не характеризует быстрых успехов католических миссионеров, как следующее происшествие, случившееся в IX в. В праздник Пасхи ко двору Людовика Благочестивого имели обыкновение являться язычники-германцы для крещения, причем им дарили прекрасные белые одежды, имеющие известное символическое значение. Однажды, когда желающих креститься явилось очень много и приготовленных одежд не хватило, Людовик приказал наскоро выкроить крещальные одежды из простынь. К несчастью, такая одежда досталась германскому вождю, и, увидев ее, он с гневом воскликнул: «Я уж тут десять раз крестился, и всякий раз получал прекраснейшее белое платье, а не этот мешок... и как бы мне не было стыдно идти голым, я бы пустил тебе в голову эту тряпку вместе с твоим Христом!»

Не меньшая противоположность существовала вначале и между варварством и Римом. Римская империя была единой всеобъемлющей монархией, одним тесно сплоченным политическим организмом; оставшиеся от нее в наследство варварам традиции влекли их к восстановлению этого единства, к подчинению всех одной власти, между тем как в природе германцев лежала склонность к особности, к раздроблению общественных и политических отношений. Одна сторона, римская, привносила собой в жизнь идеи о

всемогуществе государства, о неограниченности и нераздельности верховной власти, разумное и всеобщее право, утонченное общежитие и внешний лоск многовековой цивилизации; другой же, напротив, свойственны были политическая дробность и местное самоуправление, широкая личная независимость и преобладание сельской жизни над городской, насилие и дикость завоевателей. Привыкшие к свободе и не стесненной условностью юридических форм жизни, германские племена еще не умели подчинять личный произвол общему закону и инстинктивно противились воспроизведению начал цивилизованной жизни, завещанной им Римом. Оттого-то и первая встреча этих противоположных миров была крайне враждебной и сопровождалась борьбой, длившейся в течение целых веков. — Эта борьба не прекратилась и после того, как внешние столкновения Рима и варваров завершились падением Римской империи и поселением на ее развалинах новых племен. Столь несродные между собой начала, как варварство, христианство и наследие Рима, очевидно, не могли сразу, вследствие одной встречи, войти во внутреннюю связь между собой, мирно ужиться друг с другом; надо было много времени и много усилий, чтобы эти противоположные элементы успели слиться между собой путем взаимных уступок и комбинаций и составить основу для правильного общежития, обеспечивающую его дальнейшее развитие. Поэтому и после эпохи переселения борьба между началами, создавшими западное общество, ничуть не успокаивается; только с поверхности исторической жизни она переходит в глубь общественных отношений и составляет содержание целого *периода, простирающегося от VI до XI в. и получившего в истории имя варварской эпохи*. Характеристической чертой этого периода является хаотичность, неопределенность политического строя и всех общественных отношений: христианство еще только начинает привлекать к себе новые племена и ведет еще борьбу с язычеством; старое римское население живет рядом с варварскими пришельцами,

сохраняет свои особенности и противится слиянию с победителями; древние римские учреждения перемешиваются с первобытными формами варварства, и понизившаяся в эпоху переселения образованность едва успевает спасти себя от натиска невежества; сами правители новых племен колеблются между двумя предстоящими им путями, то пытаясь воссоздать формы римской жизни, то снова возвращаясь к варварским нравам и понятиям: всюду слышится непрекращаемое движение, глухая, но упорная борьба. Этой неустойчивости, этой хаотичности общественного быта много способствует еще недостаточно упрочившаяся оседлость племен; к VI в. бурное движение племен утихло, но не исчезло совсем; оно продолжается еще вплоть до XI в., заканчивающего собой эту эпоху, и совершается то из глубины Германии, то из Скандинавии. Во второй половине VI в. в Италию приходит новое племя лангобардов и подчиняет ее себе; целые толпы варваров время от времени переходят Рейн и врываются в Галлию. Британия подвергается непрерывным нашествиям ютов, англов, саксов и датчан; в X в. целое племя норманнов захватывает северный угол Галлии и в XI в. переплывает в Англию и прочно водворяется здесь; наконец, в том же веке весь Запад поднимается вместе, чтобы идти в поход на неверных, в далекую Палестину, для освобождения Гроба Господня. Это постоянное движение племен, непрерывно обновляющийся наплыв германцев останавливали правильное развитие и всякий раз уничтожали начинавшие с течением времени возникать более или менее прочные формы жизни, приводя все в прежнее состояние — хаоса, колебания и шаткости. Но и среди этого брожения, среди постоянно вновь начинаемого развития рано обозначаются некоторые главные направления в образовании государственных и общественных форм, вырабатываются некоторые общие начала, приведшие к повсеместным одинаковым результатам. В начале варварской эпохи мы напрасно стали бы искать каких-либо прочных государственных или национальных образований; в то время

в Европе не было ни Римской империи, ни новых существующих теперь народов; были только различные германские племена, занявшие земли Римской империи и составившие из себя и покоренного населения ряд варварских государств, не имевших ни прочных основ, ни стройных форм быта. К концу же этой эпохи, т. е. к IX в., после продолжительной борьбы, разнородные элементы, нагроможденные на европейской почве, вступают в постоянные комбинации, часто независимо от воли организаторов или даже прямо вопреки их стремлениям, мало-помалу создаются более или менее твердые формы жизни, и в разнообразии противоположных явлений становится заметным единство начал и гармонии. Пяти-вековая борьба не проходит даром; плодом ее являются, с одной стороны, новые национальности Западной Европы, выделившиеся из монархии Карла Великого, с другой — та своеобразная система, составившая основу дальнейшего развития Запада, т. е. феодализм, из которой и образовался современный политический, юридический и экономический строй западных народов, и католицизм, наложивший особую печать на их умственную и нравственную жизнь. Поэтому указанный период времени мы можем назвать еще периодом сложения главнейших западно-европейских народностей и смешения тех элементов, которые определили собой их жизнь; после IX в. в Западной Европе мы уже не видим резкого антагонизма между римскими, германскими и христианскими началами; они уже сжились между собой, приспособились одно к другому, и результатом-то этого приспособления и явились новые народы Европы с католическо-феодалным строем жизни.

Ареной, на которой развилось взаимодействие этих начал и выработались основы для дальнейшей истории Европы, послужило государство франков. Из варварских племен, поселившихся на развалинах Римской империи, самостоятельные государства, кроме франков, были основаны еще вестготами, бургундами и остготами; а именно: вестготы заняли всю древнюю Иберию или нынеш-

нюю Испанию и юго-западную часть Галлии до Луары и к концу VI в. достигли такого значения, что ко двору их короля сходились послы со всех сторон — просить дружбы своим народам или смягчить его гнев. Бургундам досталась юго-восточная часть Галлии от Вогезских гор по бассейну Роны и Сены до Средиземного моря и Альп; бургунды заняли эти области как союзники римлян и усвоили себе остатки римской государственной жизни. Остготы в самом конце V в. вторглись, с разрешения, однако, византийского императора, в Италию под предводительством Теодориха, одного из самых замечательнейших людей этой эпохи, именем которого обозначается блестящий период политической жизни Италии под властью варваров; «не было народа на Западе, — говорит Иордан, — который бы не слушался Теодориха или по прямой зависимости, или по союзу». Но как бы ни значительны были успехи этих варварских государств в тот или другой момент их истории и какого бы блеска они ни достигали под руководством даровитых королей, на самом деле они не имели прочных залогов к продолжительному политическому существованию, скоро сошли со сцены истории и навсегда потеряли свою политическую самостоятельность. Остготское государство в Италии просуществовало немного более полувека; они заняли Апеннинский полуостров в 493 г., а в 555 г. последний отряд готов только в 7 тысяч человек сдался византийскому полководцу Нарзесу. Подобно им, и бургунды, овладевшие юго-восточной Галлией в первой половине V в., сохраняли свою политическую независимость только до 532 г.; бургунды не исчезли совершенно из истории, как готы, но, войдя в состав Франкского королевства, они никогда не смогли возвратить себе прежней самостоятельности и их области навсегда остались только провинцией, частью сначала франкского государства, а потом французской монархии. Несколько больший успех выпал на долю вестготов: в начале V в. они поселились в юго-западной Галлии и Испании и в продолжение столетия представляли собой довольно

могущественный народ, но в 508 г. они потеряли все свои владения в Галлии, а в VIII в. и их испанские области подпали власти арабов. Главная причина недолговечности этих государств заключалась в том, что они состояли из слишком разнородных элементов, которые жили в них особняком, не сливаясь друг с другом и не вступая во взаимодействие. Те три элемента, которые легли в основу западно-европейской истории, т. е. германское варварство, романство и христианство, определяли собой и состав этих варварских государств, но для того чтобы из противоположных элементов могло развиваться что-либо прочное, необходимо было, чтобы они вступили между собой в законную связь, сгладили свою противоположность и образовали из себя нечто целое. Этого-то и недоставало первым германским государствам, возникшим на почве Римской империи. Соединение германцев и римлян в них было только внешнее, поверхностное. Создавшие их варварские племена никогда не могли дать в них преобладание даже своим племенным элементам. Вследствие своей малочисленности и отдаленности от общей германской родины, затруднявшей новые притоки оттуда германского населения, завоеватели Италии, Испании и южной Галлии составили в своих государствах очень незначительную этнографическую группу, резко отличавшуюся от покоренного населения и ничем не связанную с ним. Победители и побежденные, в сущности, представляли собой в этих государствах два самостоятельные населения, две народности, разнившиеся между собой не только по языку, нравам и обычаям, но еще правом и гражданскими учреждениями. Сознание этой розни и возникшее отсюда недоверие и ненависть между обеими народностями были так значительны, что браки между германцами и римлянами или совсем запрещались законом, или являлись очень редким событием. Эти неприязненные отношения между составными частями варварских государств усиливались еще тем обстоятельством, что завоеватели отличались от побежденных и вероисповеданием. Ост-

готы, бургунды и вестготы, как мы знаем, были арианами, в то время как покоренное население принадлежало Православной Западной церкви и с фанатизмом, свойственным тогдашнему времени, смотрело на германцев как на еретиков, осужденных Церковью. Поэтому-то все заботы лучших правителей этих народов о слиянии германцев и римлян, все старания установить между ними правильное общежитие приводили только к горькому разочарованию и бесцельно удлинляли внутреннюю агонию государств. Символ веры разделял все, что соединял меч и закон. Предоставленные самим себе, завоеватели скоро под влиянием римской изнеженности утратили свою энергию, а римское население, продолжавшее сохранять чувство национальной и религиозной связи, единодушно пользовалось всяким поводом, чтобы ослабить или свергнуть ненавистную им еретическую власть. Так было в Италии у остготов, где старое население предпочло иметь своей главой византийского императора и помогло его войскам истребить готов. Так было и у вестготов и бургундов в Галлии, которые вынуждены были уступить свою независимость франкам, сблизившимся с римским населением. В Испании же вестготы только потому и могли сохранить еще на два столетия свою власть, что в конце VI в. они оставили арианство и сделали православие господствующим исповеданием, что и повело за собой слияние их с туземцами в один народ романского характера.

Иначе сложилась история франкского племени и основанного им в Галлии государства. Франки заняли прекрасную по климату и плодородию страну, в средоточии Западной Европы, прилегающую к двум важнейшим в культурном отношении морям, орошаемую судоходными реками, текущими от центра к перифериям. Ни одна страна европейского материка не представляет таких удобств для сношений всякого рода, как эта; она находилась в одинаковой близости как от зарейнских лесов, откуда выходили новые племена, разрушавшие Римскую империю, так и от главных центров рим-

ской культуры и римского влияния. Вследствие этого германский и римский элементы здесь как бы уравнивались в своем значении и потому скорее и прочнее должны были оказать воздействие один на другого. Франкское племя не могло здесь затеряться среди побежденного населения, потому что их численность и пламенная энергия постоянно обновлялись непрерывным притоком новых варварских полчищ из-за Рейна. Но и римское начало здесь слишком прочно укоренилось для того, чтобы оно могло быть сглаженным или уничтоженным со стороны варваров. Другое же преимущество франкского государства состояло в том, что уже с самого начала франки приняли христианство по католическому закону и привлекли к себе сочувствие туземного населения и в особенности духовенства, ставшего посредствующим звеном между победителями и побежденными, что и повлекло за собой быстрое сближение тех и других. Благодаря этим счастливым обстоятельствам, франки в истории зарождающейся новой Европы получили такое значение, какого не имело ни одно другое германское племя. Правда, и у франков в ту эпоху, которую мы называли варварской, замечаются колебание и шаткость всей государственной жизни, неустойчивость учреждений, отсутствие правильной общественной организации, как и в прочих варварских государствах; но здесь эта беспорядочность представляет только внешнюю сторону, за которой виднеется постепенный рост исторической жизни, непрерывный прогресс в развитии ее новых начал. Франки стали как бы прямыми преемниками римлян: они объединили в своем государстве раздробившееся в эпоху переселения германство, распространили свою власть на всю Западную Европу и создали более или менее стройные учреждения, отвечавшие потребностям времени. Поэтому история Западной Европы за период от VI до IX в. сливается с историей франкского государства; в этом именно государстве получили свое начало как современные западно-европейские национальности, так и их политические учреждения, социальный

строй и культура. Можно сказать, что новая Европа развилась из германских, римских и христианских начал при *посредстве франкского государства*.

Долгое время в исторической науке смотрели на франков как на непосредственных родоначальников современных французов и на французское государство как на начало политической истории Франции. Французские историки времен Людовика XIV прямо производили генеалогии своих королей от франкских правителей; какому-нибудь Хильперика или Дагоберта изображали героями-государями, заботившимися ни о чем другом, как именно о французском народе, окружали их блестящим двором и утонченно-образованными сподвижниками во вкусе позднейшей французской аристократии. В слепом патриотическом увлечении некоторые из них доходили до поразительных нелепостей, утверждая, что Юпитер, Нептун и др. лица, известные под именем богов, были просто правителями Галлии, т. е. Франции, и что начало французскому государству положил не кто иной, как сам праотец Ной. Исследования нашего столетия опровергли эти мнения о франках-французах как пустые и ни на чем не основанные бредни; они показали, что франки были таким же германским племенем, как вандалы, стяжавшие себе дурную славу в истории, или саксы, алеманы, тюринги и др., образовавшие основу Германии, и что их государство было варварским государством, не имевшим не только национального, но даже и племенного единства. Без сомнения, в современных французах есть немало франкской крови, но еще больше в них есть такого, что недоставало франкам; француз как национальный тип появляется гораздо позднее франков и французского государства и своим родоначальником должен считать не столько представителей этого племени, сколько старое население Галлии, покоренное франками; на непосредственные связи с франками гораздо большие притязания может иметь современная Германия, чем Франция, так как история франков прежде всего есть история германского племени.

Подобно всем другим германским племенам, франки не составляли из себя одной сплошной массы, одного государства. С незапамятных в истории времен они распадались на две отрасли: салическую и рипуарскую, из которых каждая в свою очередь разделялась еще на несколько колен, или триб, находившихся под управлением своих особых вождей или королей. Древнейшее свое местожительство франки имели по берегам нижнего Рейна, откуда они во второй половине V в. перешли в римские земли, лежавшие на правом берегу Рейна, и утвердились в северо-восточном углу Галлии. По преданию франков, первыми их вождями были Фарамунд, что значит «родоначальник», и Меровех, или, по римскому произношению, Меровея, считавшийся основателем королевского рода Меровингов, господствовавшего в одной трибе салических франков. Даже о преемнике Меровеха, Хильперике, умершем в 481 г., сохранились только полумифические сказания, хотя Хильперик — лицо несомненно историческое, что доказывается, между прочим, его гробницей и останками, найденными в Турнэ в XVII в. Только с преемника его Хлодоева или Хлодвига (т. е. Людвига) начинаются определенные исторические известия и вместе с тем открывается лучшая страница Меровингской династии, с которой история франков получает важное значение не только для Галлии, но и для всей Западной Европы.

Важная историческая роль, которую сумел выполнить Хлодвиг в течение своего 30-летнего царствования, состояла в том, что он: а) положил начало объединению германских племен в одно политическое целое; б) принял христианство от католической Церкви и этим содействовал его распространению и торжеству среди германцев и в) под влиянием римских идей о государственной власти успел сделать свою королевскую власть единоличной в франкском государстве и наследственной в своем только роде.

а) Будучи 15-летним юношей, Хлодвиг наследовал своему отцу в то время, когда Римская империя уже пала и в Галлии от нее оставались лишь слабые обломки, из-за обладания которыми спорили меж-

ду собой алеманы, бургунды, вестготы и толпы других племен, наводнявших эту страну. По своему расстроенному положению Галлия представляла собой весьма легкую добычу для всякого отважного и предприимчивого варвара, и Хлодвиг тем менее мог опустить из внимания это обстоятельство, что его собственные владения, полученные от отца, были крайне ничтожны: они обнимали собой нынешнее королевство Бельгию, за исключением провинции Льежа. Страсть к наживе, естественная в варварском племени, и привычка к боевой жизни обеспечили Хлодвигу согласие войска на новые походы, а положение, которое занимал его отец в отношении к Римской империи, дало ему достаточный повод придать своим вторжениям некоторый вид законности. Сохранилось известие, что его отец Хильперик носил титул начальника императорских войск в северной Галлии, был как бы представителем власти Рима. Хлодвиг, едва ли соединявший с этим званием какие-либо ясные представления, считал, однако, себя преемником отца и в этом титуле и, опираясь на него, потребовал от галльского населения покорности себе. Таким образом, с первых же шагов своей самостоятельной деятельности Хлодвиг связал себя с римскими традициями, выступил под римским знаменем и во имя Рима, и под его защитой это знамя оказалось таким же победоносным, как и в былые, славные времена республики. Замечательный успех сопровождал военные предприятия Хлодвигу, и за него Хлодвиг больше должен был благодарить судьбу, т. е. счастливые обстоятельства, среди которых ему пришлось действовать, чем свое войско и свою храбрость. Первые пять лет своего правления он употребил на то, чтобы подчинить себе ту часть Галлии, которая еще номинально оставалась во власти не существовавшей уже на Западе Римской империи и центром которой был Суассон. Заключив союз с другими франкскими трибами, он при помощи их овладел этим остатком римских побед и разом расширил свое королевство до Сены. Сделав Суассон своей резиденцией, он отсюда предпринял ряд походов на восток и на запад. В 498 г. он напал на

алеманов, обитавших по обеим сторонам среднего и верхнего Рейна, следовательно, бывших ближайшими соседями франков с восточной стороны. Алеманы вынуждены были признать верховную власть Хлодвигу, платить дань, повиноваться герцогу, родом франку, назначаемому Хлодвигом, и уступить франкам пять округов своей земли. Впоследствии, когда франки стали селиться в этих алеманских областях, значительная часть прежних жителей удалилась отсюда и самое имя алеманов исчезло из этой страны; она стала называться франкской землей — Франконией и центром своим имела Франкфурт-на-Майне. Далеко распространив победы над алеманами свои владения на восток, Хлодвиг с таким же успехом вел военные дела и на юго-западе Галлии. Он соединил под своим управлением племена, жившие между Сеной и Лаурой, еще раз перенес резиденцию из Суассона в Лютецию, получившую потом имя Парижа от обитавшего там племени паризиев, и начал продолжительную войну с вестготами и бургундами. В битве при Пуатье в 507 г. он разбил вестготов и приобрел себе всю обширную и богатую страну между Лаурой и Гаронной. Менее удачны были войны Хлодвигу с бургундами, но и здесь дело, начатое им, было с успехом закончено его преемниками, так что в 523 г. от Бургундского королевства сохранился только один южный кусок, принадлежавший притом остготам. Когда в 511 г. Хлодвиг умирал, его государство простиралось далеко на восток, захватывало собой чисто германские области на Рейне и центром своим имело Галлию, около двух третей которой принадлежало Хлодвигу. Таким образом, благодаря успехам походов этого франкского вождя, в самом средоточии Западной Европы возникло королевство, в котором соединялись франки, тунгры, алеманы, бургунды, вестготы и старое римское население Галлии в один политический организм; на окраинах этого королевства еще лежали земли или чисто германские, или со смешанным населением, но их ожидала та же судьба, какая постигла бургундов и алеманов: отделенные друг от друга, они не могли противиться возрастающей

силе франков и постепенно вошли в состав их государства, охватившего скоро всю христианскую Европу. Разбитое бурными движениями эпохи переселения политическое единство Запада снова начало, по-видимому, оживать и предноситься западным народам, но только уже в новой форме — в форме Франкского королевства.

б) Но если бы деятельность Хлодвига ограничивалась одним завоеванием и приобретением новых земель, то едва ли бы он мог создать что-либо прочное и долговременное; не скрепленное никакими иными узами, кроме единства власти, его государство, вероятно, так же бы скоро распалось, как и те варварские государства, которые он раздавил своим оружием. Поэтому гораздо важнее походов и побед Хлодвига другая сторона его деятельности, которой он обязан не только своим значением в истории рассматриваемого периода, но и своими важнейшими победами. Из всех германских племен франки долее других оставались дикими, чуждыми той страстной восприимчивости, с какой прочие отрасли германцев шли навстречу греко-римской цивилизации. С именем франков связывалось в то время представление о свирепой жестокости и бесчеловечии в отношении к побежденным; один хронист той эпохи (монах Рикер) замечает, что и в Галлию франки пошли именно с целью истребить всех римлян и что в первых побежденных городах они поступали сообразно этой цели, т. е. вырезали побежденное население. Смягчить этот дикий народ, примирить его с римским населением и связать его с античной культурой могло только христианство, — и Хлодвигу принадлежит заслуга своим переходом в христианство проложить ему путь среди франков и соединить подчиненные ему племена не единством только власти, но и единством религии. — Рассказ об обращении Хлодвиг в христианство дошел и до нашего времени, украшенный поэтическими и легендарными подробностями, указывающими на значение этого дела Хлодвиг для дальнейшей истории франков. Из церковной истории достаточно известен тот факт, что принятию христиан-

ства со стороны вождей или царей языческих народов более всего содействовали их жены; это же обстоятельство повторилось и в истории обращения Хлодвиг в христианство. Вскоре после своей победы над северными городами Галлии Хлодвиг вступил в брак с бургундской принцессой Клотильдой, католичкой. По позднейшим известиям, Клотильда в первую же брачную ночь взяла с Хлодвиг обещание принять ее религию; действительно ли франкским королем было дано такое обещание, или это известие есть догадка хрониста, пытавшегося ею объяснить явление, во всяком случае несомненно, что Клотильда, отличавшаяся привязанностью к Церкви, употребляла все старания к тому, чтобы склонить могущественного Меровинга к своему исповеданию. К этой же цели стремилось и православное галло-римское население, служившее, как подозревают, посредником в деле заключения брака с Клотильдой, которому, конечно, выгодно было иметь своего нового короля в рядах единоверцев. Долгое время, однако, Хлодвиг упорно отказывался от христианства: «Очевидно, — говорил он побежденному населению, — ваш Бог ничего не может сделать; он даже и не Бог, потому что происходит не из божественного рода», имея в виду под этим родом, конечно, род Азов или Одина, главного германского божества. Хлодвиг останавливает также и та мысль, что с принятием христианства он может отдалить от себя франков, доставивших ему победы. Но он не противился крещению своего сына, и когда ребенок умер еще в пеленках, Хлодвиг хотя и обвинял в этом крещение, однако же допустил крестить второго сына, который на этот раз остался в живых. В 496 г. колебания Хлодвиг закончились. В этом году свевы и алеманы двинулись в Галлию искать поселений на землях бывшей Империи и напали на франков; Хлодвиг должен был защищаться и вступил в битву. Григорий Турский († 595), современник внуков Хлодвиг, оставивший наилучшие и обстоятельнейшие сведения об эпохе первых Меровингов, так рассказывает об этой битве: «Во время битвы с алеманами, — говорит он, — король дол-

жен был исповедать то, что он до сих пор упорно отвергал. Обе армии, вступившие в битву, сражались с ожесточением, и франки близки были к гибели. Видя такую опасность, Клодовей (т. е. Хлодвиг) поднял к небу глаза и воскликнул: «Ты, Которого Клотильда называет Сыном Бога и Который, говорят, помогает в опасности... Я взывал к моим богам, но вижу, что они не могут мне помочь, и я убежден, что они не имеют власти. Теперь я взываю к Тебе и в Тебя хочу верить». Едва он сказал это, — добавляет Григорий, — как алеманы обратились в тыл и побежали».

Затем Григорий рассказывает о внезапном отречении «всех франков» от язычества, но здесь уже он прямо противоречит себе, указывая, что крестившихся было только 3 000. Очевидно, в опасной битве с алеманами Хлодвиг наглядно, при самом деле, увидел, что сохранить свое могущество и упрочить его он может только тем, если переходом в христианство свяжет с собой покоренное галло-римское население, и эта явная политическая выгода решила его колебания. В том же 496 г., в Реймсе, в праздник Рождества, «новый Константин», как называли христиане Хлодвига, погрузился в крещальные воды. «Склони голову, кроткий Сигамбр, — сказал Ремигий, еп. Реймский, крестя Хлодвига, — боготвори то, что ты жег, и сожги то, что ты боготворил». «Новый Константин» не исполнил завета Ремигия: он и не думал «жечь то, что боготворил», остался таким же варваром, каким был и ранее, и продолжал прежний языческий образ жизни.

Тем не менее впечатление, произведенное его переходом к новой религии, было громадно. Если оно на время ослабило его популярность среди язычников-франков, часть которых даже удалилась от него, то на всех концах христианского мира отозвалось поворотом симпатий и благожеланий к франкам-христианам. Из всех государей, поделивших между собой области бывшей Западной империи, только византийский император был православным; германские же племена оставались или язычниками, или арианами, и последние были

еще страшнее для православного римского населения, чем первые. Так, в вандальской Африке в то время шло гонение на православных: 4 976 православных священников были сосланы в кочевья мавров и погибли там; из 466 православных епископов 348 были изгнаны, 90 убиты и только 28 успели спастись. Не лучшей участи ждало себе православное население Испании и юга Галлии от постепенно развивавшегося фанатизма арианствующих германцев. Ужас царил во всем западном католическом мире, и вот в это-то тяжелое для православия время могущественный вождь франков становится в ряды его исповедников! Прямым следствием крещения Хлодвиг и было быстрое распространение его владений в Галлии; на нем теперь покоились надежды православного населения всех западных областей, и ему легко было, опираясь на них, сломить силу вестготов и бургундов. Вот что писал к Хлодвигу Авит, еп. Вьены, первое лицо в православном населении Бургундского королевства. «Ваша вера — наша победа, Провидение избрало тебя решителем нашего времени. Греция может еще хвалиться, что она имеет православного властелина, но она не одна владеет теперь этим драгоценным даром, и остальному миру дан теперь свет». Итак, по словам Авита, в лице Хлодвиг-христианина и остальному, т. е. западно-европейскому миру, дан «свет». Это значит, что, приняв христианство по католическому исповеданию, Хлодвиг стал как бы внешним главой, покровителем западного православного христианства, представителем религиозного единства Запада. Недаром его называли «новым Константином»! Западная церковь перенесла на него те идеи, которые христианский мир привык соединять с именами лучших христианских императоров, как Константин или Феодосий Великий, и вступила с ним в тесный союз. «Наша мать-Церковь, — писал папа Анастасий, получив известие о крещении Хлодвиг, — радуется рождению в Боге такого короля. Продолжай, славный и знаменитый сын, радовать твою мать; будь железной колонной для ее поддержания, и она даст тебе, в свою очередь, победу над врагами». — В словах папы ясна мысль.

надолго определившая историю Запада: отныне папа и король в союзе должны воспитывать народы Запада и руководить их судьбами.

в) Следствия нового положения Хлодвиг, созданного переходом его в христианство, не замедлили обнаружиться во внутренних переменах строя франкского государства. Подчинив себе большую часть Галлии и став в отношении к ее коренному населению в положение наследника западного императора, Хлодвиг необходимо должен был изменить свои прежние воззрения на характер королевской власти. Под своим управлением он увидел теперь бывших римлян, удержавших свое прежнее устройство, муниципальный быт и римское право и плативших такую же дань подчиненности ему, какая ранее приходилась на долю римского императора. Византийский император в 510 г. пожаловал ему титул консула и патриция, и это еще более утвердило его в том мнении, что ему должна принадлежать вся полнота власти Древнего Рима. Никто столь усердно не помогал этим абсолютистическим стремлениям Хлодвигу, как духовенство, дававшее королю из своего состава лучших советников и выказывавшее, после перехода Хлодвигу в христианство, какое-то благоговейное отношение к нему. В глазах духовенства, как и всего галло-римского населения, Хлодвиг был преемником римского императора и усвоил себе, само собой, все его прерогативы, но в отношении к франкам он оставался королем в прежнем, германском смысле слова, т. е. был только вождем дружины и исполнителем общих решений, причем его связи с дружиной носили чисто личный характер. Раз в Суассоне, при дележе добычи, Хлодвигу хотелось приобрести себе похищенный церковный сосуд, о возвращении которого, по принадлежности, хлопотал перед ним епископ. Хлодвиг заявил об этом собранию франков и просил отдать ему этот сосуд не в счет причитающейся ему части. Большинство франков было на это согласное, но вышел один воин и, ударив мечом по сосуду, сказал: «Нет, ты получишь только то, что достанется тебе по жребию!», и Хлодвиг должен был примириться с фактом. Очевидно, власть его над фран-

ками носила очень условный, ограниченный характер и далеко была не похожа на власть римского императора. Мало того, Хлодвиг не был единственным королем салийских франков, не говоря уже о франках рипуарских. И вот, опираясь теперь на свое новое понятие о власти, он задумал соединить все трибы франков в одно целое, которое подчинялось бы только ему одному, имело его, Хлодвига, своей главой. Эта мысль навеяна была Хлодвигу историей Рима и его традициями, но средства для ее осуществления он должен был изобрести сам, — и он не растерялся; он поступил как варвар и самым грубым и бесчеловечным образом перебил всех других франкских королей. Григорий Турский подробно нам рассказывает, как Хлодвиг соединил под своей властью все племена франков, и эти рассказы, дышащие простотой и правдоподобием летописи, дают нам прекрасное понятие как о нравах того времени, так и о характере «нового Константина». Я приведу несколько отрывков из них с целью, между прочим, ознакомить читателей с личностью Григория Турского как историка.

«Когда, — пишет Григорий, — король Хлодвиг пребывал в Париже, он тайно послал вестника к сыну Сигиберта (т. е. короля рипуарских франков), говоря: вот отец твой стар и хромает на больную ногу. Если бы он умер, то его королевство справедливо перешло бы к тебе вместе с нашей дружбой. Обольщенный жадностью, тот задумал убить отца... В полдень, когда (король Сигиберт) отдыхал в палате, сын подсылает к нему убийц, чтобы после его убийства получить королевство. И (затем) отправляет вестников к Хлодвигу, извещая его о гибели отца и говоря: отец мой умер, и я владею сокровищем и царством; пришли ко мне твоих, и я охотно передам им то из сокровищ, что понравится тебе. Когда явились послы Хлодвига и он показывал им ящик с сокровищами, то послы сказали: запусти твою руку до самого дна, чтобы мы видели, сколько здесь сокровищ. Когда он сделал это и сильно наклонился, один из послов, подняв руку, рассек ему череп двуострой секирой».

Вот еще подобный же рассказ Григория: «Был тогда король Рагнахар, а у Хлодвиги были золотые браслеты и пояса, собственно медные, но позолоченные так, что походили на золото. Эти украшения он раздал людям (Рагнахара) и приглашал их восстать на него... (Рагнахар) был схвачен и со связанными на спине руками вместе с братом своим приведен к Хлодвигу. Хлодвиг сказал ему: “Зачем унижаешь род наш, позволяя себя вязать? Лучше тебе умереть (чем допускать это)”, и, подняв секиру, разрубил ему голову. Обращаясь же к брату его, сказал: “Если бы ты помогал брату, то, конечно, он не был бы связан”, и также убил его ударом секиры. После их смерти предатели узнали, что они получили от короля поддельное золото. Но когда они сказали о том Хлодвигу, он, говорят, отвечал: вы должны быть довольны тем, что остались в живых и не заплатили мучениями за выдачу своих властителей... Убив многих королей и близких родственников, Хлодвиг распространил свое королевство по всей Галлии. Однажды, собрав воинов, он говорил о родственниках: “Горе мне, я остался как странник между чужими; нет у меня родственников, которые бы помогли мне”. Но это он говорил, — добавляет Григорий, — не плачась о их смерти, а из хитрости, чтобы узнать, не уцелел ли кто из родственников живой и убить его».

Таковы рассказы Григория Турского о происхождении единовластия Хлодвиги. Из них видно, что Григорий хорошо был осведомлен о тайных пружинах, вызвавших гибель всех франкских королей, кроме дома Хлодвиги; спрашивается, как же смотрел епископ Турский на эти подвиги восхваляемого им короля? Григорий, как и все галло-римское население, нимало не соблазнялся варварством Хлодвиги: они одобряли все его поступки. Вот общее суждение Григория, произнесенное вслед за изложением указанных событий. «Каждый день, — говорит Григорий, — Бог низвергал к стопам короля его врагов и расширял королевство, ибо Клодовой ходил с сердцем правым пред Господом и поступал так, как приятно

было в Его (Бога) очах». Таково было понятие о нравственности и покровительстве Божиим в то варварское время!

Благодаря этой кровожадной хитрости Хлодвиг остался действительно один между всеми франкскими королями, и весь род, из которого они избирались, погиб, за исключением его прямого потомства. Хлодвиг достиг своей цели: он упрочил королевскую власть в своем потомстве. Во всей последующей истории мы не находим никого, кто бы вел свое происхождение от побочной линии его дома. В 511 г. Хлодвиг умер в Париже и был погребен в построенной им базилике 12-ти апостолов, где впоследствии сооружена была церковь св. Женеьевы, переименованная в прошлом столетии в Пантеон, т. е. храм великих людей. Во время первой французской революции из склепов этого храма были выкинуты останки всех французских королей, и в том числе и Хлодвига, которого французы несправедливо считали основателем своего королевства.

Хлодвиг положил начало политическому и религиозному объединению германского варварства и наследия римского, он на развалинах Империи создал государство, поглотившее ряд других варварских же государств и превосходившее по своим силам те из последних, какие еще сохраняли независимость, как, например, вестготская Испания или остготская Италия. Но тридцатилетнего его правления, конечно, было недостаточно для того, чтобы соединенные в его государстве разнородные начала могли слиться между собой в одно неразрывное целое, чтобы основанное им политическое и религиозное единство успело проникнуть в жизнь и смогло заправлять ею. Задачу способствовать утверждению этого единства должны были выполнить его преемники, которые, по-видимому, тем легче могли осуществить ее, что им приходилось идти по пути уже указанному и действовать в направлениях уже намеченных. Им оставалось, так сказать, только хорошо разыграть роль, разученную ранее, роль подражательную и второстепенную, но и эта роль оказалась не по плечу дальнейшим представителям Меровингов.

вингской династии. История Меровингской династии после Хлодвига есть история падения королевской власти и могущества франкского государства, продолжавшегося до тех пор, пока франки не заменили бессильных Меровингов новой династией. Причиной этого регресса служили шаткость политических понятий того времени и личная неспособность потомков Хлодвига к правительственной деятельности.

а) Для германца, даже для потомка Хлодвига, пока еще не существовало государства в его настоящем значении; для них оно было частным, личным имением того или другого лица, называемого королем, и как таковое оно должно было передаваться в качестве простого наследства в королевском роде по существующим обычаям. Когда умер Хлодвиг, для оставшихся после него четырех сыновей даже и не существовало вопроса о том, кому теперь достанется власть над землями, соединенными их отцом; такой вопрос, действительно, и не был поднят. Сыновья Хлодвига просто поделили королевство между собой на основании старого обычного права, поделили полюбовно, точно так же, как поделили сокровища и одежду покойного. Галло-римское свободное население, города и области Галлии явились как бы придачей, естественным дополнением к королевскому имению. Что же касается франков, то об их дележе не могло быть и речи; по смерти Хлодвига они вновь получили возможность свободного выбора между королями, хотя большей частью предпочитали того, на землях которого находились их собственные поместья. Политическое единство, созданное Хлодвигом, разом, таким образом, рушилось, и значение королевской власти, раздробившейся в нескольких руках, понизилось. Этому понижению способствовали и сами короли Меровингского дома: преемники Хлодвига наследовали от него лишь одни порочные качества, не имея ни одного из его достоинств, и их история стала почти непрерывным рядом злодейств, междоусобий, мятежа и разврата. Один историк замечает об этой эпохе, что при-

рода как бы намеренно задалась целью показать в лице Меровингов, до какой колоссальности может дойти иногда человеческая порочность. И достаточно припомнить эпизоды из одной только борьбы известных Брунегильды и Фредегонды, чтобы при суждении об этом замечании воздержаться от упрека в преувеличении. Правда, выродившиеся Меровинги продолжали еще долго называться королями, но влачили жалкое существование, становясь с каждым поколением все ничтожнее; известно, что последние из них были прозваны «ленивыми» или «тунеядными» королями.

б) Другой причиной падения Меровингской династии являлось быстрое развитие могущественной германской аристократии, постепенно захватывавшей в свои руки королевскую власть. По переходе на римские земли многие из германской дружины, приближенные к королю и называвшиеся *антрустионами*, получили помимо земельных участков, доставшихся им по жребию наравне со всеми прочими франками, еще большие земельные подарки от короля и вследствие этого сделались владельцами обширных земель. Так как в германских понятиях право власти соединялось с обладанием землей и обуславливалось им, т. е. кто больше имел земли, тот на большую власть и мог рассчитывать, то одно уже образование крупной земельной аристократии заключало в себе элемент, опасный для существующей королевской династии. Но при Хлодвиге, единственном короле франков, эта опасность не давала себя чувствовать, потому что франк, не желавший подчиняться и служить Хлодвигу, должен был уходить за пределы образованного им государства, т. е. покинуть имущество и возвратиться опять в Германию. Когда же после смерти Хлодвига во франкском государстве оказались четыре и вообще несколько королей, то франк-аристократ, не желавший служить у одного короля, мог переходить к другому, и т. д., и таким образом фактически оставался независимым как от того, так и от другого. Эту независимость ясно высказывал один из них, герцог Мундерих: «Какие обязанности, —

говорил он, — могут быть у меня относительно короля Теодориха? Я могу быть королем точно так же, как и он. Я соберу народ и получу от него клятву в верности. Пусть Теодорих знает, что я такой же король, как и он». Новая германская аристократия, еще не забывшая старых германских преданий, с особенным неудовольствием смотрела на попытки Меровингских королей применить и к франкам ту полноту власти, какой они пользовались в отношении староримскому населению. Всякая подобная попытка казалась им нарушением их привилегий и привычек, а эти привычки ежегодно обновлялись новым притоком германских племен, приносивших с собой варварские понятия во всей их свежести. Скоро к недовольным аристократам присоединилось и духовенство: духовенство в меровингском государстве представляло из себя такую же и еще, пожалуй, более могущественную земельную аристократию, как и франкские вельможи, и ни в чем не отличалось от последних. Союз, заключенный Западной церковью с варварами, куплен был дорогой ценой понижения умственного и нравственного уровня ее представителей. В меровингский период мы встречаем епископов, едва умеющих читать, видим лиц, получивших кафедру происками и подкупом и отличающихся жестокостью, пьянством и распутством. Один, например, заключает живым в гроб одного священника, другой падает у алтаря во время обедни мертвецки пьяным, третий участвует в битвах и предается разгулу и насилиям. И они не думали маскироваться; они не боялись осуждения, потому что находили сочувствие и оправдание себе в грубом обществе того времени. Один епископ откровенно выражался: «Неужели я должен отказываться от мести только потому, что я священник?» — Богатство духовенства давно уже обращало на себя внимание королей. Это были те же франкские вельможи, только носившие духовное звание. Еще Хлодвиг, благодетельствовавший особенно базилике св. Мартина, воскликнул при одном случае: «Хорош помощник св. Мартин, да дорого берет». А один из его преемников, не отличавшийся

притом особой проницательностью, часто жаловался окружающим на духовенство в таких словах: «Наша казна беднеет, достояние наше отходит к Церкви, истинно царствуют в городах священники». Последний из Меровингов, еще сохранявших самостоятельность, Дагоберт, решился отобрать от духовенства значительную часть их имений; он это исполнил, но зато вызвал ненависть к себе духовенства и оттолкнул от Меровингской династии последнюю ее опору. Епископы и аббаты теперь соединились со светскими вельможами против королей, рядом с королем они поставили майордомов, которые при помощи их захватили в свои руки всю действительную власть, а потом основали новую королевскую династию, сменившую ленивых Меровингов.

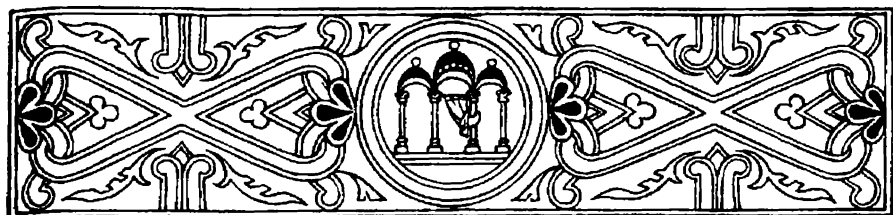
Кто такие были майордомы? История майордомов принадлежит к числу самых сложных и спорных научных вопросов, относящихся к эпохе Меровингов. Главная трудность состоит в определении их должности, потому что майордомы являются при самом начале Меровингской династии, хотя на первый план они выдвигаются только в начале VII в., а с середины его получают уже господствующее значение. По более основательному мнению, майордом первоначально заведовал всеми чиновниками, лично служащими королю, и его экономическим хозяйством, так что его должность соответствовала нынешней должности министра двора. Нередко, во время отсутствия короля, майордом председательствовал на королевском суде, устанавливал налоги и вообще заменял короля. почему и назывался иногда *Subregulus*. Сначала на должность майордома назначали короли по своему произволу франков или римлян, но потом, в период распрей и малолетства меровингских королей, аристократический класс присвоил себе право избирать майордома из своей среды, так что последний стал представителем аристократии и притом аристократии германской. Майордом, таким образом, воплощал собой реакцию германского начала против склонявшихся к римским традициям королей. — Из всех палатных

мэров, существовавших при дворах преемников Хлодвига, одна фамилия сделала эту должность наследственной в своем доме и приобрела верховную власть во всем франкском государстве. Это была фамилия Пипина Ландского или Старого, получившая название Каролингов по имени знаменитейшего из ее представителей — Карла Великого. К концу VII в. майордомы этой фамилии сделались настолько могущественными, что присвоили себе титул *dux et princeps Francorum*, т. е. вождя и князя франков. Роль короля сделалась с этих пор совершенно ничтожной; он не имел ни малейшего участия в управлении, жил в своем поместье под надзором майордома, получая от него содержание; и только раз в год, во время народных собраний, его привозили на Марсово поле в колеснице, запряженной белыми быками, и он в короне и королевской одежде председательствовал здесь, принимал послов и подарки, не смея, однако, сказать ни одного слова, которое предварительно не было бы одобрено майордомом. Последние Меровинги были довольны уже тем, что майордомы позволяли им носить длинные волосы, составлявшие отличительный признак их королевского достоинства, ибо по германским понятиям позволить себе брить бороду или стричь волосы значило подпасть под опеку того лица, которое совершило эту операцию. Старинная хроника города Меца говорит про майордома Пипина Геристальского следующее: «Каждый год первого марта, по древнему обычаю, он созывал франков на всеобщее собрание, в котором по *своему уважению к королевскому имени* предоставлял председательство тому, кого он в своей *кротости* ставил выше себя, т. е. королю». Общественное мнение того времени давно уже привыкло видеть в майордоме действительного короля, но даже и в официальных актах с конца VII в. становится обычной формула: «*regnante rege, gubernante majore domus*», т. е. в царствование короля, когда управлял такой-то майордом, и пр. Последний шаг майордомами Каролингской династии сделан был в 751 г. В этот год Пипин Короткий, бывший дотолем

майордомом франков, отправил к папе Римскому торжественное посольство со знаменитым вопросом: «Кому должен принадлежать королевский престол по праву: тому ли, кто носит титул короля, но не имеет ни власти, ни трудов управления; или тому, кто, не нося имени короля, управляет всей страной?» Ответ папы не мог быть сомнителен, ибо папа, вступивший в такие же отношения к майордомам, в каких он некогда стоял к Хлодвигу, сам был заинтересован в торжестве майордомов, — и вот на народном собрании духовенством и аристократией Пипин провозглашен был королем франков. Последний Меровинг заключен был в монастырь, а папа помазал миром Пипина и короновал его.

Это событие было целой революцией, но революцией мирной, обошедшейся без крови и шума. Оно открывает собой целую эпоху в истории франкского государства, эпоху, центром которой является личность Карла Великого, к характеристике которого я и обращаюсь.

Монархия Карла Великого и процесс ее распада*

Карл Великий: значение его личности и ее характеристика. — Войны Карла Великого и их культурно-политическая цель. — Восстановление Западной Римской империи и исторический смысл этого события. — Административные реформы Карла. — Заботы его об умственном просвещении. — Общий итог исторического развития Западной Европы при Карле Великом. — Причины падения Карловой монархии: а) противоположность элементов, входивших в ее состав, б) разнородность населения и в) слабость преемников. — История окончательного раздела Империи.

На протяжении всей западно-европейской истории трудно указать другую личность, которая вызывала бы своей деятельностью столь согласные, восторженные отзывы, которая в такой же степени служила бы предметом благоговейного почтения и обсуждения, как это случилось в отношении к Карлу Великому. От VIII в. по настоящее время люди всех положений и всякого звания, которые имели повод и случай ознакомиться с великим франкским королем, с беспримерным единодушием преклонялись перед ним и признавали за ним бесспорное право на имя «великого». Еще один из

* Впервые опубликовано в журнале «Богословский Вестник». 1910. Т. II. № 7–8. С. 440–468.

современных Карлу хронистов, записывая год и день его кончины, добавлял к своему известию такие слова: «Невозможно сказать, как велика была печаль о нем по всей земле: даже язычники сожалели о нем как о всеобщем отце». С тех пор, как сделано это замечание, прошло почти II веков, написано очень солидное число монографий о личности и деятельности Карла, но то чувство, какое слышится в словах хрониста, продолжает оставаться господствующим в одинаковой мере, несмотря на различие эпох и историков. «Много великих государей, — говорит о Карле один из известнейших исследователей истории германских императоров, — много великих государей было в течение тысячи лет, которыми отделено то время от нашего, но никто из них не имел стремлений более высоких, чем он: самые отважные завоеватели, самые мудрые из миролюбивых правителей довольствовались стремиться к тому, к чему стремился уже он. И, быть может, никогда не существовало человека, чья деятельность была бы так плодотворна, как деятельность этого государя». Другой современный нам историк, подводя итоги заслугам Карла, выражается о нем таким образом: «Величественный образ Карла, — пишет он, — сияет в хаотическом мраке этого переходного времени; история справедливо назвала его великим; гениальный правитель, он совершил бессмертные дела и создал благотворные учреждения в государстве, владыкой которого поставила его судьба на благо европейским народам. Его называют “Моисеем Средних веков”: он вывел человечество из пустыни варварства и дал ему новые законы».

Деятель отдаленной эпохи, Карл еще и до сих пор живет, окруженный каким-то мифическим облаком, не только в исторических сочинениях и критических исследованиях, но и в памяти различных народов, возвышаясь над всеми местными, национальными воспоминаниями, которые, казалось бы, ближе должны быть к сердцу народов. Известно, что славянские племена самое понятие о власти неразрывно сочетали с воспоминанием о Карле, так как наше

слово «король» ведет свое начало от обаяния имени великого франка; французы в своем «Charlemagne» и до сих пор не отделяют от его имени титул Великого; немецкие, романские и арабские сказания одинаково дружно говорят о Карле в возвышенном, приподнятом тоне. Что же касается средневековой жизни, то нет в ней такой области, в которой бы личность Карла не вызывала горячей восторженности и искренней привязанности. Французское рыцарство прославляло и восхищалось им как первым рыцарем, поэты немецких городов воспевали его как заботливого о своем народе отца, как справедливого судью, а католическая Церковь причислила его к лику святых.

Где же лежит причина этого всеобщего преклонения перед личностью Карла? В великой ли монархии, созданной им в течение своей сорокалетней деятельности? Правда, что громадная Империя Карла, обнимавшая все христианские страны Западной Европы, была самой видной, самой блестящей стороной его царствования, но эта Империя, это единство, которое он хотел навечно дать западному миру, не имело в себе прочных задатков и исчезло вместе с ним, породив явления, прямо противоположные его личным замыслам. В учреждениях ли, связанных с его именем? Но и эти учреждения изменились вместе с Империей, и изменились не к лучшему, а к худшему, став основанием феодального устройства, надолго задержавшего общественное и политическое развитие Запада. В основных ли задачах, руководивших его многолетними заботами? Но и эти задачи, даже для века Карла, не составляли чего-либо нового, самобытного, лично Карлу принадлежащего; они ясно были поставлены его предшественниками, завещаны ему основателями его династии, так что в данном отношении вся заслуга Карла состоит только в том, что он сумел блестяще завершить начатое ранее его.

Чтобы уяснить себе источник преимущественного величия Карла, нужно обращаться не к той или другой стороне его царствования в отдельности и вообще не к тем внешним результатам, какие

явились следствием его деятельности; эти результаты, напротив, более ничтожны в сравнении с той славой, какую стяжал Карл в преданиях народов, и часто приводились в доказательство бессилия великих людей создать что-либо прочное, тщетности их замыслов и бесполезности их для того мира, который они избороздили по всем направлениям. Тайну обаяния Карла Великого и причину его влияния на умы последующих поколений нужно искать в его собственной личности — в том *идеальном* характере, какой вносила эта личность в каждое свое предприятие, и в особенностях его исторического положения. В лице Карла история дает нам любопытный пример монаха-миссионера, который не столько хотел царствовать, сколько назидать и просвещать. Принадлежа к деятелям варварской, переходной эпохи, когда повсюду царствовали порок и невежество, управляя разнородной этнографической массой, в которой отсутствовали всякие общие интересы, Карл поставил своей целью содействие нравственному и гражданскому воспитанию своих подданных, стремился расширить их культурный кругозор и направить их к достижению высших, гуманнейших задач. Он был в одно и то же время и проповедником, и публицистом; ту роль, какая в настоящее время принадлежит литературе и философии, Карл взял на себя и старался ее выполнить путем реформ и законодательства. Его настольной книгой, с которой он редко расставался, было сочинение блаж. Августина «De civitate Dei»; из этого сочинения он почерпнул *грандиознейшую идею* — идею христианской монархии, в которой каждый подданный должен быть вместе с тем и истинным христианином, и свои силы посвятил осуществлению этой идеи. Служение Богу, жизнь по Его заповедям он поставил политической обязанностью хороших граждан и нравственный закон сделал требованием политического свойства. Вот что говорит, например, составленная Карлом для своих подданных присяга 802 г.: «Каждый должен всем сердцем служить Богу, согласно Его повелениям и по своему обещанию, по мере сил

и ума, так как государь не может заботиться о всех подданных и наставлять каждого». И при рассмотрении законодательной деятельности Карла мы увидим, что она носит на себе совершенно своеобразный характер, характер поучительный, гомилетический. Величие Карла поэтому есть величие не завоевателя, а проповедника-цивилизатора. Его называют великим за то, что он глубоко и верно понял потребности своего времени, что он сумел удержаться на высоте благородных идей и в своих действиях руководился их идеальным содержанием. Его грандиозные замыслы умерли вместе с ним, и его монархия распалась на маленькие куски, но зато при нем западно-европейское общество пережило *высокий культурный* подъем, воспоминание о котором в нем никогда не могло изгладиться. Карл внес в западно-европейское общество идеальное содержание, и это содержание продолжало в нем жить и после того, как все другие труды Карла окончательно погибли. Когда, спустя каких-нибудь 150 лет, монархии Карла Великого не стало — не стало даже его прямых потомков, — когда настали суровые, тяжелые времена феодализма и все живое принуждено было заковываться с ног до головы в железо или укрываться за недоступными стенами замков, люди стали чаще и чаще обращаться своими симпатиями к веку и личности Карла Великого и в возрождении его погибшей монархии видеть залог общественного и политического преуспевания. И чем мельче с течением времени становились люди и интересы в средневековой Европе, тем выше вырастал образ первого ее императора, тем охотнее он наделялся различными идеальными качествами и из исторической личности постепенно обращался в полумифического героя народных легенд и преданий. Своей плодотворной деятельностью он дал Западу *политические и общественные идеалы*, и при помощи этих идеалов он сильнее и прочнее господствовал над душами последующих поколений, чем над жизнью и телом своих прямых подданных. — Историческое положение Карла иногда сравнивают с положением

другого, более близкого к нам государя; его сравнивают с Петром Великим. Действительно, между тем и другим есть много общих черт; оба они были великими культурными реформаторами, оба они обладали несокрушимой энергией и положили много трудов на то, чтобы двинуть подчиненное им общество вперед, на более широкую дорогу. Но при этом сходстве между обоими остается одно существенно важное различие. В то время как внимание Петра направлено было преимущественно на материальную культуру, на усиление промышленных, финансовых и военных сил государства, Карл Великий заботился более о культуре духовной, идеальной: он хотел не обогащать общество, а воспитывать его, внедрить в него более гуманные и широкие потребности, воздействовать не на внешнюю, а на внутреннюю его сторону.

О молодости Карла почти ничего прочного не известно в истории; ученые до сих пор не смогли точно определить, где именно он родился. Легенда и поэзия имели здесь полный простор пополнять своими вымыслами пробелы исторических известий. Баснословное предание называет Карла сыном тайной любви, рассказывая, что он родился под счастливым созвездием на мельнице в Стефановском имении близ Фрейзинга, воспитывался у мельника под именем его сына, рос в обществе буйных товарищей без всякого образования и присмотра, проводил время в том, что дрался, охотился, скакал верхом. Впрочем, это предание не лишено и некоторого исторического значения: Карл, действительно, был плодом связи его отца Пипина Короткого с Бертрадой или Бертой, дочерью Хариберта, графа Лионского, — плодом, явившимся на свет ранее, чем Пипин и Берта вступили между собой в законный брак. Точно так же и его воспитание не многим должно было отличаться от того, какое нарисовано преданием. Оно состояло из военных, гимнастических упражнений, в верховой езде, охоте и плавании; по словам современного Карлу биографа, в этом последнем искусстве Карл достиг такого совершенства, что, по справедливости,

никто не мог превзойти его. Несомненно, что с детства же Карл получил и хорошее религиозное воспитание; при дворе его отца было немало духовных лиц, с которыми Пипин стоял в дружественных, близких связях, да и сам Пипин отличался замечательной привязанностью к Церкви. Религиозность стала выдающейся характерной чертой и его сына, Карла Великого.

Начинаясь с колыбели, легенда сопровождает Карла во всей последующей его истории, обвиняет своими вымыслами его домашнюю и общественную жизнь, искажает даже внешний вид Карла, представляя его человеком необычайно высокого роста и необычайных физических сил. По счастью, мы имеем здесь исторический портрет Карла, написанный лицом, хорошо его знавшим, его неперенным спутником и сотрудником Эгингартом, оставившим нам первую «Жизнь Карла Великого». Прекрасно образованный по тому времени, даже ученый, отлично освоившийся с римской классической литературой и с творениями греческих Отцов Церкви, Эгингарт занимал место министра публичных работ при Карле и был в то же время его личным секретарем, исполнявшим поручения интимного, семейного свойства. В скором же времени после смерти Карла он принялся за его жизнеописание и окончил свой труд не позже 821 г.; в своей биографии Карла он старался подражать Светонию, не прочь был воспользоваться готовыми выражениями этого римского историка и характеризовать своего героя фразами, взятыми напрокат из Светония, но в общем его труд отличается крупными достоинствами добросовестности и искренности, которые блещут в каждом его известии. Эгингарт глубоко преклонялся перед Карлом, и нарисованный им его портрет носит на себе отпечаток того обаяния, какое производила на него личность великого государя. «Карл был широкого и сильного сложения, — пишет он, — высок ростом, но не чрезмерно (равнялся семи футам); голова закруглялась кверху, нос несколько более умеренного, красивая седина, лицо веселое и улыбающееся, хотя шея его

была толста и велика, и живот выступал вперед, но пропорциональность остальных частей скрывала эти недостатки. Одежду он носил национальную франкскую, и только однажды в Риме по просьбе папы Адриана он позволил себе одеть римскую тунику и хламиду и обуться по-римски. Вообще умеренный в пище и питье, Карл был еще умереннее в отношении напитков, потому что ненавидел пьянство. Но в пище не мог быть одинаково воздержным и часто жаловался на то, что пост вредит его здоровью. Обыкновенный обед его состоял из четырех блюд, кроме пирога, но жареное подавали ему прямо на вертеле». Вот в кратких чертах портрет Карла Великого, нарисованный Эгингартом. Этот портрет замечателен и заслуживает того, чтобы внимательно всмотреться в него, так как он отражает на себе новый исторический мир, образовавшийся в Европе в VII и в VIII вв. В характеристике Эгингарта мы имеем перед собой свежую физическую и умственную силу, выступившую в лице варварских народов на историческую сцену и руководящуюся более природными, естественными инстинктами, чем определенными принципами или унаследованными от старины преданиями. Первобытный характер этой силы, ее дикость и необузданность уже значительно смягчились, но совершенно не исчезли. Конечно, Карл может служить лишь представителем высшего общественного класса своего времени, типом небольшого аристократического кружка франкской народности, да и из этого кружка выделяли Карла его исключительное положение и природные таланты, ставившие его на целую голову выше его современников. Однако и у него, этого лучшего человека своего времени, на которого Эгингарт смотрит как на образец величия и благовоспитанности, были свои слабости, дающие право видеть в нем чистокровного сына своего племени, не желавшего или не имевшего сил освободиться от некоторых варварских привычек. Как и большая часть людей, обладающих цветущим здоровьем и огромной физической силой, Карл отличался добродушием и снисходительностью, и Эгингарт несколько раз с

особым ударением указывает на эту черту Карлова характера. Но так было только при обычном течении жизни в кругу послушных придворных и подданных. Когда же Карл встречал упорное сопротивление себе, он терял всякую меру самообладания, в нем просыпался варвар, и тогда он способен был на самые дикие, зверские распоряжения. Достаточно, например, отметить следующий факт, что по приказанию Карла в один день было казнено 4 500 саксов, задумавших восстание против его власти. Другим темным пятном его характера, в котором также сказывалось его варварское происхождение, была его семейная жизнь. Эгингарт называет по имени четырех жен Карла, а что касается наложниц, то он отказывается припомнить даже имена тех, от которых Карл имел потомство. По какому-то странному капризу он не хотел выдавать замуж ни одной из своих красивых дочерей, заявляя, что он не может без них жить. «И вследствие этого, — намекает Эгингарт, — будучи счастливым во всем, Карл с этой стороны испытал злобу превратной судьбы: но он умел делать вид, как будто не существовало никакого слуха или подозрения насчет которой-нибудь из его дочерей». Намек, высказанный здесь Эгингартом, впоследствии породил много легенд, в которых наш автор сам играет невыгодную роль вместе с дочерью Карла Эммой.

Есть известие, что Карл родился 2 апреля 742 г. Если так, то ему было 28 лет, когда под его властью соединились все франкские государства, и он правил ими в продолжение 44 лет. Его государственная деятельность распадается на три существенно различные стороны и потому может быть рассматриваема с трех точек зрения: 1) как деятельность полководца и завоевателя, 2) как деятельность администратора и законодателя и 3) как деятельность покровителя искусств и наук и вообще интеллектуального развития. Продолжительное правление Карла Великого особенно было богато войнами; редкий год проходил без того, чтобы он сам не вел войск или не отправлял их под начальством своих сыновей, на не-

которые же годы приходилось сразу по несколько войн. С 769 г. по 814 г. Карл имел 54 похода, в которых он выступал против аквитанцев, саксов, лангобардов, испанских арабов, тюрингов, бриттов, авар, славян, датчан, баваров и греков. Уже при первом взгляде на военные экспедиции Карла можно подметить, что они носят совсем другой характер, чем войны королей Меровингского дома. Те, в сущности, были раздоры между отдельными германскими племенами, походы с целью водвориться где-нибудь или награть добычи. Военные же предприятия Карла прежде всего отличаются систематичностью. Они внушены были государственной необходимостью, вызваны были политическими соображениями. Война велась Карлом исключительно для того, чтобы соединить разные племена Галлии и Германии в одно политическое целое, дать государству прочные границы и защитить остатки прежней унаследованной от Рима культуры от варварского истребления. Поэтому войны Карла были более оборонительные, чем наступательные, преследовали культурные цели и имели важное историческое значение. В особенности знаменита его продолжительная борьба с саксами, занявшая с небольшими перерывами 32 года его деятельной жизни. Саксы, оставшиеся до времен Карла язычниками и упорно чуждавшиеся всякого воздействия со стороны римской культуры, были старинными, исконными врагами франков. Меровинги и майордомы Меровингов вели с ними целый ряд войн. Отец Карла, Пипин, принудил некоторые из западных саксонских областей платить ему дань, но масса саксонцев сохраняла свою прежнюю независимость и грабила пограничные франкские земли. Карл поставил своим твердым намерением положить конец этим набегам саксов, принудить их к покорности франкам и ввести у них христианство вместе с улучшенными формами быта. Поэтому с самого же начала борьба Карла с саксами приняла *национальный и религиозный* характер. Саксы защищали в ней свою первобытную свободу и своих старых богов; франки стремились сломить силу саксов

как последний оплот язычества и варварства, навязать им свои учреждения и свою религию. С обеих сторон война велась с ожесточением, и немало в течение ее совершено было диких, варварских поступков, часть которых темным пятном ложится на светлой личности Карла. Победа осталась на стороне франков и христианства; она присоединила саксов к семье прочих германских племен, принявших уже христианство, и повела их к более высоким формам быта, дав им возможность дальнейшего культурного развития. Победу франков над саксами историки единогласно признают победой цивилизации над варварством.

Следствием многочисленных походов Карла явилась обширная монархия, заключавшая в своих пределах всю Среднюю Европу с Верхней Италией. То, к чему со времени Хлодвиги как бы инстинктивно стремились франки, в эпоху Карла было осознано и осуществилось на деле. Все германские племена, разрушившие Римскую империю, теперь соединились в один политический организм, составили одно государство. Границы этого государства совпадали с границами западного христианства вообще, и его король, Карл, оказался не только одним германским королем, но и одним христианским правителем единой государственной семьи всего христианского Запада. Но Карл не ограничился созданием одной монархии, заключающей в себе все германские племена; его планы были шире и шли гораздо дальше. Достигнув такой власти над германцами, какой не достигал еще ни один из варварских государей, Карл задумал восстановить там порядок вещей, который некогда, три века тому назад, существовал на Западе. Он задумал не более ни менее как восстановление Западной Римской империи — той Империи, которая была разрушена варварскими завоеваниями. В 800 г., будучи в Риме, он действительно и принял из рук папы титул римского императора, и его монархия получила имя Римской империи. Спрашивается, в чем же заключался смысл этого события? Каким образом Карл мог оказаться римским императором, а его

монархия Римской империей, если к концу V в. эта Империя прекратила свое существование?

Рассматриваемый с внешней точки зрения исторический факт, известный под именем восстановления Западной Римской империи, является простым выводом из отношений, какие с давних пор установились между папами и майордомами Каролингского дома. Папы стояли в дружеской связи с последними и симпатизировали всем их начинаниям. С другой стороны, и майордомы дорожили своими связями с Римом, так как папа уже в то время был великой силой, глубоко влиявшей на склад исторических событий. Особое значение на Западе придавало папе уже то обстоятельство, что здесь он один только был преемником апостолов. Начало его светскому, правительственному влиянию положено было еще при римских и византийских императорах, наделивших папский престол различными привилегиями. Когда пала Римская империя, папы остались первыми и естественными представителями императорской власти. Вместе с византийским наместником, так называемым экзархом, папа являлся носителем Империи в борьбе с варварами. Его авторитет усилился еще более, когда императорский наместник перестал жить в Риме и перенес свою столицу в Равенну. Папа остался высшим лицом в Риме, смотревшим на себя как на распорядителя и государя этого города. Во второй половине VI в. Италия была завоевана лангобардами, не имевшими оснований питать особое почтение к римскому первосвященнику, и папы, чтобы удержать в своих руках зарождающуюся власть, принуждены были искать себе защитников и покровителей. Их они и приобрели себе в лице могущественных майордомов. Уже Григорий III заискивал расположения Мартелла, а Пипин, которого папа призвал в Италию для защиты от лангобардов, торжественным актом передал преемнику Петра 22 города, отнятые им от лангобардов, в том числе Равенну, первый город Италии после Рима. Этим знаменитым актом полагалось прочное основание светской власти римских

епископов, которые с того времени становились светскими государами. В уплату за эту услугу папа Захарий короновал Пипина франкским королем.

Карл Великий продолжал в отношении к папе политику своего дома, но продолжал более блестящим образом. По просьбе Адриана I он в 773 г. вторгся в Италию и принудил лангобардов признать свою верховную власть, подтвердив при этом прежние права римских епископов. Вместе с тем изменились и отношения франкского короля к папе. Карл сделался государем Лангобардии и вершителем столкновений пап с враждебным им населением Верхней Италии. Когда преемник Адриана папа Лев III был прогнан из Италии противной Карлу партией, этот последний силой восстановил его — и вот вслед за тем произошло другое событие, бывшее как бы любезным ответом со стороны папы. В 800 г. в праздник Рождества в церкви св. Петра папа возложил римскую императорскую корону на голову Карла, при восторженных криках народа — и король франков стал западным римским императором, а его государство — Западной Римской империей.

Дело, действительно, имело вид неожиданности, случайности, как его и представляют себе современные событию хронисты. Карл будто бы сам говорил, что он не пошел бы и в церковь, если бы знал, что готовил ему папа. Но даже из кратких, чрезвычайно отрывочных известий современных хронистов ясно, что провозглашение Карла императором было обдумано и решено заранее и что об этом деле давно ведены были совещания. Да и само событие оказывалось настолько естественным и необходимым, что было бы слишком невероятно, если бы мысль о нем не явилась давно у всех рассуждающих и практических людей того времени. В руках Карла соединились почти все области Западной Римской империи, и сам Рим, патрицием которого он считался, принадлежал ему. Восточный император потерял для Западной Европы всякое значение, да в то время его и не было, так как управление Византийской импе-

рией находилось в руках женщины — Ирины. Мысль об Империи никогда не умирала на Западе, и никто не хотел признавать, что ее не существовало. Германские короли, захватившие области Римской империи, считали себя только консулами и патрициями Рима; падения Империи они и не заметили; они продолжали думать, что Империя только раздробилась на части, и теперь, когда все ее части соединились под властью одного лица, присвоение ему титула римского императора явилось неизбежным концом всей истории переходного периода.

Само собой понятно, что все это событие восстановления Империи было одной грандиозной иллюзией; Римская империя окончательно исчезла с лица земли, и монархия Карла не могла заменить ее. Назвавшись римским императором, Карл остался тем же, чем и был, т. е. франкским варварским королем; тем не менее эта иллюзия получила громадное значение для последующей церковной и политической истории Запада. С мыслью о восстановлении Империи связывалась идея политического единства западно-христианского мира, искавшая себе полного выражения. «Западные христиане, — говорит один историк, — считали Римскую империю вечным царством, а императора владыкой, поставленным от Бога для всего мира. Они полагали, что император имеет своим призванием охранять христианство от всех его врагов, поддерживать повсюду порядок и тишину, защищать Церковь и ее служителей от нападения мирских людей, подкреплять своим оружием проповедь христианства, пролагать ему путь до края вселенной, чтобы Христос стал Владыкой всех народов. По этой идее о власти императора, все другие короли и государи западно-христианского мира считались подвластными ему: все западные христиане должны были видеть в его повелениях повеления Божии, обязаны были бóльшим повиновением ему, чем всякому другому повелителю, имеющему только земную, а не божественную власть». Сообразно с этим понятием, Карл стал считать себя преемником Константина и Феодосия, поставленным от Бога

владыкой всех народов, призванным употреблять свою власть на охранение порядка в западных землях, на поддержание закона Божия и наказание его нарушителей. Он был глубоко проникнут той мыслью, что новый сан возложил на него новые обязанности. Он велел внимательно пересмотреть церковные и светские распоряжения и выбросить из них всё, противоречившее заповедям Господним. Он отправил во все области послов следить за исполнением этих требований, вводить в жизнь его подданных христианские добродетели, строгое соблюдение христианских заповедей. Он стал стремиться теперь к идеальной цели — к осуществлению царства Божия на земле, и к достижению этого направил свою административную и законодательную деятельность.

В своих административных реформах Карл руководился тем понятием о государственной власти, с которой его знакомила традиция, шедшая из времен Константина Великого и Феодосия. По этому понятию император должен был стоять в центре церковного управления, от которого, подобно радиусам, исходят все прочие государственные власти и к которому они возвращаются, чтобы дать отчет в своей деятельности. Его собственная власть безгранична и происходит от божественного установления. «Народом нужно управлять по установлению Божию, — пишет Алкуин, ближайший советник Карла, — но не должно следовать народу; не должно слушать тех, кто утверждает, что глас народа есть глас Божий, потому что беспорядочный народ всегда склоняется к решениям безумным». Как носитель верховной власти, император управлял войсками, созывал народные собрания, издавал законы, решал важнейшие судебные дела; он один имел право чеканить монету, назначал полководцев и графов и утверждал избранных епископов.

Подобно римским императорам, Карл окружил себя иерархией властей, церковных и гражданских. Во главе первых стоял архикапеллан, во главе вторых — дворцовый граф (*comes palatii*). От первого зависел придворный клир; он ведал все, что касалось религии,

церковной обрядности, монастырей и пр.; он же делал доклады императору о просьбах духовенства. — Главная обязанность дворцового графа заключалась в ведении дел, подлежавших личному решению императора, как-то: толкование закона, подведение его статей по данному вопросу, апелляции к императору и т. п. Под его властью находился *канцлер*, хранивший государственную печать и отправлявший акты, исходящие от императора; *камергер*, который смотрел за царскими облачениями, управлял придворными церемониями, получал подарки, приносимые его подданными и послами от дворов; *сенешал*, исполнявший должность как бы придворного смотрителя и эконома, и затем следовала остальная масса различной дворцовой прислуги. — Для проведения императорской власти в низшие сферы государства Карлу служил ряд посредствующих правительственных инстанций. Он разделил государство на несколько легатств и каждое из них на графства. Управление графством принадлежало графу; он был и военным, и гражданским начальником своей области. Он творил суд и расправу, председательствовал на частных собраниях свободных людей, предлагал им для решения вопросы, собирал мнения и находил статьи закона. В случае возникновения на собрании какого-либо трудного вопроса он обращался за решением к дворцовому графу или лично к самому императору; к последнему он направлял все дела, имевшие важное государственное значение. Следующую в восходящем порядке правительственную инстанцию составляли особые царские легаты, так называемые *missi dominici* (или ревизоры). Уже последние римские императоры ввели обыкновение посылать в отдаленные части своего государства особых агентов (*agentes in rebus*); то же иногда практиковали и Меровинги, но только Карл Великий придал прочное обоснование институту легатов, определив их права и упорядочив их действие. Главной обязанностью легатов было контролирование действий провинциальных должностных лиц. С этой целью они четыре раза в год посещали

назначенные им легатства и открывали там свои действия тем, что созывали народное собрание, на которое приглашались епископы, графы и прочие должностные лица, и затем подвергали рассмотрению их поведение, выслушивали жалобы на них и рассматривали их управление. На этих же собраниях объявлялись новые законы и предлагались разные улучшения, имевшие местный характер. — Высший же правительственной и вместе с тем законодательной инстанцией были общие народные собрания; они собирались два раза в год: одно осенью, на котором, собственно, и готовился материал для другого, более торжественного собрания, которое и собиралось весной в мае месяце. Впрочем, нельзя думать, что эти собрания в строгом смысле были общими, потому что в таком случае пришлось бы допустить, что толпы народа два раза в год совершали трудные переходы через Альпы и Пиренеи, чтобы собраться на Рейне или Маасе; естественнее допустить, что на них являлись те же должностные лица и люди, имевшие какое-либо дело до императора. Аббат Кардии Адальгарт, родственник Карла, написал трактат «De ordine palativi» с целью обрисовать механизм государственного управления Карла и, в частности, общие народные собрания. Этот трактат, к сожалению, утерян, и мы знаем его только в отрывках, воспроизведенных Гинкмаром, архиепископом Реймским, по просьбе лиц, обращавшихся к нему за советом по делам управления. Здесь между прочим говорится: «Было в обыкновении тогда держать два собрания каждый год, и чтобы они не показались созданными без причины, предлагались на рассмотрение и рассмотрение вельмож, по распоряжению короля, статьи закона, которые он сам составлял по внушению Божию». Таким образом, предложение закона или инициатива на этих собраниях исходили от императора; собрание же обсуждало их, т. е. высказывало относительно их соображения, играло совещательную роль. Оно само по себе не было источником законодательства, но служило лишь средством государственного управления. Через него центральная

власть извлекала сведения о провинциальной жизни государства, знакомила народ со своими планами и удобнее могла проводить свои распоряжения в жизнь. Происходили эти собрания при личном участии императора на открытом воздухе, если позволяла погода; в противном случае — в больших помещениях; в правление Карла таких собраний история насчитывает до 31.

Из соглашения императора с представителями народа выходили законы, известные под именем капитулярий; *capitula* значит небольшая главка, статья — термин, которым обозначаются не только распоряжения Карла Великого, но и вообще законы франкских королей. От Карла осталось 50 или, по другому счету, 65 капитуляриев. Они не представляют из себя какой-нибудь стройной законодательной системы. Сюда входят и древние германские законы, и извлечения из соборных деяний, вопросы, какие Карл предлагал народному собранию, и даже разные заметки для памяти, составленные Карлом по различным случаям. Большая часть постановлений относится к Церкви, к ее устройству и управлению и имеет целью остановить постоянное ее падение. Эта группа постановлений, собственно, принадлежит к истории Западной церкви, и некоторые из них в особенности интересны, потому что составляют прямую противоположность тем правилам, каких держалась Римская церковь в позднейшую эпоху. «Пусть никто не думает, — говорится в одной капитулярии, — что можно молиться Богу только на трех языках (имеются в виду еврейский, греческий и латинский). Богу поклоняются на всех языках, и человек будет услышан, если он молится о справедливом». «Проповедь, — замечает капитулярий 813 г., — должна быть всегда понятна простому народу». Но самой замечательной чертой Карлова законодательства, сообщающей ему единство, является господствующее в нем религиозное чувство. Так, например, в одной капитулярии Карл говорит: «Необходимо, чтобы каждый старался поддерживать себя, смотря по уму и силам, в святом служении Богу и на пути Его заповедей». Или другой пример: «Старательно избе-

гайте коварства, незаконных браков и лжесвидетельств, как мы часто увещевали вас и как воспрещено законом Божиим». Этим христианским духом проникнуто было все законодательство Карла Великого, и как его предписания ни кажутся нам элементарными, не нужно забывать, что в ту эпоху перехода от первоначального варварства к цивилизации они должны были действовать воспитывающим образом на грубую среду, призывая ее к нравственному улучшению и порядкам.

Но нигде столь симпатично не рисуется личность великого императора, как в его заботах о насаждении умственного просвещения, имевшего громадное значение для Запада. Начиная с эпохи переселения, образованность на Западе быстро стала падать, пока совсем не исчезла в VII в. и первой половине VIII в. Если сравнить состояние образованности тогдашнего времени с состоянием ее в V и VI вв., то можно подумать, что между этими временами прошел не один век. В V в. Галлия еще покрыта была многочисленными школами, привлекавшими огромное количество слушателей; к началу же VI в. мы здесь уже не находим ни одной светской школы. Единственными учебными заведениями, какие оставались тогда в Средней Европе, являлись епископские школы, основанные при соборных церквях, и монастырские, где образованность приняла исключительно церковный характер. Франкские короли, достигнув значительной власти, любили окружать себя образованными галло-римлянами и даже не прочь были похвастаться своими знаниями, но какого рода были эти познания, о том лучше всего дает понять пример Хильперика, одного из ревнителей тогдашнего времени. Он изобрел четыре новые буквы, которые приказал употреблять в своем государстве, и намеревался даже истребить все книги, где не было этих букв. Даже лучший духовный писатель эпохи Меровингов, Григорий Турский (539–595), составивший церковную историю франков, открыто сознается в своем невежестве. Он допускает, что ему могут возразить: «Ты ничего не понима-

ешь в словесности, ты смешиваешь роды мужской, женский и средний, ты не ставишь на своем месте предлоги и соединяешь с ними винительные падежи вместо творительных, ты думаешь, что тяжелый бык может танцевать на палестре...». Что Григорий говорит о себе так не из скромности, это лучше всего доказывается его собственными сочинениями. Из всех многочисленных родов письменности ко времени Карла остались только жития святых, написанные, увы, без всякого искусства и самым варварским языком. Карл остановил это падение, и с его времени начинается история западного образования. Он положил ему основание собиранием рукописей, которые он доставал отовсюду из Рима и даже из Ирландии. После третьего своего похода в Италию в 787 г. он вывез оттуда учителей грамматики и счисления и деятельно принялся за устройство школ. В высшей степени интересно его письмо к игумену одного монастыря, где Карл излагает следующее: «Многие монастыри в последние годы присылали нам письма, которыми извещали нас, что братия молится за нас во время священной службы; мы заметили, что в большей части этих писем чувства были хороши, но слова грубо не обработаны, и если благочестие хорошо одушевляло их, то неискусный язык, которым вовсе не занимались, не мог хорошо выразить его. Мы стали бояться, что как мало здесь искусства писать, так же мало здесь и понимания Св. Писания». Капитулярій от 789 г. уже прямо предписывает заводить двоякого рода школы: как первоначальные для обучения грамоте и письму, так и сравнительно высшие, где обучались арифметике, грамматике и нотному пению. Заботясь об устройстве школ, Карл отовсюду собирал к себе учнейших людей того времени: он призвал к себе Алкуина из Англии, Агобарта из Испании, Геодульфа из Италии. Он сам находил время, среди своих многообразных работ, для ученых занятий. Эгингарт рассказывает, что Карл всегда клал на ночь под подушку таблички и бумагу, чтобы во время бессонницы набить свою руку в письме, добавляя, что это плохо удавалось Кар-

лу, потому что он слишком поздно начал учиться письму. Из этих слов и заключили, что Карл вовсе не умел писать; вероятнее думать, что он только не мог достигать красоты и ровности почерка. Усердно старался Карл изучить и немецкий язык и дошел в нем до таких познаний, что сам составил первую немецкую грамматику. Мало того, он основал при своем дворе род академии, члены которой носили особые имена и в которой участвовал сам Карл под именем Давида, и устроил придворную школу, где учителем был Алкуин, а учениками сам Карл, его сыновья и дочери. От этого преподавания Алкуина в дворцовой школе сохранился образчик, представляющий собой разговор между Алкуином и Пипином, вторым сыном Карла. Я приведу несколько вопросов Пипина и ответов Алкуина.

В.: Что такое язык? О.: Бич воздуха.

В.: Что такое человек? О.: Раб смерти.

В.: Как поставлен человек? О.: Как фонарь на ветре.

В.: Где поставлен человек? О.: Между шестью стенами.

В.: Какие это стены? О.: Низ, верх, перед, зад, правая сторона и левая.

В.: Что такое зима? О.: Изгнание лета.

В.: Что такое весна? О.: Живописец земли.

В.: Что делает горькое сладким? О.: Голод.

В.: Что никогда не надоедает людям? О.: Нажива, и т. д.

Несмотря на их пустоту и изысканную фигуральность, эти разговоры Алкуина для того времени служили признаком начавшегося умственного развития.

В заключение заметим, что сохранилось много фактов, свидетельствующих о величии замыслов Карла. Сюда относятся многие его постройки, между прочим в Ахене, для украшения которого он перевез дорогие античные колонны из Равенны и Рима, грандиозный план соединения Северного моря с Черным посредством канала между Рейном и Дунаем — работа, к которой Карл уже приступил,

но которая была слишком громадна для средств того времени; забота о покровительстве торговли, устройстве путей сообщения и т. д., короче, нет такой области, куда бы не проникал заботливый глаз Карла и где бы он не оставил тех или иных следов своей деятельности. Карл умер 28 января 814 г. в Ахене на 72 году своей жизни.

Начиная с тех пор, как Хлодвиг, первый франкский король-христианин, выступил из северо-восточного угла Галлии на завоевание ее юго-восточной части, римское государственное устройство продолжало оставаться для франкских королей идеалом, который они пытались осуществить среди варварских племен на протяжении трех столетий. В монархии Карла Великого этот идеал государственного строя, по-видимому, слился с действительностью. Благодаря войнам Меровингов и первых майордомов королевского рода, к IX в. в середине Европы возникло обширнейшее государство, границы которого были еще далее расширены и укреплены завоевательными предприятиями Карла. После покорения саксов на востоке Европы уже не оставалось ни одного германского племени, которое бы не входило в состав владений этого великого Каролинга. Река Эльба, служившая восточной границей Карловой монархии, обозначала собой предел германского мира и вместе с тем предел западного христианства, так как пространство за Эльбой в то время было занято славянскими народами, остававшимися еще языческими. На Западе Карлу удалось подчинить себе только небольшой северо-восточный уголок Испании, простиравшийся до реки Эбро, отделявшей франкское государство от владения арабов-магометан, завоевавших Испанию в VIII в. Не только римская Галлия, но вся древняя Германия, которой римляне никогда не имели силы овладеть, и верхняя часть Италии с городом Римом во главе к IX в. входили в состав Карловой монархии. В этих пределах заключены были как все германские племена, так и весь христианский мир тогдашней Западной Европы, и Карл оказался не только одним германским королем, но и одним христианским правителем,

единой государственной главой всего христианского Запада. Как король германских племен, Карл поставил своей задачей применить к ним идею римского единства, связать их в одно целое и посредством разнообразных учреждений, созданных по римским образцам, образовать из них единую, стройную и сильную монархию. Как государственный глава всего западного государства Карл принял из рук папы титул римского императора, сделался помазанником Божиим, стал считаться призванным осуществить царство Божие на земле и в ученом придворном кружке назывался Давидом, которому он хотел подражать в своей правительственной деятельности. Казалось, то государственное единство, к которому сначала инстинктивно, а потом сознательно стремились франкские правители, было теперь достигнуто. По своему внешнему виду монархия Карла Великого представляла собой благоустроенное целое; в своем центре имела она энергичную личность, своего первого императора; в ней действовала стройная система должностных лиц и учреждений; под влиянием общего подъема сил начали развиваться науки и искусства. Мечты самого Карла шли гораздо дальше: он лелеял мысль присоединить к своим владениям и восточную половину Римской империи, т. е. Византию, и с этой целью, вскоре после коронации в Риме, задумал жениться на Ирине, управлявшей в то время Византией, чтобы стать главой не только западно-германского, но и всего христианского мира и восстановить Римскую империю в том объеме, какой она имела во время Константина и Феодосия.

Действительность сурово обошлась с романтическими мечтаниями великого франка. Огромная монархия, подготовленная меровингскими майордомами и организаторским гением Карла, на самом деле оказалась зданием слишком непрочным, таившим в себе элементы разрушения. Пока жив был сам организатор этой монархии, эти элементы примирялись и сдерживались его энергией; но прошло не более трех лет после его смерти, как они выступили наружу

и разделили его Империю на составные части. Чем дальше шло время, тем глубже и всесторонне охватывал Европу этот процесс разложения, так что в XI в. вместо централизованной наподобие Рима Империи Карла мы находим множество чрезвычайно мелких, вполне самостоятельных владений, не только не имеющих одного общего центра, но и не желавших иметь его. Спрашивается: почему же государство не могло удержаться на той высоте, которой на мгновение удалось ему достигнуть? Почему новые идеи, идеи общих интересов растаяли в воздухе вместо того, чтобы сделаться *instrumentum regni*? Постараюсь сейчас ответить на эти вопросы.

Прежде всего, монархия Карла Великого, какой бы блестящей не казалась она с внешней стороны, на самом деле была слишком искусственным соединением двух противоположных начал: римских традиций и германства. Карл был проникнут идеей Римской империи, а эта идея требовала такой политической организации, в которой все части исходили бы из одного начала и подчинялись бы ему, в которой государство царило бы над отдельной личностью и поглощало бы ее, в которой, как в одном стройном механизме, все приводилось бы в движение одной волей и направлялось к достижению одной цели. Природе же германца было присуще стремление к *особенности*, к *отдельности* в жизни: германец проникнут был идеей личной свободы и не понимал другого права, кроме права быть хозяином на своей территории; он не хотел знать никаких других отношений, которые не вытекали бы из его личных потребностей и не определялись поземельным строем. Первым Меровингам, положившим начало Карловой монархии, относительно легко было воспроизвести на галльской почве государство в смысле Римской империи и подчинить ему франков, так как в их время королевская власть еще опиралась на большинство старого римского населения, свывкшегося с римскими понятиями о государстве и основанными на нем порядками. Ко времени Карла Великого это положение дела радикально изменяется. С одной стороны, в саму

Галлию из-за Рейна переселяются новые и новые племена германцев, приносят сюда свои понятия и формы быта и постепенно германизируют коренное население; с другой стороны, франкское государство далеко расширяется на восток и включает в свой состав чисто германские племена, которым чужды были какие бы то ни было римские традиции. Карл имел перед собой уже общество германское, в котором исчезла римская цивилизация и воспоминание о Риме уступило место стремлению сохранить свойственные природе германца разрозненные и более простые формы быта. Если кое-где еще и хранились римские государственные понятия и имя Рима вызывало собой благоговение, то в этом повинно было не общество Карловых времен, а небольшое число ученых лиц, занимавшихся классической литературой, да разве еще семейные предания Каролингского дома. Полагают, что и самая мысль о восстановлении Римской империи принадлежит тому кружку духовных ученых, который собирался около Карла и в котором первое место занимал Алкуин; в этом кружке усердно читали римских писателей, — и из восхищения ими здесь возникло желание восстановить Римскую империю, величие которой дивились эти ученые и о которой они думали, что ей обещано Богом вечное существование на земле. С этой извлеченной из книг идеей Карл и связал судьбу своей монархии, и нет поэтому ничего удивительного в том, что со смертью Карла, носителя этой идеи, уничтожилась и монархия, основанная на ней.

Другой причиной разложения Империи Карла Великого служила крайняя разнородность ее состава, раздробленность входивших в ее границы германских племен. Как это ни кажется странным, но даже Империя Карла не может быть названа государством в том действительном и строгом смысле, в каком этот термин употребляется теперь. Что мы называем государством? Известную территорию, обитаемую людьми, которые носят одно общее имя, управляются одним законом и связываются между собой рядом некоторых

общих потребностей. Ничего подобного не было в монархии Карла Великого; ее население не только не составляло одной народности, но не имело даже общего, всем понятного языка. Саксонец говорил речью, которая была недоступна жителю Верхней Италии, даже западный франк едва ли мог без переводчика объясняться со своим восточным соплеменником. Каждое племя, вошедшее в состав Империи, сохраняло все особенности своего законодательства и своих домашних обычаев, и хотя Карл своими капитуляриями создал новое обязательное для всех законодательство, но не уничтожил и не хотел уничтожить племенных особенностей и неуклонно держался старого германского принципа: «Каждый живет и судится по своему собственному праву». Еще менее могли иметь место у этих разрозненных племен какие-либо общие интересы и потребности. Тогда не существовало ни промышленности, ни торговли, ни умственного общения, ни обмена идей; сношения были редки и чрезвычайно затруднительны. Жизнь людей ограничивалась узким пространством, в котором они рождались и умирали. Во многих пунктах Империи Карла ему не повиновались, даже не слышали о нем, и сам он мало заботился об этом. Существовали только местные потребности и местные интересы, вращавшиеся в кругу частных и личных условий; общество состояло из мелких групп, ничем между собой не связанных, которым не было никакого дела ни до государственных нужд, ни до Империи, восстановленной Карлом. Однажды сын Карла Людовик, управлявший Аквитанией, явился ко двору своего отца без обычного подарка; удивленный этим, Карл спросил его, почему он, будучи королем, без нарочитого приказания, не может сделать подарка отцу, — и вот Людовик горячо начал жаловаться на свое положение. Он говорил, что знатные думают о своих только выгодах, что государственная казна остается в полном пренебрежении и величайшем беспорядке, что государственные имущества обращаются в частную собственность и что сам он, Людовик, считается императором только по имени, а на деле

терпит нужду во всем. Очевидно, государственное единство, созданное Карлом, было чисто внешним, формальным и механическим единством; оно лежало в его личности и в его воле, а не в самом обществе; отдельные части Империи внешним образом объединялись в имени своего правителя, а не в идее государственной власти. Оттого, когда не стало этой личности, когда власть перешла в руки слабых потомков Карла и исчезла внешняя сила его имени и оружия, тогда последовала неизбежная реакция и началось естественное разложение искусственно созданного целого. Все, что имело какие-либо условия самостоятельного существования, делалось самостоятельным: государство дробилось на мелкие территории; жизнь сосредоточивалась в мелких центрах; власть, законы и учреждения приняли местный и территориальный характер.

Процесс распада Карловой монархии обнимает собой промежуток времени от его смерти в 814 г. до начала XI в. и совершается с замечательной постепенностью. Сначала образуются из его Империи более или менее обширные группы, представляющие собой в зародыше будущие главные государства Западной Европы. Затем внутри каждой из этих групп начинается раздробление на мельчайшие составные части, пока к XI в. Европа не покрывается сетью мелких самостоятельных владений, соединенных между собой весьма слабой связью. Нарождается особый порядок быта, *феодализм*, господствовавший в Западной Европе в течение трех веков и обнявший собой все государственные, общественные, семейные и экономические отношения, который и явился непосредственным и самым крупным историческим результатом распада монархии Карла Великого.

Преемники Карла Великого всего менее были способны задержать этот процесс разложения. Энергия и блестящие организаторские достоинства, характеризовавшие род Каролингов и нашедшие полнейшее выражение в лице Карла, как бы исчезли у его потомков. Ни по личным своим качествам, ни по своему государственному

правлению они не возбуждали никакого уважения к себе в народе. Достаточно обратить внимание на те прозвания, какими клеймил народ последних Каролингов, чтобы видеть, как мало они походили на своего великого предка. Только первый преемник Карла, его младший сын Людовик, пользовался некоторыми симпатиями народа за свою преданность христианству и Церкви, за что и получил название Благочестивого. А за ним следуют Карл Лысый, Людовик Заика или Лентяй, Карл Толстый, Карл Простой в смысле простоватый, иначе *simplex* или *stultus*, правивший, однако, западной частью более тридцати лет, Людовик Заморский и т. д. Последние Каролинги вообще во многом напоминали собой последних Меровингов — тех Меровингов, которые за свою бездеятельность прозваны были ленивыми или тунеядными королями. Великие государственные стремления Карла были им не по плечу: их занимали собой не единство, и не благо Империи, а личные расчеты, честолюбивые стремления, междоусобные войны и раздоры, которыми они оказали важное содействие быстрому разложению Империи.

Уже Людовик Благочестивый, наследовавший Империю Карла во всем ее объеме и по своим личным достоинствам стоявший далеко выше позднейших Каролингов, не был государственным человеком, способным поддержать твердость доставшегося ему наследства. Крепкий и сильный, как бы рожденный для битв, Людовик менее всего любил войну; его характер скорее годится к жизни монаха, чем к той трудной деятельности, какую назначила ему судьба. Он сам иногда как бы сознавал свою неспособность к практической деятельности и, по смерти своей первой жены, думал действительно пойти в монахи, но увлекся красивой и образованной дочерью графа Вельфа Юдифью, заметно превосходившей его своим умом, и вступил с ней во второй брак. Впрочем, он был человеком строгих нравов и серьезен до того, что улыбка почти никогда не появлялась на его лице. Все эти качества могли бы сделать честь частному человеку, но, на беду, Людовик не имел ни одно-

го из тех свойств, которые необходимы были для него как правителя. Его распоряжения были шатки, и характер его отличался безграничной слабостью; как государь, он редко проявлял свою собственную волю: будучи исполнен самыми благими намерениями, он действовал, однако, так, как подсказывали ему его советники, и своим царствованием подорвал всякое уважение к имени короля. История Людовика Благочестивого есть история падения монархической власти франкских государей. Вот краткий очерк событий его царствования. — От первой своей жены Ирменгарды Людовик имел троих сыновей — Лотаря, Пипина и Людовика, и Ирменгарда, пользовавшаяся влиянием на императора, желала обеспечить каждому из сыновей независимое положение. Но мысль о разделе государства находила себе еще сильных противников в составе высшего духовенства, для которых единство Империи казалось необходимым соответствием единству Церкви. Случай в Ахене, когда Людовик, проходя со своим двором по ветхой деревянной галерее, соединявшей дворец с собором, упал вместе с женой и едва не убится, дал повод партии Ирменгарды настоятельно требовать обеспечения сыновей на случай смерти отца. В 817 г., следовательно, только три года спустя после смерти Карла Великого, в Ахене состоялось государственное собрание, и там, после трехдневного поста, решено было разделить владения между сыновьями Людовика, причем в этом акте, устанавливавшем это разделение, была прямо высказана мысль, что им несколько не нарушается единство Империи, что намерение разделить Империю было бы величайшим соблазном для Церкви и оскорблением для всемогущества Божия, которым держится царство. И действительно, младшим сыновьям Людовика, Пипину и Людовику, в Ахене были отделены только те области Империи, которые и без того составляли отдельные владения, почти независимые от франкских королей, — Аквитания и Бавария. К тому же названные земли были слишком незначительны сравнительно с той долей, которая доста-

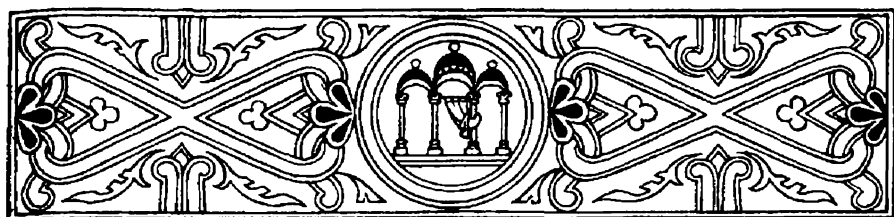
лась старшему брату Лотарю, получившему вместе с титулом императора все остальные владения. Этим и объясняется то, почему духовенство, этот оплот единства Империи, согласилось на раздел 817 г. и сам папа освятил его своим согласием. — Между тем умерла Ирменгарда, и Людовик, хотевший сначала отказаться от света, женился на Юдифи. В 823 г. Юдифь родила ему сына Карла, прозванного потом Лысым. Это значительно изменило положение дела. Юдифь ничего так страстно не желала, как доставить своему сыну часть в отцовском наследстве, обеспечить ему самостоятельное владение. Это сделалось целью ее жизни, на достижение которой она направила все усилия своего тонкого ума и недюжинной энергии. Благодаря настоянию ее партии в 829 г. на собрании в Вормсе был изменен раздел Империи, установленный в 817 г., в видах выделить и шестилетнему Карлу области, взятые от других братьев, а через два года этот передел еще раз был повторен. В акте последнего раздела, вероятно, по мысли Юдифи, вставлена была важная прибавка, лишившая его всякой устойчивости и позволявшая изменения в будущем. Было сказано, что если кто-нибудь из сыновей отличится особенной преданностью и почтительностью к отцу, то последний может взять из части менее почтительных сыновей сколько захочет и отдать более почтительному. Прибавка явно клонилась к будущему еще большему возвышению Карла за счет его братьев и вооружила против него всех приверженцев Империи. Чтобы защитить свои права, все сыновья Людовика от первого брака схватились за оружие и восстали против отца. В битве отца с сыновьями 833 г. войска Людовика перешли в лагерь его противников, и, покинутый всеми, он должен был сдаться в руки Лотаря. Его тотчас же разлучили с Юдифью, отправленной теперь в Италию, и с Карлом, которого заключили в монастырь. На бурном собрании Лотарь объявил, что Бог отнял от отца его власть, которая отныне принадлежит ему как императору... Людовик Благочестивый, казалось, потерял все: его подвергли заключению в сообществе

нескольких монахов, под ближайшим надзором епископов, особенно ему враждебных; он доведен был до того, что в Компьене в присутствии вельмож и народа принес в церкви покаяние в своих грехах по формуле, сочиненной его врагами. Это унижение Людовика и своеволие Лотаря, спешившего воспользоваться императорской властью, вызвало сочувствие к старому императору в народе, еще не забывшему славных времен Карла. Возбудивший общее неудовольствие Лотарь бежал, и Людовик в 835 г. был восстановлен в своих правах. Еще раз сделано было разделение Империи, клонившееся опять в пользу Карла, но вскоре в походе против одного из своих непокорных сыновей старый император занемог и умер на одном из островов Рейна (20 июня 840 г.).

Нетрудно отгадать внутренний смысл этих событий, этих семейных распрей и усабиц, наполняющих собой несчастное царствование Людовика Благочестивого. Людовик был еще проникнут идеей Империи, мыслил об императоре как полновластном главе всего западно-германского мира. На разделы, происходившие в его царствование, он смотрел лишь как на облегчение своих занятий по управлению и не хотел видеть в них какого-либо окончательного разделения Империи; поэтому он и считал себя вправе изменять их сообразно своим намерениям. Иначе смотрели на разделы Империи его сыновья; в постановлениях Ахенского съезда они видели нечто нерушимое, нечто такое, что стоит выше единичной воли отца. В борьбе Людовика с сыновьями, таким образом, сказалась борьба принципа Империи с началом сепаратизма, стремившегося раздробить монархию франков. Победа сыновей 833 г. и унижение, которому Людовик подвергся в Компьене, были вместе с тем победой элементов разрушения и уничтожения императорской власти как носительницы единства. После этого события не могли уже восстановиться ни императорская власть, ни единство Империи; и это прежде всего отразилось на Лотаре, старшем сыне Людовика, вскоре же после Ахенского раздела коронованного импера-

торской короной в Риме (820 г.). Как император Лотарь склонен был требовать по смерти отца покорности от своих братьев и всего менее способен был признать последние разделы, совершившиеся преимущественно за его счет. Он начал борьбу сначала с Людовиком, а потом с Карлом, но преследуемые братья догадались скоро соединиться силами, и Лотарь оказался в том же положении, как находился некогда и его отец. Он принужден был заключить мирный договор в Вердёне (или — Вердуне) в 843 г. и произвести *окончательный* раздел Империи, получивший в истории Западной Европы огромное значение и положивший начало *образованию западно-европейских национальностей*. К изучению этого явления я теперь и обращаюсь.

Процесс образования западно-европейских национальностей^{*1}

Трудность вопроса. — Вердунский договор и его значение в истории западно-европейских национальностей. — Распадение франкского государства на две половины: западную и восточную; происхождение в первой романского, а во второй германского населения. — Возникновение германской национальности. — Этнографический состав Франции. —
Итальянская и испанская народности.

Бесспорно, что такие многосодержательные явления, как образование целого народа, а тем более образование нескольких народностей, принадлежат к числу самых сложных исторических про-

* Впервые опубликовано в журнале «Богословский Вестник». 1910. Т. III. № 9. С. 18—31.

¹ Ввиду недоумений, вызываемых у некоторых читателей, каким образом я, будучи профессором церковной истории, печатаю статьи не по своей специальности, и уж не перешел ли я на кафедру новой гражданской истории, я должен заявить, что первоначально я приглашен был в Академию на кафедру *новой гражданской истории*, на которой и оставался в течение трех лет, причем первую половину учебного года преподавал историю западно-европейского Средневековья с кратким очерком развития королевской власти во Франции за Средние века, во второе — историю Византийского государства. Печатаемые по истории западно-европейского Средневековья статьи и являются результатом этих занятий. — Автор.

цессов, редко поддающихся внешнему наблюдению. Эти явления не происходят на поверхности исторической жизни, открытой для современников, а совершаются в глубине ее и слагаются на протяжении целых столетий, под действием весьма различных факторов. Ни одно событие, пережитое тем или другим племенем, не пропадает для него даром: оно влияет на его дальнейшую историю, оставляет свои следы в характере и строе его жизни и оказывает свое воздействие в той таинственной лаборатории, в которой из племенного типа вырабатывается тип национальный. Даровитый летописец, заходя на страницы своей хроники совершившиеся при нем события, легко замечает крупнейшие из них, в особенности те, которые бьют в глаза, поражают эффектом, как, например, войны, переселения и пр., но он не может определить характера и степени их влияния на дальнейшую судьбу его племени, так как его кругозор, ограниченный только настоящим, слишком узок для этого. Ему не видны также и те мелкие факторы, которые неизменно, с упорным постоянством действуя на племя или народ, налагают на него определенную физиономию и создают из него самобытный тип. Поэтому мы напрасно стали бы в известиях хронистов искать указаний по вопросу о процессе образования той или другой народности; мы вообще напрасно стали бы искать такого единичного события, к которому можно было бы привязать самый момент возникновения народности. Не в летописях и не в документах, а в особенностях языка, быта, политических форм и народного характера сокрыты те данные, которые могут разъяснить нам элементы, вошедшие в состав той или другой народности. Тем не менее в вопросе о происхождении теперешних западно-европейских национальностей мы имеем одно событие, которое в практическом отношении с наибольшим удобством может служить исходным пунктом для решения его. Это — упомянутый мной сейчас Вердунский договор 843 г. Он часто называется историками «днем рождения западно-европейских национальностей» и ставит нас на пороге со-

временной Европы. Само собой понятно, что это выражение «день рождения» нужно понимать в условном, метафорическом смысле. Вердунский договор не создал и не мог создать западно-европейских национальностей; но в нем они в первый раз решительно проявились на поверхности исторической жизни и стали влиятельным фактором в дальнейшем развитии событий. До Вердунского раздела мы видим перед собой только варварские государства с чрезвычайно разнообразным, смешанным населением; после же него над множеством мелких государств, на которые распалась Империя Карла Великого, ясно уже выделяются главнейшие западно-европейские национальности, постепенно превращающиеся в цельные, тесно сплоченные народы. Когда исчезли с лица земли последние Каролинги, историк, уже не прибегая к натяжке, может говорить о Германии, Франции, Италии и Англии как о странах с достаточно выраженной национальной физиономией.

Согласно Вердунскому договору, области франкской монархии распались между тремя сыновьями Людовика Благочестивого следующим образом: Карл Лысый получил западную часть Империи, включавшую в себя все франкские владения по левую сторону Шельды, Мозеля, Сены и Роны; Людовик сделался королем восточной части, лежавшей по эту сторону, т. е. на восток от Рейна, а именно Австразии, Саксонии, Баварии, Алемании и Каринтии; старший же брат Лотарь удержал в своей власти Италию вместе с узкой полосой, проходившей посередине Европы и разделявшей владения Карла и Людовика, — той полосой, которая от имени его и сына получила название Лотарингии. Если теперь на время оставить в стороне Италию, которая уже по одному своему географическому положению выделялась из монархии Карла Великого в самостоятельную область, то мы получим, что в Вердуне договором братьев-внуков Карла Великого средняя Европа была разбита на две самостоятельные половины — восточную и западную, причем пограничную линию между ними составила упомянутая полоса земли

Лотаря, т. е. Лотарингия. Эти две половины Европы уже никогда более не соединялись в одно политическое целое, и их история пошла различными путями, приведшими к тому, что из восточной половины образовались постепенно современные германские государства, а из западной — современная Франция. Причина этого выдающегося значения Вердунского договора в ряду других разделов франкского государства, происходивших после смерти Карла Великого, заключалась именно в том, что в Вердунском разделе политические границы, границы власти трех братьев, совпали с этнографическими границами, с границами вновь образовавшихся на исторической сцене национальностей Западной Европы, так что *каждая область, выделенная этим договором, представляла собой не только политически самостоятельное, но этнографически обособленное целое*. Разделяя среднюю Европу на две половины, Вердунский договор, таким образом, имел в своей основе национальный принцип и выполнял лишь то, что давно требовалось всем ходом западно-европейской жизни.

Еще во времена Меровингов, задолго до основания Империи Карла Великого, франкское государство обнаружило наклонность к распадению на две половины: западную, называвшуюся тогда Нейстрией, и восточную, носившую имя Австразии. Уже тогда это распадение вызывалось не чем другим, как именно различием в составе коренного населения той и другой части франкского государства. Оно состояло в следующем. Как известно, западная половина французского государства образовалась из провинций бывшей Римской империи, которые носили одно общее название Галлии. Древнейшим населением этих провинций были различные мелкие отрасли кельтического племени, в доисторические времена занявшего Европу и выработавшего свой особый склад жизни. Но после побед Цезаря в Галлии обитавшие здесь кельтические племена потеряли свою самостоятельность и быстро подпали влиянию римской культуры. Можно сказать, что из всех народов, подчиненных Римом.

ни один столь легко не усвоил себе римскую цивилизацию, ни один столь скоро не надел на себя внешних признаков чужой народности, как именно население Галлии. О юго-восточной части Галлии еще в I в. нашей эры говорили, что она скорее должна называться Италией, чем провинцией. Тот же Цезарь ввел в сенат многих галльских уроженцев; с другой стороны, и знатные римляне охотно шли в Галлию, селились здесь и смешивались с его первобытным населением, содействуя его быстрой романизации. Под управлением римлян Галлия превратилась в прекрасную страну со множеством богатых городов, удобными путями сообщения, с библиотеками, школами и учеными кружками, процветавшими вплоть до V в. Кельты забыли свой язык и свои учреждения и так тесно слились с победителями, что составили однородное население вполне римского характера. Когда в эпоху переселения в Галлию явились новые германские племена вестготов, бургундов и франков и основали здесь варварские государства, то в состав их вошло и это оставшееся на своих местах население, говорившее римским языком, жившее по римским обычаям и считавшее для себя обязательным только римское право. С расширением власти франкских королей на чисто германские области сюда в разное время перешло много германцев других племен или в качестве заложников, или в качестве добровольных поселенцев. Долго эти разнородные элементы жили здесь рядом, чуждаясь друг друга и сохраняя оригинальный племенной быт. Варварское законодательство, т. е. *leges barbarorum*, еще постоянно и строго различает римлянина-галла от германца. Но с течением времени из различных племен, нагроможденных на галльской почве, образуется одна более или менее однородная масса, которую еще нельзя назвать французской нацией, но которая составляла то, что обыкновенно называют романским населением. В этом населении уже не было ни римлянина, ни франка: они слились вместе, составили один тип, в котором преобладание оказалось на стороне римского элемента. С германцами, поселившимися

в Галлии, случилось почти то же, что ранее произошло с кельтами: они подпали влиянию римской культуры и приняли латинский язык — с тем, однако, различием, что германцы, как победители, не забыли всего своего и в римское наследие внесли свои германские перемены, чего не могли в такой же мере достигнуть кельты, как побежденные. К IX в. процесс образования романского населения в Галлии уже закончился.

Законодательство Карла Великого уже не знает различия между галлом и германцем: оно имеет в виду именно эту однородную массу, которая возникла из их смешения. Около того же времени, т. е. в IX в., можно видеть и следы того романского наречия, на каком говорила эта масса. Когда в 841 г., за два года до Вердунского договора, Карл Лысый и Людовик Немецкий клялись перед своими войсками в неразрывном союзе, то каждый из них, чтобы *быть понятным* войскам другого, клялся на том языке, которым говорило войско его союзника. Очевидно, между восточной и западной половиной франкского государства в это время существовало коренное различие в населении, простиравшееся до различия в языке, причем западная половина говорила языком, представлявшим собой германское видоизменение латинского языка. Эти клятвы двух братьев записаны и являются на сегодня древнейшими филологическими памятниками двух главнейших европейских языков: немецкого и французского.

Совершенно иной характер носило на себе население восточных частей франкского государства. Эти области состояли из чисто германского населения и лежали за Рейном, куда никогда прочно не проникало ни внешнее, ни внутреннее влияние римлян. Здесь в чистом, первоначальном виде сохранялись племенной тип германства, древнегерманские обычаи и германская речь. При Карле Великом германские элементы восточных областей были усилены еще присоединением саксов, отличавшихся особенным упорством в сохранении национальных форм быта, и баварцев. В противопо-

ложность романизированной западной половине франкской Империи, восток ее носил на себе, таким образом, строгий *германский характер*, не знал и не хотел знать ничего римского. Эти-то две половины с различным населением и были выделены на Вердюнском договоре в политически самостоятельные области и достались западная — Карлу, а восточная — Людовику. Политическая самостоятельность здесь, следовательно, соединилась с национальной обособленностью, вследствие этого и та и другая оказались особенно прочными. Благодаря политической самостоятельности национальные особенности каждой из этих частей получили возможность беспрепятственного развития и свободного выражения в обычаях, нравах и учреждениях страны; в свою очередь, и политическая самостоятельность, опираясь на национальное чувство, нашла в нем такую твердую основу своей независимости, какой не могли дать Карловой монархии ни ее войско, ни скопированные по римским образцам законы и учреждения. Лучшим подтверждением сказанного может служить судьба той полосы, которая разделяла восточную половину Европы от западной и называлась Лотарингией. Эта полоса имела смешанное романо-германское население и потому никогда не могла составить собой независимое государство; она присоединялась то к восточному, то к западному королевству, то подвергалась разделу между обоими и, несмотря на эти перемены, до сих пор сохранила за собой характер пограничной страны, являясь предметом спора между Францией и Германией, к счастью Европы, кажется, теперь уже поконченного.

Но Вердюнский договор был днем рождения современных западно-европейских народов, а не днем их совершеннолетия. Национальное сознание не только было слабо, но почти не проявлялось. Единственным признаком новых национальных групп был язык, но этот признак оказывался слишком слабым для того, чтобы задержать естественное стремление того времени к образованию мелких самостоятельных политических единиц. К тому же внутри каж-

дой группы, созданной Вердунским договором, существовали еще свои части, отличавшиеся обычаями и особенностями языка. Поэтому должно было пройти еще значительное время, прежде чем эти группы достигли полного объединения и образовали из себя один народ, связанный общими потребностями и с развитым сознанием своего единства.

Ранее других частей Европы национальное чувство развилось в ее восточных областях, выделившихся из монархии Карла Великого, т. е. в современной Германии. Население этих частей, как мы знаем, представляло собой однородную массу несмешанного германского происхождения. В этой массе выделялись отдельные германские племена, разнившиеся между собой физиономией, наречием, оттенками характера и некоторыми сторонами быта, но сознание единой общей народности, возвышающейся над этими особенностями, среди них скоро явилось благодаря постоянным войнам с иноплеменниками — славянами и венграми. Первоначально эта половина франкского государства не имела даже собственного имени; она считалась еще частью одного целого, одной монархией франков, и просто называлась королевством восточных франков. Даже когда здесь прекратилось прямое потомство Карла Великого, т. е. спустя два века после его смерти, новые короли этой части продолжали обозначать себя как *reges orientaliū francorū*. Но когда эти новые короли приняли на себя титул западных римских императоров и открыли ряд походов в Италию, обладание которой им казалось необходимо связанным с императорским титулом, то их здесь стали называть немецкими (или тевтонскими) королями и их королевство — королевством тевтонским. Введенное в обращение сначала со стороны итальянцев, это имя скоро было усвоено себе и германцами, вошедшими в состав восточной половины франкской монархии. Оттон Великий уже в официальных документах называл себя *rex teutonicorū*, т. е. король немцев. Это было в конце X в. Несколько позднее тевтонская империя

получила имя Германии; в XI в. это слово употреблялось еще в смысле более географическом, чем национальном или политическом; им хотели обозначить страну, а не народ или государство; иногда же оно применялось только к древнефранкской области, центром которой был Франкфурт-на-Майне, — для того чтобы отличить ее от владений других племен. Но с течением времени старое название франков было забыто, и слово Германия получило одинаковое значение с именем тевтонов. *Regnum teutonicum* и *regnum Germaniae* стали употребляться безразлично для обозначения одного и того же государства подобно тому, как и слова «германец» или «тевонец» безразлично применялись к каждому, принадлежавшему к этому государству и говорившему его языком.

В противоположность этой восточной половине франкского государства, занятой однородным населением и скоро составившей из себя одну германскую народность, западная его половина, из которой с течением времени возникла современная Франция, представляла собой сложное разнообразие. Не принимая в расчет множества местных, областных оттенков, романское население этой половины ко времени Вердунского договора образовывало из себя две заметно отличавшиеся между собой группы: одна группа занимала южную половину страны, другая — северную. На юге римский элемент был чрезвычайно силен; поселившиеся там вестготы и бургунды из всех германских племен были наиболее доступны римскому влиянию и скоро подчинились окружающей их среде: франки здесь были очень немногочисленны. При таких условиях на юге Галлии скоро произошло смешение германцев с галло-римлянами и образовалось среднее романское народонаселение *с преобладающим римским оттенком*. Оно сохранило некоторый наружный лоск римской цивилизации, некоторые предания прежней эпохи и отличалось, особенно по городам, более утонченными формами общежития, чем северная половина Галлии. В северной половине римский элемент уже с самого начала был слабее; франкские завоева-

тели поселились здесь в значительном количестве, и число их постоянно возрастало вследствие новых наплывов. К тому же по особенностям своего племенного характера франки менее, чем бургунды и вестготы, были доступны римскому влиянию. В то время как в законодательстве бургундов и вестготов римлянин всюду занимает одинаковое положение с германцем, в салических законах франков римлянин в отношении к вергельду, т. е. вознаграждению за преступление, ценился всегда вдвое менее, чем франк. Франки сами воздействовали на галло-римское население, передали ему особенности своего характера и вдохнули в него свежие силы своей неиспорченной римским гнетом природы. И в северной половине точно так же произошло смешение пришлых завоевателей с коренными жителями и образовалось среднее романское население, но уже *с преобладающим германским отпечатком*. Это народонаселение отличалось более грубыми формами жизни и более воинственными обычаями, чем у южных жителей. — Различаясь характером и нравами, эти две группы романского населения в Галлии разнились и в отношении к языку: южная половина была страной так называемого языка d'ос, откуда и самая область получила название Лангедока; северная же половина говорила языком d'oil. Язык d'oil — это позднейшее французское наречие, язык d'ос — провансальское. В конце IX и начале X в. к этим двум этнографическим элементам Галлии присоединилась еще новая стихия в лице норманнов, жителей скандинавского севера, занявших северный уголок Галлии, уступленный им Карлом Простым и получивший имя Нормандии. Норманны с удивительной скоростью подчинились романскому влиянию, переняли язык, обычаи и учреждения страны, в которой поселились, и так быстро слились с романским населением, что к середине XI в. почти ничем не отличались от него. Таковы были три главнейшие этнографические группы, составившиеся в Галлии к XI в. Собственно же французская народность образовалась на севере, в центре северной части западной

половины франкского государства, в Иль-де-Франсе. Пока существовали Каролинги, вся западная часть бывшей монархии Карла называлась или западным королевством франков, или Каролингией, по имени ее правителей. Границы Каролингии в IX и X вв. постоянно менялись, и король обладал здесь очень слабой властью над развившимися мелкими государствами. На севере самым важным из этих государств было герцогство Иль-де-Франское, имевшее своим центром Париж и присвоившее себе имя Франции западной. В продолжение столетия, следовавшего за низложением Карла Толстого, корона западного королевства часто переходила от государей дома Карла Великого к герцогам Иль-де-Франским или Французским, так что титул короля западных франков совпадал с титулом герцога Франции. С прекращением же Каролингского рода в этой половине франкского государства, когда королем его был избран Гуго Капет, герцог Иль-де-Франский, королевство и герцогство Французское больше уже не разделялись, и потому именем Франция, относившимся ранее к герцогству, теперь стали обозначать владения короля. По мере того как короли захватывали под свою власть области соседей, и значение слова «Франция» расширялось, пока, наконец, в XIII в., после Альбигойских войн и присоединения к французской короне провансальского юга оно не стало обозначать всей современной Франции. Таким образом, французская народность составила из весьма различных элементов: кельты, римляне, вестготы, бургунды, франки, норманны — каждое из этих племен внесло свою долю в ее образование, и если смотреть на нее с какой-нибудь специальной точки зрения, то можно назвать ее по имени любого из этих элементов. По крови эта народность главным образом кельтская, но с прибавкой римской и тевтонской крови; язык ее латинский, но с большей примесью тевтонских слов, чем это кажется на первый взгляд. Политическая ее история есть история германского королевства, видоизмененная, однако, перенесением германской королевской власти в среду говорящего по-латы-

ни населения первоначально кельтской страны. Все эти элементы слились в одно целое, но не исчезли, и в отдельных местностях следы их видны ясно и теперь. В Бретани и до наших дней сохранился кельтический характер, язык и обычаи, точно так же осталось и различие в характере и языке между северянами и южанами Франции.

От народностей, образовавшихся в *центре* Европы после распада монархии Карла Великого, перехожу к третьей группе, выделенной в самостоятельную область по Вердунскому разделу, т. е. к Италии и к итальянской народности. В то беспорядочное время, которое в истории именуется эпохой Великого переселения народов, ни одна страна не выдержала стольких нашествий варваров, не видела у себя такого разнообразия новых племен, как Италия. Вместе с Вечным городом она служила самым лакомым куском, привлекавшим к себе варварские аппетиты: вестготы, вандалы, гунны и толпы других племен перебивали здесь последовательно, одно за другим, как бы для того, чтобы наgrabить добычи, повидать Рим и затем вновь возвратиться за Альпы. Конечно, ни одно из этих нашествий не проходило бесследно для состояния Италии тогдашнего времени, но каких-либо существенных осязательных последствий для дальнейшей ее истории они не оставили; для этого они были слишком бурны и кратковременны. Таких последствий не имело и более чем полувековое господство готов в Италии; малочисленное, отличавшееся от покоренного населения религией, языком и нравами племя готов, несмотря на таланты и усилия своего вождя Теодориха, никогда не могло привлечь к себе симпатий покоренных и сгладить пропасть, разделяющую их от жителей Италии: готы были истреблены последними при помощи византийских войск, и их владычество в истории образования итальянской народности прошло мимолетным эпизодом. Во второй половине VII в. Италия еще раз подпала завоеванию нового германского племени лангобардов. Обрисованные в известиях современников как племя с несокрушимым мужеством и дикой свирепостью, лангобарды,

покорив северную Италию, оказались беспощадными в отношении к коренному ее населению, которое рассматривалось лангобардами только как военная добыча. Оно потеряло все свои политические права, его личная свобода уменьшилась и имущество было или захвачено варварами, или оставлено у прежних владельцев под условием уплаты победителям третьей части. Замечательно, что в противоположность прочим германским племенам лангобарды приносили с собой решительную исключительность ко всякому другому праву, кроме своего собственного. С их прибытием римское право потеряло в Италии публичное значение, и римляне, лишенные возможности занимать какие-либо государственные должности, вынуждены были подчиниться и лангобардским повелителям, и лангобардскому праву. Это обстоятельство имело, однако, и свою хорошую сторону, а именно: оно сделало невозможным такое разделение между римлянами и лангобардами, какое имело место в государстве готов. Насильственно введенные в состав лангобардского государства, римляне по необходимости жили под одними с варварами законами, пользовались одинаковыми учреждениями, повиновались одним и тем же правителям и постепенно сближались с ними. Когда же лангобарды, исповедовавшие сначала арианство, приняли католическую веру, сближение пошло быстрыми и решительными шагами. Оно совершалось здесь так же, как и в других римских провинциях, завоеванных варварами. Грубые завоеватели подчинились культуре завоеванных, заимствовали от них язык, веру, науку, искусство и некоторые учреждения и слились с ними в одну романскую нацию, которая по своим политическим формам напоминала о своем германском происхождении, но которая по языку и начаткам культуры ясно говорила о родстве с Римом. В этой нации непобедимая лангобардская энергия соединилась с тонко развитым римским смыслом и скоро дала свой плод в блестящем расцвете городской жизни. При содействии богатств, собранных торговлей отовсюду, итальянские города сделались

убежищем для наук и искусства, школой изящных манер и утонченных форм общежития, приютом свободы мысли и поступков и превратили итальянца — этого потомка сурового римлянина и свирепого лангобарда — в существо изнеженное, непостоянное, с склонностью к чувственным удовольствиям и лести, но в то же время одаренное тонкой способностью художественного чутья и поэзии.

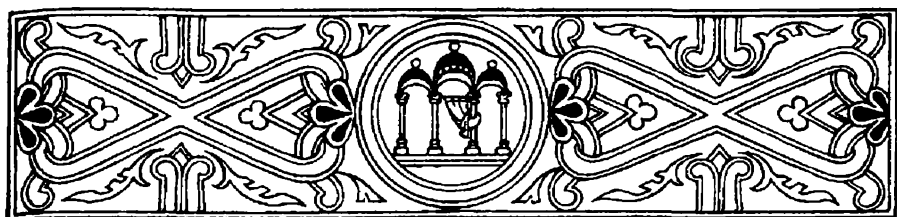
Таким образом, после распада Империи Карла Великого, т. е. к концу X и началу XI в., на континенте Западной Европы вместо варварских государств мы имеем уже ясно выразившиеся три новые национальности: одна из них — германская — явилась следствием объединения варварских племен, сохранивших в чистоте свой начальный племенной тип, свой язык и учреждения и оставшихся чуждыми глубокому воздействию Рима и его культуры. Две же остальных — французская и итальянская национальности — возникли из смешения варваров с покоренным римским населением, у которого они заимствовали язык, нравы и культуру и, в отличие от зарейнской Германии, составили собой романский мир, одну семью романской народности.

Несколько позднее к этой семье романских народов присоединилась еще третья национальность — испанская. Она возникла и образовалась тем же самым процессом, какой совершался в Галлии и Италии. Подобно Галлии, Испания ко времени переселения народов была вполне римской страной, усвоила себе римские нравы и учреждения, обладала школами, не уступавшими в деле просвещения знаменитым школам Греции и Рима, и часто оказывала воздействие на сам Рим, выделяя ему из своей среды таких писателей, как, например, оба Сенеки и Квинтиллиан, и таких императоров, как Траян или Феодосий Великий. Когда германские племена вандалов и вестготов перешли Пиренейский хребет, они встретили за ним уже вполне римское население. Впрочем, прибытие вандалов в Испанию не имело существенного значения для образова-

ния испанской народности; и как королевство, и как нация вандалы не оставили здесь прочных следов, если не считать одной области, а именно Андалусии, где они пробыли довольно долго и которая, очевидно, от этого племени получила и свое наименование. Испанская национальность сложилась из смешения древнейшего населения этого полуострова, принадлежавшего к племени кельтиберов (или кельтиберов), с вестготами. Вестготы медленно сжились с покоренным населением; это было племя, фанатически преданное арианскому исповеданию и стремившееся всеми мерами дать ему преобладание. Лица духовного сана уже с самого начала занимали у вестготов высокое положение, так что король вестготов избирался собранием не только светских, но и духовных вельмож. Когда же в конце VI в. короли вестготов приняли православие и открыли путь к свободному сближению победителей с покоренными, они предоставили такие широкие права духовенству, что последнее стало сильнее короля и вестготской аристократии и получило преобладающее влияние на государственную жизнь и понятия народа. Вновь возникавшая национальность поставлена была, таким образом, под опеку фанатически настроенного католического духовенства и воспитывалась в крайнем направлении внешнего благочестия и суеверий. Этому способствовало в VIII в. то обстоятельство, что Испания подпала власти арабов-магометан; задержав развитие испанской народности, арабское владычество вместе с тем наложило на нее тот облик, с каким она выступает в течение Средних веков и Нового времени. В постоянной борьбе с мусульманами, борьбе, естественно принявшей религиозный характер, эта нация развила до последних пределов ту узкую религиозность, какая была вложена в нее на первых шагах ее исторического существования, и явилась источником всех тех ужасов, которые расходились отсюда по всей Европе. Здесь, в Испании, впервые появился тот известный сборник декретарий, опираясь на который папы требовали себе полного господства над действиями

и совестью людей; здесь же свила свое гнездо инквизиция с ее беспощадным преследованием всякой новой мысли и такими торжественными аутодафе, каких не видала никакая другая страна Европы; отсюда же вышел и Игнатий Лойола, основатель Иезуитского ордена — этой опоры папского абсолютизма и религиозной нетерпимости.

Феодализм

Определение понятия. — Различные теории по вопросу о происхождении феодальной системы и их разбор. — Процесс постепенного развития феодализма: образование бенефициальной собственности и социальное значение этого явления.

Обращаюсь к изучению второго важнейшего последствия распада Империи Карла Великого — так называемого феодализма.

Под именем феодализма понимается тот своеобразный порядок политического, социального и экономического строя, который установился в Западной Европе с распадом монархии Карла Великого и прекращением Каролингской династии и который оставался господствующим до XIV в. На протяжении XI, XII и XIII вв., т. е. в продолжение той эпохи, которой в исторической науке и усвоится название Средневековья, феодализм представлял собой столь характерное явление, что многие ученые, и не без основания, всю историю западно-европейского общества за указанный период сводят к развитию и разрушению феодальной системы быта. Такое значение феодализма в истории Средних веков объясняется из того, что этой формой политического и общественного быта обнималась не одна какая-либо сторона жизни западных народов, но все ее стороны без исключения; все ее проявления входили в феодальную систему, занимали определенное место и развивались под влиянием установленного ими по-

* Впервые опубликовано в журнале «Богословский Вестник». 1910. Т. III. № 9. С. 32–44; № 10. С. 203–245.

рядка вещей. Даже те элементы средневековой жизни, как, например, католицизм или королевская власть, которые по своему существу стояли в полной противоположности с феодальными началами, были поглощены феодализмом, приняли чуждую, не свойственную им окраску и только путем долгой и упорной борьбы освободились от его господства. Таким образом, феодализм явился первой всеобъемлющей формой жизни для Западной Европы; в своей тонко развитой иерархии он соединил все западно-европейское общество, начиная от короля и кончая последним сервом или крепостным, положение которого мало чем отличалось от положения раба в Риме, и сосредоточил в своей области все общественные, экономические, политические и даже церковные отношения.

Другая важная для историка сторона феодализма заключается в том, что, будучи для Средних веков явлением общеевропейским и всеобъемлющим, он вместе с тем послужил исходным пунктом всех политических систем современного Запада. Те контрасты, какие наблюдаются в настоящее время в строе политических учреждений западно-европейских стран и которые бросаются в глаза при сравнении их административного устройства, судебных форм и сословных отношений, — все эти противоположности свои корни имеют в особенностях феодального строя и свое объяснение находят в отличительных чертах, сопровождавших процесс разрушения феодализма в той или другой стране. Конституционная Англия, сумевшая удивительным образом согласовать с прочными государственными порядками свободу отдельной личности, великие абсолютные монархии XVII в., союз германских княжеств и герцогств, в наше время выступающий под именем объединенной Германской империи, даже французская революция XVIII в. — все это ведет свое начало из отдаленной глубины средневековой феодальной системы и без отношений к ней не может быть правильно и всесторонне понято. Новая Европа возросла на почве, подготовленной феодализмом, а в некоторых странах феодальные порядки и феодальные идеи еще и донныне составляют живую силу общества.

Что же такое называется феодализмом?

Несмотря на все значение феодализма в истории Западной Европы, несмотря даже на внушительное количество солидных ученых трудов, посвященных исследованию этого своеобразного явления, еще до сих пор не сформулировано такого точного определения, которое в нескольких выражениях обнимало бы все его существо. Западно-европейская феодальная система была явлением весьма сложным, захватывающим различные сферы жизни, но в то же время явлением и слишком подвижным, слишком изменчивым, принимавшим разнородные оттенки в различных пунктах западного пространства, чтобы можно было дать ему какое-либо исчерпывающее определение. Именем феодализма одновременно обозначается и государственное право Средних веков, т. е. вся система средневекового государственного устройства, и особенная система поземельных отношений и, наконец, особенная система частных прав. Обыкновенно ученые, занимавшиеся феодализмом, довольствовались общим представлением о нем или перечислением в отдельности каждого из тех признаков, которые отличают его от современного строя жизни. Господствующим воззрением на феодализм, к которому примыкает большинство исследователей, и теперь остается то, какое высказал Гизо в «Истории цивилизации Франции». Гизо видел сущность феодализации в следующих трех фактах: 1) в замене полной собственности условной, 2) в соединении верховной власти с землевладением и 3) установлении особой вассальной иерархии между государями и помещиками. Если исключить последний признак, так как он предполагается первыми двумя, то, короче, феодализм можно будет свести: а) к дроблению идеи собственности и б) к дроблению идеи верховной власти. Особенный характер феодальной собственности состоял в том, что, несмотря на ее действительность, полноту и наследственность, она считалась принадлежащей не тому лицу, которое владело ею, а другому, от которого она получалась во владение под

условием различных обязательств. В феодальном строе поземельных отношений современный собственник как бы распадался на две половины, так что участок земли оказывался принадлежащим одновременно двум лицам, из которых одно было юридическим собственником, а другое фактически пользовалось им, исполняя определенные обязательства в отношении к первому. В этом и заключается различие между т. н. *dominium directum* и *dominium utile*, характеризующее собой социально-экономическую сторону феодализма. Ближайшим и прямым следствием совершившегося в феодализме перехода полной собственности в условную и явилось разделение средневекового общества на два класса: на класс помещиков-господ, владевших обширными землями и раздававших их в пользование другим лицам под условием известного рода обязательств, и на класс зависимых от них условных владельцев, обремененных различными податями на благо первых. Это различие между двумя классами феодального общества стало полнее и глубже после того, как с распадением монархии Карла Великого феодальные помещики захватили в свои руки верховные права и каждый сеньор сделался в своем поместье полновластным государем. Политическое значение феодализма и состоит в том, что в нем верховная власть слилась с земельной собственностью, прикреплена была к земле, так что тот, кто получал в свое владение землю, приобретал вместе с тем над ее жителями все те права, которые в наше время принадлежат верховной власти, правительству или государству. В феодализме государство *локализовалось*, распалось на множество отдельных организмов — поместий, из которых каждое могло бы быть названо самостоятельным государством. Когда совершился этот переход социального феодализма в политический, прежнее разделение общества на землевладельцев и подневольных землевладельцев превратилось в разделение общества на господ и подданных, и частно-правовые отношения получили государственный характер.

Спрашивается, каким же образом мог возникнуть этот странный порядок общественного и государственного строя и где лежат его причины?

Такое сложное и разностороннее явление, как феодализм, широко раскинувшийся не только в пространстве, но и во времени, не могло образоваться сразу, в какой-либо один исторический момент: оно необходимо предполагает для себя продолжительную эпоху, и процесс его образования действительно наполняет собой целый период истории. Местом, где ранее и полнее развился феодальный строй, служила Галлия или современная Франция; отсюда уже феодализм перешел в Англию; несколько позднее утвердился он и в Германии. В Галлии феодализм достиг полного господства и законченного развития еще в X в., вместе с падением королевской династии; в истории Галлии образованием феодализма обозначается, таким образом, конец переходной эпохи — эпохи столкновения и борьбы германских и римских элементов. Отсюда и при решении вопроса о причинах феодализации возможны три различных ответа: 1) феодализм подготовлен был еще учреждениями Римской империи (*романская теория*), 2) он был привнесен сюда и создан деятельностью германского племени (*германская теория*), 3) его можно рассматривать как результат особенных условий переходной эпохи, независимо от того или другого племенного начала (*теория сравнительно-исторической школы*). Если просмотреть труды главнейших представителей историографии XIX в., занимавшихся вопросом о происхождении феодализма, то нетрудно будет заметить, что, несмотря на частные, своеобразные оттенки, все высказанные исследователями мнения по этому вопросу сводятся к трем указанным категориям. Романская гипотеза для объяснения феодализма налагает на значение в средневековой Европе римского элемента; наибольшее число представителей она имеет в романских странах, в Италии и преимущественно во Франции. В исторических исследованиях романских историков вообще заметна

тенденция к умалению роли германских народов в истории или к представлению их деятельности в невыгодном для них свете. Некоторые из французских историков, как, например, Перресье, готовы видеть в Средних веках одно лишь продолжение римской истории, а потому и естественно, что в феодализме они видят факт, в своих основных чертах доставшийся в наследие новой Европе после Рима. Наилучшее и сравнительно умеренное выражение о подготовке феодализма в Римской империи получило у новейшего французского историка — Фюстель-де-Куланжа. Отдельные наблюдения за устройством поземельных отношений в Римской империи, над положением и стремлениями отдельных сословий складываются у него в общую картину возвышения аристократии, с которой уже считается государство, которая мало-помалу подчиняет себе остальное население и иногда получает даже антигосударственное значение. Фюстель-де-Куланж не слишком налегает на отдельные подробности, не старается доказать, что в Римской империи были уже феодальные бароны; он оставляет широкое поле и для деятельности германского элемента, но общее впечатление от его гипотезы то, что этот элемент должен был пополнить рамки, поставленные еще в римскую эпоху. Этот общий результат совершенно отделяет Фюстель-де-Куланжа и других романистов от представителей германской школы, с которой они нередко сходятся в частностях.

Самое распространенное объяснение феодализации рассматривает ее как процесс развития германских начал, стоящих в связи с племенными свойствами германцев или принятых Западной Европой вследствие завоевания. Научное обоснование этот взгляд впервые получил у Монтескье; затем на его сторону встали такие солидные ученые силы, как Эйххорн, Савиньи, Вайтц, Рот и др. В изложении процесса феодализации германская школа выдвигает на первый план преобладание среди древних германцев центробежных сил, присущее германской расе стремление к индивидуализ-

му и индивидуализации; в частности же, германисты источник феодализма видят в дружинах, собиравшихся около членов знатных аристократических родов, и ход феодализации строят следующим образом. В своих постоянных войнах и междоусобицах меровингские короли должны были опираться не на все население, а на привязанных к ним личной верностью дружинников; в вознаграждение за эту личную верность дружинников короли отдавали им земли во владение под условием сохранения им верности и уступали им значительную долю влияния на дела. Так образовалась аристократия, стоявшая к королю в особых отношениях и владевшая условной собственностью; благодаря стечению особых обстоятельств эта аристократия захватила в свое пользование права, свойственные королевской власти, и таким образом возникло феодальное государство, где каждый помещик-аристократ был в некотором смысле самостоятельным королем.

Нет надобности входить в подробный критический обзор взглядов той или другой школы на происхождение феодализма, чтобы видеть недостаточность и односторонность их теорий. Уже одно сопоставление работ романистов и германистов с наглядной ясностью дает возможность видеть то, что внутренней подкладкой их учения являются сознательные или бессознательные симпатии их представителей к романской или германской расе, а там, где влияют национальные чувства, *a priori* можно предполагать, что дело ведется не совсем чисто. Главный же научный недостаток, свойственный той и другой школам, состоит в непрочности их методических приемов. Историки обеих категорий собирают факты, толкуют и группируют их, но при этом каждой категории присущи способы, особенно ее отличающие и содействующие тому, что задача решается именно в том, а не другом направлении. Романская школа, стремясь установить свое учение, постоянно прибегает к следующему аргументу: та или другая черта свойственна феодализму, сродную черту мы находим в римском обществе IV и V вв.;

следовательно, первая развилась из второй. Ясно для всякого, между прочим, и для романистов, что сходство здесь играет чрезвычайно важную роль. Если бы дело шло даже о сходстве общем, о сходстве в характере учреждений и быта, то и тогда недостаточно было бы его одного, чтобы говорить о связи и зависимости одной формы от другой; тем более его недостаточно в том случае, когда имеются в виду не общие факты, а их частные характеристические черты. Например, можно легко указать некоторое сходство между отношением римского поссессора (помещика) к колону в римском обществе, с одной стороны, и отношением сеньора к виллану — с другой, но это сходство, касающееся только немногих сторон, еще ни о чем не говорит. Даже самое разительное сходство между какими-либо порядками IV и X вв. не ручается за происхождение позднейшего факта из более раннего; чтобы доказать последнее, необходимо проследить преемственность между двумя фактами или постепенное развитие второго из первого. Этого-то и не могут сделать романисты, ограничивающиеся только ссылками на общие признаки сходства. Более удовлетворяет научным требованиям школа германистов. Она не только указывает на вероятные зародыши в древнегерманских учреждениях, но следит за постепенным развитием этих зародышей, насколько позволяют это источники. Однако и против этой школы, помимо национальных ее тенденций, можно выставить следующие два возражения: во-первых, она верит в то, что нацией управляет известный, врожденный ей принцип, и важнейшие факты германской истории старается поставить в связи с принципом индивидуализации. Без сомнения, народный характер играет важную роль в истории и в значительной степени определяет ее, но можно ли народный характер сводить к такой общей категории, как индивидуализация, да и не слагается ли народный характер под влиянием тех же исторических событий, которые, по учению германистов, должны объясняться через него? Во-вторых, если феодализация была результатом племенных осо-

бенностей одних только германцев, то каким образом она могла развиться не только в Германии и Англии, но во Франции и Италии, т. е. в странах, где исконные свойства германского духа не могли найти широкого применения, где они если не совсем были подавлены, то сгладились под влиянием иноплеменных элементов? Не ясно ли отсюда, что феодализм имел для себя причины общеисторические, а не племенные?

Так и смотрит на феодализм третья школа историков, руководствующихся сравнительным методом, которую поэтому и можно назвать школой сравнительного изучения феодализма. По воззрениям этой школы, феодализм не есть продукт каких-либо племенных свойств и особенностей — германской или романской расы; он не есть также продукт местных исторических причин: он есть целый фазис развития, необходимая форма перехода от общинного устройства к преобладанию в обществе личного принципа. Характерные черты этого взгляда можно находить еще у Маурера в его «Введении к истории общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти». Сам Маурер, впрочем, держался почвы чисто германских отношений, но, придавая главное значение фактам земледелия, группируя вопрос о феодализации около сельской общины (марки), он указал путь к сравнительному изучению, по которому скоро и пошли за пределами Германии. Так, например, Мэн утверждал, что сельская община и ее разложение не составляет какой-либо особенности германской истории; явления эти встречаются и у других народов арийской семьи — у кельтов, индусов и славян, — в истории которых даны процессы, аналогичные с западно-европейским феодализмом. Идеи сравнительной школы вскоре были подхвачены историками различных наций, и вот послышались речи о византийском феодализме, о феодализме в мусульманском мире и пр.; даже в истории острова Явы, в Мексике и Перу представители сравнительного метода находят столь аналогичные явления, что считают возможным говорить

о феодализме в этих местностях. Не буду останавливаться на подробном разборе учения и этой школы, потому что это потребовало бы обращения к слишком специальным данным; к тому же упомянутая школа имеет в виду феодализм вообще, а не феодализм западно-европейский, которым мы должны заняться, но, мне кажется, из данных, собранных историками сравнительного изучения, можно извлечь то несомненное заключение, что феодализм не есть явление ни специально германское, ни исключительно романское; в объяснениях тех или других частных *западно-европейского* феодализма, конечно, необходимо искать прецедентов в романском или германском мире, но в главном и общем феодализм есть явление, коренящееся по своим причинам *в особых условиях переходной эпохи*. С этой точки зрения я и раскрою историю феодализма на Западе.

I. Основные и первые элементы для феодальной системы положены были переселением германцев и развились до стройных отношений в эпоху Меровингов и Каролингов. Мы уже знаем, что первоначально политическое устройство германцев до вторжения их в пределы Римской империи было чрезвычайно просто, как обыкновенно бывает у варварских первобытных народов. У германцев не существовало ни политического единства, ни больших и сложных государственных организмов. Они вели чисто общинную жизнь: волость (*gau, pagus*), состоявшаяся из нескольких малых общин или, чаще всего, представлявшая одну большую общину, служила основой всего их политического быта, являлась, так сказать, элементарной единицей их политического строя. Все люди жили соседями на общей земле (марка), окруженной со всех сторон лесом или какой-нибудь другой природной границей. Земля делилась на две части; одна содержала в себе усадьбы и участки отдельных членов общества, в другой заключались общие выгоны, луга и леса. То, что не было в частном владении, то принадлежало всем, всей общине. Община же и волостное собрание представляли

собой и верховную власть, исполнительная же власть и председательство на суде поручались особым старшинам, *gaugtafen*, которые пожизненно назначались волостным собранием. На время войны для начальства над народным ополчением нарочито избирались военные предводители, или — герцоги. Только у немногих германских племен существовала наследственная королевская и княжеская власть, но и она не вносила дисгармонии в демократический характер политической жизни германцев.

Это простое, первобытное устройство древних германцев совершенно изменилось, когда германские племена переселились в римские пределы и сделались владетелями различных римских областей. Обыкновенно германские завоеватели, поселяясь в римских областях, прибегали к более или менее правильному дележу земель между собой и туземцами, брали себе две трети или одну треть не всей вообще земли, но только тех ее частей, которые ими были заняты. Об остготах, вестготах и вандалах это известно положительно; нет подобных известий о франках, и нет их, вероятно, потому, что к правильному дележу занятых земель франки и не приступали. Так как переселение франков происходило в разные времена и при различных условиях, то и не могло быть одной общей системы в землевладении и распределении земель между завоевателями. За исключением северо-восточной Галлии, с населением которой франки поступили беспощадно, в остальных местах они в большинстве случаев занимали прежние государственные земли, домены римских императоров или никому не принадлежащие, покинутые владельцами пространства, которых очень много скопилось в Галлии вследствие постоянных войн, грабежей и нападений варваров. Они не имели даже надобности отнимать обширные владения знатных римлян, так называемые латифундии, принадлежавшие сенаторским фамилиям и имевшие множество колонов. Эти *romanæ possessores* сохранили свои права и постоянно упоминаются в современных источниках и законах. На новых землях германцы

не сохраняют прежнего общинного строя, о котором у них исчезают всякие предания; свободные люди, некогда связанные общинной собственностью, они теперь рассеялись по всей стране и по жребию или по праву первого захвата сделались владельцами поземельных участков, которые поступили в их полную, независимую и наследственную собственность. Так как жребий на древне-немецком языке назывался *Lod* или *Allod*, то и эти участки получили имя аллодов, положив начало аллодиальной собственности, собственности в подлинном смысле слова, т. е. чистой свободной собственности, которую владелец может отчуждать, делить, передавать по наследству — словом, распоряжаться по своему усмотрению. Как ни велико было число франков, завоевавших Галлию, все-таки сумма всех этих участков, выпавших на долю свободных людей, составляла сравнительно небольшую часть всего пространства завоеванной страны. За исключением этих аллодиальных участков, оставалось еще огромное пространство земли, не поступившей в раздел между свободными франками. Возникает вопрос: кому же достались эти пространства завоеванной земли, не вошедшей в состав частной собственности? По древним германским законам, они должны были принадлежать общине, но так как общинное устройство по переселении пало и с исчезновением мелких союзов остался только один большой племенной союз, который выражался в короле как главе племени, то и все те земли, которые не подвергались разделению, должны были принадлежать королю как представителю племенного единства. Это обстоятельство совершенно изменило значение королевской власти. С одной стороны, масса земли, поступившая во владения короля, не могла иметь для него характера простой обыкновенной собственности, каким был некогда в Германии принадлежащий ему участок. Он мог прежде заниматься и действительно занимался обработкой своего участка, как и всякий другой частный владелец. Теперь же вследствие обширности королевских земель личное хозяйство уступает место

казенному, и король является не только собственником этих земель, но и государем, обладающим верховной властью над их жителями. С другой стороны, вследствие исчезновения общины, в которой ранее сосредоточивалась власть над свободным германцем, эти последние должны были встать в такое же отношение к королю, в каком ранее они стояли к общине. Свободные люди сделались подданными короля, подчинились его верховной власти и обязались нести общие государственные повинности, которые на первых порах ограничивались обязанностью по призыву короля участвовать в народном ополчении, вооружаться за свой счет и обыкновением делать подарки королю в известные времена.

Это новое положение короля скоро сделалось источником новых явлений в земельном строе франков, поселившихся в Галлии. Припомним, что после смерти Хлодвига, доставившего франкам господство почти над всей Галлией, его молодая монархия разделилась между сыновьями и внуками и что следствием этих делажей явились постоянные семейные распри и войны меровингских королей. Так как это были частные, а не народные войны, потому что они касались лично королей, а не общих интересов всего племени и государства, то и Меровинги не могли вести их посредством народного ополчения, состоявшего из всех свободных людей. Свободный человек обязан был королю военной службой только в случаях внешней войны, когда нужно защищать страну от нападения внешних врагов, но он вовсе не обязан был следовать за королем против его братьев и родственников. Вследствие этого для короля возникла потребность в постоянной, так сказать, домашней, лично принадлежащей ему силе, которой он мог бы пользоваться всегда и по своему личному усмотрению. Достигнуть этого можно было только за плату и за вознаграждение. По естественному порядку вещей, это вознаграждение в то время могло состоять только в дарственных земельных участках. В ту эпоху чрезвычайно мало денег и драгоценностей пускалось в обращение; деньги и драгоцен-

ности тогда скоплялись в немногих частных руках и скрывались в виде сокровища. К тому же главное богатство короля состояло не столько в денежных капиталах, сколько в массе поземельной собственности, и притом постоянно увеличивавшейся вследствие конфискаций, новых завоеваний и поступлений в казну выморочных имуществ. Естественно, королю пришлось обратиться к этому именно источнику и из него вознаграждать людей, добровольно поступивших к нему на военную службу. Действительно, очень рано возникает обычай, что военные люди, лично служащие королю, получают от него вместо жалованья земельные участки во временное или пожизненное пользование. Получающий такую землю вступал к королю в отношение особенной личной зависимости, приносил ему особую присягу в верности, отличную от общей присяги в подданстве, и обязывался следовать всякому призыву короля, служить на войне или исполнять разные обязательства при дворе. *Политический союз подданства верховной власти* заменялся здесь личным, *частным союзом*, имеющим характер *договора* или контракта. Получивший в подобное пользование земельный участок сохраняет его до тех пор, пока остается верен королю; в случае измены, неповиновения, неисполнения присяги король мог отнять эту землю и передать другому. Так как получающий участок под условием личных обстоятельств мог ручаться в выполнении их только лично для себя, то понятно, что со смертью его прекращалась эта личная связь и участок возвращался к королю, хотя этот последний мог оставить участок и родственникам после умершего. Если умирал прежде король, то владелец такого участка должен был искать утверждения нового короля в праве на это владение, и новый король имел полную власть не признать договора своего предшественника. Такие земли, выделенные королем из своих владений и отданные в пожизненное пользование другому с обязательством военной или придворной службы, назывались *бенефициями*.

I. Образование бенефициальной собственности и социальное значение этого явления. — Иммунитет, наследственность бенефиций и должностей. — Политический строй феодализма. II. Характеристика внутренней стороны феодализма. — Сеньория как основная форма феодального строя. — Правовое положение сеньора; замки как его внешний знак. — Сервы или вилланы; их обязанности в отношении к сеньору и постепенное улучшение их положения. III. Личная и семейная жизнь феодала; способы войны и вооружения; грубость нравов; возвышение женщины. IV. Объединяющие элементы в феодализме; ленная и вассальная связь. — Обязанности вассала в отношении к сеньору: *fidutia*, *justitia* и *servitium*; постановка суда в феодальную эпоху.

Таким образом, рядом с аллодиальной формой владения у франков очень рано возникает и новая форма владения, *бенефициальная*, существенным образом отличающаяся от первой. Первоначально бенефиции не были распространенной формой владения, но потом, благодаря целому ряду причин, они получили преобладающее значение и вытеснили собой аллоды. И прежде всего, меровингские и каролингские короли всю свою жизнь проводили во взаимных войнах и междоусобиях, постоянно нуждались в частной войске и потому вынуждены были раздавать все более и более бенефиций. Число бенефициантов при таком условии должно было ежегодно возрастать, и в то время как аллоидальная собственность, переходя из рук в руки по наследству, дробилась и обращалась в ничтожные участки, бенефициальные владения, которые по самой своей природе и по лежавшим на них личным обязательствам не могли быть делимы и отчуждаемы, представляли большие, твердые и неподвижные массы. Но королевские бенефиции не были единственной и исключительной формой бенефициального владения. По примеру короля значительные землевладельцы стали также выделять из своих земель участки и раздавать их в виде бенефиций

свободным людям, добровольно к ним поступавшим на службу. Знатные люди имели обыкновение содержать при себе многочисленную свиту и прислугу, исполнявшую разные домашние обязанности и известную под именем министриалов. Так как служить знатному человеку не считалось унижительным, то в число министриалов поступали и свободные люди, получавшие за это вознаграждение в виде бенефиции. Иногда знатные владельцы давали бенефиции и людям несвободного состояния, так как на первых порах на этот счет не существовало каких-либо узаконений. Бенефициант частного человека вступал к нему в такое же отношение, в каком королевский бенефициант находился к королю: приносил своему господину или сеньору присягу в верности (*fidelitas*), обязывался защищать его, являться к нему по первому призыву или принимать на себя разные обязанности в его доме и оставаться в числе его приближенных. Бенефициальная форма поземельных владений, таким образом, более и более распространялась. Начало ей было положено сверху, от короля и его ближайших сотрудников, но параллельно королевским бенефициям шло и движение снизу, как бы вторившее первому и состоявшее прямо в уничтожении аллодов. Это движение возникало вследствие господствовавшего в то время *обычая коммэндации или рекомендации*.

В первобытном состоянии общества, когда не существует еще твердого порядка, который ограждал бы личную безопасность и неприкосновенность частного имущества, единственный оплот такой безопасности для менее сильных заключается в покровительстве и опеке более сильных. Всякий человек, не рассчитывающий на свои собственные силы, ищет себе могущественного покровителя, который может защитить его против насилия лучше и деятельнее, чем отдаленная и зачастую бессильная государственная власть. В первые и самые смутные времена общегерманского периода, в эпоху преобладания грубой физической силы и личного произвола, эта защита была более необходима, чем когда-либо, и она

обозначалась у германцев словом *mundium*. Это слово, которое сохранилось в теперешнем *Vormund*, «опекун», *Vormundschaft*, «опека», буквально не может быть переведено на новые языки, потому что исчезло само понятие, выражаемое этим словом. В древнейшее же время оно обозначало собой право и вместе обязанность главы семейства защищать и охранять всех его членов, покровительствовать им везде и в особенности представлять их перед судом. Мундиум в этом смысле есть, так сказать, сумма семейного права. Вследствие дальнейшего развития этого понятия глава рода и поземельный владделец имел у германцев мундиум над целым родом и над всеми людьми, находящимися у него в услужении и живущими на его земле. Мундиум как власть своего рода вел за собой необходимо некоторое послушание, *obsequium* со стороны лиц, состоящих в опеке. Тот, кто имел мундиум, пользовался некоторыми особыми правами: так, он получал *Wehrgeld*, или денежное вознаграждение, *виру* за убийство, увечье и оскорбление лица, состоявшего под его покровительством; он получал известную сумму, *pretium*, в случае выхода замуж девицы, находившейся под его опекой; он мог наследовать имущество подчиненных ему лиц при отсутствии прямых наследников и пользоваться этим имуществом, если наследники были малолетни. С переходом германцев на римскую почву, где уже ранее было создано подобное же учреждение, в т. н. патронате, мундиум обращается в коммendaцию. Коммendaцией и назывался обычай добровольно отдавать себя вместе со своим имуществом под покровительство какой-либо могущественной особы. *Commendare se alicui*, *commendare se in mundium alicuius* было техническим выражением для подобных отношений. Такого рода покровительство не уничтожало личной свободы человека, но оно не обходилось без некоторого пожертвования этой свободой, уменьшало ее. *Commendatus* вступал в отношения личной зависимости от своего покровителя, принимал на себя известные услуги, обязанности и должен был приносить присягу в верности. Коммendaции

совершались под различными условиями и, подобно бенефициям, явились источником целого ряда зависимых положений. Чем могущественнее была личность, тем более гарантий безопасности для слабых представляло ее покровительство и тем большее число лиц, нуждавшихся в покровительстве, вступало под ее защиту. Самой могущественной личностью во франкском государстве был король; поэтому непосредственное покровительство короля, *mundeburgium regis*, было особенно заманчиво для всякого. Многие лица, уже сами по себе, без коммендации и особых обязательств, стояли *in mundeburgio regis*, т. е. пользовались его особым покровительством; сюда принадлежали вдовы, сироты, малолетние, иностранцы, а также многие духовные особы. Но гораздо большее число разных лиц отдавало себя под опеку и покровительство короля посредством настоящей коммендации. К коммендации королю прибегали не только слабые люди, но и знатные владельцы, *gotani possessores*. Считалось особенной честью стоять в близости, непосредственном отношении к королю, быть в числе его приближенных, приносить присягу верности в собственные его руки. Такие люди, стоявшие в более тесной связи с королем, назывались его *fideles*, *antrustiones*. В Каролингскую эпоху такое отношение личной зависимости принимает название *vassaticum*. *Vassaticum* значит то же, что и *commendatio*; вместо *antrustiones* возникает термин *vassi*, *vassali*. Вассалами короля называются все те лица, которые приносили присягу на верность в собственные руки короля и вследствие этого находились под его особым покровительством. Многие вассалы оставались при особе короля, другие жили на своих землях и только обязывались в известных случаях следовать его призыву. На первых порах вассатикум и коммендации были чисто личными отношениями; вассалитет не соединялся необходимо с бенефицией; правда, всякая бенефиция влекла за собой вассальное отношение, но не всякая комменданция соединялась с имущественной зависимостью. В дальнейшем же развитии комменданция

распространилась и на землю, и вассальное отношение не отделялось от имущественного. С одной стороны, свободный аллодиальный владелец, вступая под покровительство короля, вместе со своей личностью отдавал под его защиту и свою аллодиальную собственность, вследствие чего его аллодиальная земля принимала уже характер зависимой, условной собственности. С другой, и сам король поручал преимущественно своим вассалам разные должности, за которые и вознаграждал их бенефицией, так что с течением времени вассальность необходимо стала предполагать собой и бенефициальную зависимость.

Но вассалы и коммендаты были не только у короля. В свою очередь, важнейшие королевские вассалы, так называемые *maiores homines*, могли иметь своих меньших вассалов, *minores homines*. Хаотическое состояние общества, постоянные убоицы, грабежи и нападения внешних врагов, бессилие наследников Карла Великого — все это способствовало распространению обычая коммендации и развитию не только королевских, но и частных вассальных отношений. Коммендация была в интересах самих королей, видевших в ней некоторое ручательство за внутреннюю безопасность и общественный порядок. Капитулярии Каролингов прямо предписывают всякому свободному человеку среднего состояния искать себе патрона, рекомендовать себя сеньору и не покидать его без уважительной причины. Сначала вассальный союз мог быть во всякое время разорван вассалом, так как это был союз добровольный. Покидая своего сеньора, вассал только обязан был возвратить ему все, от него полученное, но потом, вследствие королевских постановлений и установившегося обычая, связь между вассалом и сеньором сделалась твердой и постоянной. Даже в случае смерти сеньора вассалы рекомендовали себя его сыну, подобно тому как и дети вассала занимали отцовское положение. Необходимым последствием широкого распространения обычая коммендации и развития вассальных отношений было постепенное уменьшение числа свободных людей, т. е. людей, пользу-

ющихся полной самостоятельностью и не находившихся ни в какой личной зависимости. Посреди окружавших их бенефициальных земель мелкие аллоидальные владельцы стояли в совершенно изолированном положении; им чрезвычайно трудно и почти невозможно было сохранить свою независимость. Отсюда-то и возникло явление, которое привело к окончательному господству бенефициальной формы владения, а именно: добровольное обращение аллодов в бенефицию. Владелец аллодиального участка являлся перед сеньором, совершал коммendaцию личную и имущественную, т. е. отдавал сеньору себя и свою землю, приносил ему вассальную присягу и вслед за тем получал от него назад ту же землю, но уже в виде бенефиции. Он добровольно отказывался от своей независимости, сопряженной с постоянными опасностями, для того чтобы снискать себе могущественного покровителя и защитника. Он получал назад свою землю с меньшими правами и вассальными повинностями, но зато мог владеть ею в покое и безопасности. Так возникли *beneficia oblata*, т. е. бенефиции поднесенные, в отличие от *beneficia data*, т. е. бенефиции жалованной. Развитию подобного рода отношений особенно много содействовала Церковь. Благодаря щедрости королей и частных лиц Церковь соединила в своих руках огромные земельные имущества, которые имели характер аллоидальной собственности. Располаясь значительным количеством пустопорожных земель и нуждаясь во многих руках для их обработки, церкви и монастыри стали отдавать участки этих земель в пользование свободным и несвободным людям под различными формами. Самая обычная форма называлась *grangium*, т. е. срочное или пожизненное пользование, соединяющееся с определенным оброком, который платился деньгами или натурой. Часто церкви давали такие участки и безвозмездно, в вознаграждение за известные заслуги, т. е. в качестве бенефиций. Прекарии и церковные бенефиции получили скоро весьма широкое развитие отчасти вследствие набожности. отчасти вследствие привилегий, которыми была наделена Церковь.

Часто набожные люди из религиозного чувства отдавали Церкви свои земли, выговаривая себе право пожизненного или наследственного пользования, а еще чаще мелкие свободные владельцы коммендировали себя церквям и монастырям, чтобы стать участниками в их привилегиях. Так, значительное число церквей было освобождено от обязанности военной службы, ложившейся тогда тяжелым бременем на мелких владельцев; чтобы избавиться от нее, мелкие владельцы охотно отказывались от своей независимости, отдавали церквям свои земли и поступали в число церковных людей.

Наконец, если ко всему сказанному добавить насильственные захваты аллодов со стороны знатных людей, — захваты, против которых направлен целый ряд капитуляриев, то легко можно понять, почему к концу эпохи мелкие владельцы совершенно исчезают; вассальные отношения охватывают все общество, и состояние личной свободы и самостоятельности переходит в целый ряд высших и низших зависимых состояний. Вместе с исчезновением свободных людей исчезает и свободная земельная собственность, и вся масса земли получает бенефициальный характер. Победа бенефициальной формы владения над аллоидальной, осуществившаяся на Западе к началу XI в., повлекла за собой глубокий переворот в общественном и государственном строе западно-европейских народов. Она сосредоточила земельную собственность в руках немногочисленного аристократического класса общества, создала крупные хозяйственные поместья и содействовала развитию целого ряда разнородных личных и имущественных зависимых положений, охвативших собой все общество сверху донизу. Бенефиция, уже по самому своему понятию, была не полным, а условным земельным владением: она поставляла бенефицианта в особенную личную зависимость от того лица, которым она давалась, и налагала на своего владельца известные обязательства, исполнением коих обуславливались его права на это владение. Отсюда понятно, что по мере того как развивались бенефиции и мелкие земельные участ-

ки (аллоды) поглощались крупным бенефициальным хозяйством, из состава западно-европейского общества должны были все более и более исчезать независимые люди, стоявшие вне личных, вассальных отношений. Обращая свой аллод в бенефицию посредством коммендации или теряя его вследствие хищнического захвата со стороны могущественного соседа, мелкие собственники вместе с тем утрачивали и свою независимость: одни из них, сохраняя свободу, вступали в вассальную связь со знатными господами, другие же, владевшие слишком ничтожным имуществом для того, чтобы отстоять свою свободу, обращались в полусвободное состояние цензуалов или оброчных людей, плативших сеньору различные налоги. Таким образом, возникала целая иерархия людей и земель, находившихся между собой в условной связи и зависимости. Во главе этой иерархии стоял король; за ним следовали могущественные королевские вассалы, стоявшие в самом близком отношении к королю, получавшие от него свои земли и приносившие присягу в собственные руки короля; далее, в нисходящем порядке, стояли вассалы королевских вассалов, земли которых были выделены из поместий этих последних и которых называли афтер-вассалами, т. е. задними вассалами или подвассалами; и эти подвассалы также могли иметь своих людей, обязанных в отношении к ним разного рода повинностями, и т. д. Словом, образовался строй общества, который можно сравнить с пирамидальной лестницей: верхнюю ее точку представлял король, имевший множество вассалов, но сам не бывший ничьим вассалом; внизу же она оканчивалась полусвободными и несвободными людьми, подчиненными сеньору, но не имевшими под собой никаких своих людей.

Так как представленный строй общества основывался на бенефициях, т. е. дарственных землях, а слово «дарить» на древненемецком языке *leihen*, то и вся система взаимных и имущественных отношений, возникшая из бенефициальных владений, стала называться *ленной* системой.

Первоначально ленная, или бенефициальная система не заключала в себе ничего опасного для королевской власти и государства. Связь, в которую вступали свободные люди с добровольно избранными ими сеньорами, на первых порах нимало не изменяла их общих отношений к королю. Поставляя себя в вассальную зависимость от крупного землевладельца-аристократа, свободные люди не переставали быть подданными короля, не разрывали общей государственной связи. Все частные вассалы, т. е. вассалы сеньоров и королевских вассалов, обязаны были приносить королю присягу в подданстве и могли оказывать помощь сеньору против всякого его врага, но не против короля. Во многих отношениях вассалитет был даже выгоден для королей, ибо он облегчал им военную организацию и способствовал скорому и правильному сбору военных сил для внешней войны. Вместо того чтобы отдельно призывать каждого свободного человека, обязанного военной службой, король с развитием вассальных отношений собирал только сеньоров, а каждый сеньор являлся уже с полным отрядом войска, составленным из его вассалов и других лиц, живших на его земле. Вот почему короли благоприятствовали развитию бенефициальных и вассальных отношений, предписывали, чтобы каждый человек избирал себе, по своему желанию, какого-либо сеньора и вообще видели в сеньорате средство для усиления своей власти. Но мало-помалу дела приняли совершенно иной оборот. Пока сохранялись свободные люди, обязанные непосредственным подданством королю, король имел возможность держать иерархию вассальных отношений в должных границах и располагал достаточной силой для того, чтобы принудить вассалов к повиновению. Когда же свободные люди исчезли из состава западно-европейского общества и вассальная связь охватила все франкское государство, вся сила земского ополчения оказалась в руках больших сеньоров; с уменьшением независимых людей король уже не имел в своем распоряжении достаточно таких подданных, которые следовали бы его прямо-

му призыву; он должен был опираться на вассалов, так как вне их не существовало для короля никаких других сил, на которые он мог бы положиться. Вассалы стали могущественнее короля; располагая военной силой, они отняли у короля его верховные права, прикрепили их к своим бенефициальным владениям и сделались *государями в своих поместьях*. Ленная система, созданная и поддерживаемая распоряжениями королей, привела, таким образом, к уничтожению верховной власти короля и распадению государственного единства на агрегат *мелких частных государств*, связанных между собой внешним образом иерархией высшей и низшей зависимости. Когда права верховной власти были прикреплены к земле, когда каждый помещик-сеньор сделался государем в своем поместье, тогда бенефициальная система, состоявшая из личных и имущественных отношений, преобразовалась в *феодальную* систему, в систему мелких отдельных государств-поместий — и *образование феодализма закончилось*.

Три причины способствовали этому переходу бенефициальной системы в феодальную: 1) иммунитет, 2) наследственность бенефиций и 3) наследственность должностей.

Иммунитетом (*immunitas*) называлось изъятие известной территории из ведения общей администрации. Иммунитет получил свое начало в поместьях, непосредственно принадлежавших королю. В этих поместьях король был собственником и вместе с тем верховным государем и господином всех тех людей, которые жили на его землях: он получал с них подати, управлял ими и судил их; так как все эти права принадлежали здесь королю непосредственно, то ни один административный чиновник не мог вмешиваться в дела, касающиеся королевских имений и их населения, и проявлять в них свою власть. Затем подобными же правами иммунитета пользовались все церковные земли, т. е. поместья, подаренные церквям королями или принесенные в дар простыми людьми. В виде особенной милости король предоставлял церквям право взимать разные доходы и по-

шлины в свою собственную пользу и своими средствами ведать суд и полицию в пределах своих владений. Наконец, подобно церковным землям, и многие знатные владельцы получали изъятие из общей судебной и полицейской власти и чинили самостоятельно суд и расправу в своих владениях. Лично владельцы земель, пользовавшихся иммунитетом, наравне с прочими свободными людьми подчинены были контролю общей администрации, но в землях своих они заменяли всякую другую администрацию и производили суд над жившими в них оброчными людьми или свободными поселенцами. Постановлениями Каролингов было точно определено, что в земли, наделенные правом иммунитета, «не может входить ни один королевский правитель, не может ни производить суда в нем, ни собирать штрафов, ни требовать себе квартиры и содержания, и т. п.», причем за нарушение иммунитета установлен был очень крупный штраф в 600 солидов. Таким образом, в иммунитетных землях власть государства заменялась властью владельца-помещика, население выделялось из общей государственной связи и становилось в подданство к сеньору. *В иммунитете в первый раз права территориальные, земельные были соединены с правами государственными, верховными, и помещик-сеньор явился в новом для него виде маленького государя.* Первоначально число земель и лиц, пользовавшихся иммунитетом, было невелико, но с течением времени оно постоянно увеличивалось, потому что позднейшие Каролинги, занятые междоусобными войнами и нуждаясь в помощи сеньоров, наделяли их изъятиями с целью привлечь на свою сторону; иммунитетные земли умножались отчасти и вследствие узурпации самих сеньоров, не желавших подчиняться общей администрации. Легко увидеть, что каждый новый иммунитет уменьшал собой государственную власть короля; чем больше возникало иммунитетных земель, тем меньше становилась территория, подвластная королю, находившаяся под общим государственным контролем, и тем больше верховных прав переходило в частную собственность.

В том же разлагающем общий государственный строй направлении действовали и бенефиции. Бенефициями, как мы знаем, назывались земли, выделенные королем из своих собственных владений и переданные другому лицу в награду за какие-либо услуги. Но, передавая части своих домен в бенефициальное владение, король передавал вместе с тем не только тех людей, которые были поселены на них, но и свои верховные права: суд и подати. Население королевских доменов поступало к бенефицианту точно в такое же отношение, в каком оно стояло к королю: бенефициант заменял для него короля, собирал подати и творил суд и расправу. В бенефициях поэтому мы видим другой пример того, когда права королевские обращались в частную собственность, привязывались к земле и передавались вместе с ней в частное владение. Получивший королевскую бенефицию, получал и верховные права короля над жителями бенефиции и уже становился вне общего государственного строя, т. е. приобретал иммунитет. Сначала бенефиции давались только в пожизненное владение; со смертью бенефицианта они опять возвращались к королю; вместе с ними возвращались к нему и все уступленные на время права, а потому и соединение бенефиции с иммунитетом не представляло ничего опасного для королевской власти. Но в природе каждого поземельного владения лежит естественная склонность к наследственности; владельцы бенефиций очень рано обнаруживают стремление сделать их из пожизненных владений наследственными, обратить их в потомственную собственность, хотя и связанную лежащими на ней обязательствами. Притом и короли, нуждаясь постоянно в военных силах, часто сами оставляли за сыном отцовскую бенефицию и потом утверждали ее и за внуком. Прецедент мало-помалу обращался в постоянный обычай, которому всего менее могли противодействовать слабые потомки Карла Великого. Вследствие этого во второй половине IX в. наследственность бенефиций становится всеобщим законом. Это обстоятельство нанесло сильный удар и

королевской власти, и всему государственному строю. Прежние королевские земли, составлявшие полную его собственность, перешли теперь в наследственное владение частных лиц, а вместе с ними обратилась в наследственную частную собственность и та власть, какую имел король над жителями своих доменов. Полиция, суд и налоги, принадлежавшие ранее королю, теперь не только оказались в частных руках, но сделались наследственным правом королевских бенефициантов.

Последний толчок к разложению государственного устройства и соединению верховных прав с частной собственностью дан был *наследственностью государственных должностей*. Известно, что Карл Великий в видах упорядочения государственного управления разделил все государство на округа, паги (gaue) или волости, где лицо и власть короля заменялись правителями, назначаемыми королем. Эти правители назывались *comites*, графами, отчего и самые округа, находившиеся под управлением графов, получили название комитатов или графств. Выше графств в областной иерархии стояли герцогства, но в Галлии герцоги имели одно только военное значение, а иногда звание герцога было лишь почетным титулом, жалуемым какому-нибудь важному графу, когда он, например, соединял под своим управлением несколько графств. Иной характер имели герцогства в собственно германских землях; здесь герцог был племенным начальником, управлял своими землями почти независимо от короля и приносил только ему присягу в верности. Наконец, кроме графств и герцогств на всех границах государства были марки, или маркграфства, большие округа со многими укрепленными местами, которыми управляли маркграфы, или маркизы. Это были те же графства, но только с усиленной военной и гражданской властью и обязанные защищать границы от нападения соседних народов. Таким образом, за исключением племенных германских герцогств, в общем строе франкского государства выдерживался тот тип областного управления, основой которого

было графство. Сначала графская должность имела характер простого поручения, временного полномочия, даваемого королем и зависящего совершенно от его воли. Король по своему усмотрению назначал графов, перемещал их, увольнял или давал им другое назначение. Но с течением времени с графской должностью произошло то же, что с иммунитетом и бенефициями. Дело в том, что граф, как и прочие должностные лица того времени, не получал определенного и постоянного жалованья, которое могло бы держать его в должном повиновении королю. Вместо жалованья графу предоставлялась королевская бенефиция в самом графстве, вместе с населявшими ее людьми, которая называлась *ges* или *pertinentia comitatus*. Графская должность и графская бенефиция вследствие этого как бы срослись между собой, сделались неразрывными и равнозначными. Отсюда понятно, что в то время как все бенефиции сделались наследственными, такими же должны были стать и графские должности, прикрепленные к бенефициальной земле. Во Франции это было окончательно узаконено в 887 г. капитулярием, данным в Кверси Карлом Лысым. В 9-й главе этого капитулярия говорится: «Если умрет граф, а сын его будет с нами или в отсутствии, то графством управляет ближайший родственник вместе с нашими чиновниками и епископом. Если у него останется малолетний сын, то графством должен управлять он... Подобным образом надо поступать и относительно наших вассалов». Этим капитулярием не только было допущено то, что существовало, но и возведено в обязательный закон, и таким образом вся власть, лежавшая в должности графа, сделалась частной собственностью, а все политические права короля перешли в частное право графа. Подобно графской должности, сделались наследственными и должности герцогов и маркиграфов и образовали собой ленные герцогства и маркиграфства, объемом своим значительно превосходившие простые графства. С утверждением же наследственности должностей государство окончательно распалось на множество больших

и малых владений, из которых каждое пользовалось известной степенью государственной самостоятельности, *бенефициальная* система перешла в *феодальную* и возник тот строй жизни, который стал называться феодализмом.

Нельзя, впрочем, думать, что возникновение феодальных территорий везде происходило правильным, как бы систематичным образом. То, что было сказано мной о происхождении феодализма, представляет собой процесс феодализации в общих чертах, так сказать, теоретически. В действительности же сплошь и рядом встречались многие исключения, видоизменения и частные различия. Притом в каждой стране Запада процесс феодализации совершался своеобразно, с некоторыми особенностями и не в одно и то же время. Ранее всего феодализм возник во Франции: здесь уже в X в. образование его вполне закончилось; последним моментом в истории возникновения феодализма во Франции было избрание Гуго Капета французским королем. В истории французского феодализма эта перемена династии имела важное значение. Пока королями были Каролинги, то хотя власть их и не имела силы, но все-таки с нею соединялись старые воспоминания и предания другой, не феодальной эпохи. Теперь же королем сделался простой ленный владелец, выделявшийся только обширностью своих владений и личными достоинствами. Приняв корону, он стал только верховным ленным господином, главой всей феодальной иерархии, первым между равными; он был ленный король, а не государь в смысле римской идеи. В Германии же переход в феодальное государство совершался гораздо медленнее, и полное развитие феодального порядка вещей относится здесь к несколько позднеjšíм времени, к XII и XIII вв. Наконец, в Англию феодализм был занесен и привит здесь вместе с завоеванием Британского острова норманнами в начале второй половины XI в. В каждой из этих стран феодализм носил одни и те же существенные черты, и в каждой же он имел свои особенности.

II. От вопроса о происхождении феодализма перехожу к характеристике его внутренней жизни.

Обособление, кристаллизация, начавшаяся под влиянием феодализма, не закончилось только образованием множества отдельных государств: оно проникало повсюду все дальше и дальше, до самых низших слоев общества. Внутри каждого государства отдельные слои общества, сословия, звания, занятия и ремесла отделялись друг от друга, замыкались в самих себя, жили особой жизнью и имели свои права, свои нравы и свою физиономию. Феодальный владелец Испании в сущности стоял ближе к феодальному владельцу далекой Англии, о котором он ничего не слышал, чем к горожанину, жившему почти подле его замка. Для купца Франции был близок купец Германии, но неизмеримое расстояние разделяло его от гордого барона и от униженного загнанного крестьянина, жившего с ним рядом. Все зарывалось, как бы прирастало к своему месту. Страна покрывалась массивными тяжелыми укреплениями, от которых не могли далеко отойти их обитатели. Не к дорогам, не к естественным путям сообщения жметесь население, а жметесь вдаль от них — на высокие скалы, за искусственные рвы и валы. Укреплен феодальный замок, крепостью смотрит монастырь, высокой стеной окружен торговый город — и его дома за недостатком места поднимаются ввысь к небу многочисленными этажами. Вся жизнь, все отношения приняли местный характер; власть сделалась местной и срослась с поземельной собственностью; то же самое произошло и с правом. Люди жили и судились уже не по личному племенному праву и не по капитуляриям Каролингов, потерявших всякую силу с распадением Империи, а по праву той местности, той земли, на которой они обитали. Долина сделалась королевством, гора уже составляла другое, и каждое из них имело свои законы. Во Франции нередко даже было так, что одним и тем же словом в разных частях страны обозначали не совсем сходные понятия, между тем как одна и та же вещь при раз-

личных побочных обстоятельствах носила различные названия. В обществе получили господство мелкие интересы — узкие своекорыстные расчеты: каждый знал только себя, заботился о безопасности своей жизни. Припомним, чем наполнена внешняя история тех трех столетий, в продолжение которых господствовал феодализм. Были ли здесь какие-либо общие великие события, в которых принимало бы участие все общество? Нет, таких событий мы напрасно стали бы искать в этом периоде: он наполнен постоянными нескончаемыми войнами, но эти войны велись не во имя общих интересов; это были частные распри отдельных феодальных владельцев, их хищнические набеги друг на друга. Правда, в пределах рассматриваемой эпохи умещаются Крестовые походы и борьба пап с императором, взволновавшие собой все западное средневековое общество, но они, хотя и стояли в связи с феодализмом, были вызваны не им с отдельностью, а католицизмом. Феодализм сам по себе мог порождать только мелкие столкновения, а не великие массовые движения, как, например, Крестовые походы; для общих интересов в феодализме не было места.

Чтобы проследить характерные черты феодального быта, столь долго господствовавшего в Европе, нужно, очевидно, обращаться не к этим внешним событиям, имеющим частный интерес и случайное происхождение, а к тем мелким самостоятельным уголкам, на которые разбил феодализм западно-европейское общество и в которых он сосредоточил всю жизнь того времени, т. е. нужно рассмотреть феодальную сеньорию. Сеньория составляла основной элемент феодального строя, его первичную частичку, которую нельзя разрушить без того, чтобы не уничтожить феодального порядка. Что же имеется в виду под именем феодальной сеньории? Представим себе более или менее обширное поместье, вся земля и население которой признает верховную власть одного помещика-сеньора, и мы будем иметь перед собой простой лен или простой фео́д. Из совокупности таких сеньорий и образовывалось феодаль-

ное государство, а из населения его слагалось феодальное общество. Во Франции же каждая подобная сеньория уже к XI в. была самостоятельным государством. Во главе каждой сеньории стоял владелец ее сеньор или феодал, совмещавший всю возможную для того времени полноту власти и прав. Он был прежде всего помещиком-землевладельцем: на далекое пространство его замок окружали возделанные поля, густые леса и разные другие угодья, и куда бы он ни кинул свой взгляд с высоты замковых сооружений, он повсюду видел свою землю, свое поле, свой, ему только принадлежащий лес. Он, далее, был господином всех людей, живущих в пределах его владений; всякий, кто вставал и ложился спать на его земле, был подчиненным ему человеком, его крепостным слугой, батраком, обязанным ему разного рода повинностями и оброками и своим трудом обеспечивавшим его материальный достаток и довольство. Наконец, он был государем, пользовавшимся не только автономией, но и почти самодержавием. Как государь, он имел свое войско, мог чеканить свою монету, устанавливал и собирал общественные налоги и подати, и имел право объявлять войну и противился всякому вмешательству в его дела, законному и справедливому так же, как беззаконному и произвольному. И всем этим положением, всеми этими правами он обязан был исключительно самому себе! Легко понять, как должно было действовать на феодала сознание этой полноты принадлежащих ему прав: оно рождало в нем неизмеримую гордость, надменность, доходящую до дерзости, и искреннее презрение к окружающему его люду. «Я не устаиваюсь быть князем, но могу быть королем: я Роган», — вот что было девизом, например, бретонского дома Роганов. И не только бретонский дом, который все же был видным аристократическим домом во Франции, но и какой-нибудь Куси, мелкий барон, сидевший около Парижа, имел девиз такого рода: «Я не герцог, не маркиз — я государь», и он был прав, потому что в своем поместье он обладал такой же властью, как и король, хотя владения послед-

него были больше. Не чувствуя над собой никакой власти, никакого закона, который стеснял бы его произвол и сдерживал его волю; не видя рядом с собой в своей сеньории ни одного человека, равного или хотя бы приближающегося к нему по своему положению, феодал невольно начинал смотреть на себя как на существо высшего порядка, не похожее на всех остальных обитателей сеньории. В нем складывалось убеждение — то убеждение, которое и доныне не остается без влияния в общественных отношениях, — что в жилах его, феодала, течет иная, более лучшая и достойная кровь, что он представитель особой благородной породы людей, предназначенной к господству и власти.

Внешним знаком этой власти сеньора являлся замок, служивший центром его владений. Замки нужно признать характернейшими явлениями изучаемой эпохи, отражающими ее дух и характер. Отделившись от всех остальных сословий и сделавшись самостоятельными государями, феодальные владельцы по необходимости должны были замкнуться за высокими стенами, укрепиться в своем поместье для того, чтобы отстоять свои права и независимость. Впрочем, замки начали строить гораздо ранее, чем развился феодализм; потребность в укрепленных местах, куда можно было бы скрыться в случае опасности, чувствовалась сильно еще в эпоху переселения, — и римские виллы, рассеянные по Галлии, еще в то время стали окружать себя рвами и насыпями, они-то и обращались в замки. На это происхождение замков из вилл в древнейшую эпоху указывают названия множества замков Франции, оканчивающиеся на «вилль», как например Фрондевилль, Абовилль, Меревилль и пр. Но если эти замки, происшедшие от укрепленных вилл, расположены были большей частью в долинах, среди богатых равнин, то анархия последующих веков заставляла бежать от легко доступных мест и укрепляться на скалах или на воде. В этом отношении важное значение имели набеги норманнов: они не только рождали необходимость в прочных укреплениях, бургах, способных выдержать продолжительную

осаду, но и делали из замка срединный пункт, центр для окружающего населения, на который оно в случае опасности привыкло возлагать свои надежды. Впоследствии, при распадении монархии Карла Великого, замки стали оплотом самостоятельности возникавших феодалов, средством борьбы против слабой королевской власти. Вот почему число укрепленных пунктов чрезвычайно возросло преимущественно после смерти Карла Великого, при Людовике Благочестивом и Карле Лысом. Все, что искало самостоятельности и стремились обособиться, ограждало себя в это время крепкими стенами и глубокими рвами. Понятно, что это усиленное построение крепостей возбуждало тревоги и опасения в тех лицах, для которых оно было знаком ослабления их власти. Не только король, но и каждый сюзерен с неудовольствием смотрел на возводимый его вассалом замок, так как вассал таким образом приобретал сильное средство для независимости и сопротивления. Через весь IX и последующие века, действительно, идет борьба против замков: и короли своими капитуляциями, и знатные сюзерены оружием, и епископы церковными мерами стараются воспрепятствовать сооружению укреплений. Так, например, Фульберт, епископ Шартрский, живший в IX в., считал постройку замков прямо делом дьявольского наваждения и по поводу сооружения таковых в его епископстве запретил звонить в колокола и почти совершенно прекратил богослужение.

Несмотря на эти затруднения, замки все-таки размножались и в феодальную эпоху сделались неизбежной принадлежностью каждой сеньории.

Уже при одном взгляде на средневековый замок легко можно заметить, что его архитектором руководило не изящество или удобство, а иная цель — цель защиты и безопасности. И если в поэте слово «замок» вызывает разные картины из идеализированной рыцарской жизни позднейшей эпохи, то в историке, напротив, оно должно возбуждать воспоминание о железном времени, когда люди по возможности запирались и укрывались друг от друга, имея на

то — надо сказать — достаточные основания. Вот описание одного замка XIV в., сделанное Монтейлем:

«Представьте себе великолепное местоположение, крутую гору, увенчанную утесами и перерезанную оврагами и пропастями: на склоне ее стоит замок. Величина его выдается еще более, благодаря небольшим окружающим его домикам. Вся дверь (в замок) покрыта кабаньими и волчьими головами, украшена сбоку башенками и увенчана высокой караульней. При входе вам приходится пройти три ограды, три рва и три подъемных моста, после чего вы очутитесь на большом четырехугольном дворе, где находятся колодцы, а направо или налево конюшни, курятники, голубятни, сараи. Погреб, подземелья и тюрьмы в самом низу: над ними распложены жилые комнаты, а еще выше — амбары, солильни и склады оружия. Все кровли окаймлены бойницами, парапетами, круговыми ходами и будками. Посреди двора находится замковая башня, где хранятся архив и казна. Она окружена глубоким рвом, и войти в нее можно только по мосту, который почти постоянно поднят. Несмотря на то что стены ее, так же как и стены замка, имеют толщину в шесть футов, она покрыта еще до половины своей высоты рубашкой, т. е. другой стеной, сложенной из больших плит».

К этому описанию, рисующему нам обычный тип замка, должно прибавить только то, что замки не везде имели одинаковую величину и не всегда отличались такой выработанностью и симметричностью своих частей. В первую половину Средних веков они вообще представляли собой грубую постройку, а иногда прямо высекались в неприступной скале, к которой вела узкая, легко защищаемая тропинка, как, например, замок Рож-Гюон, находившийся на берегах Сены.

Замок резкой чертой разделял население простой сеньории на два далеко неравные класса: к одному принадлежали владельцы замка, его сподвижники и семейство; к другому — не владеющие землей подданные сеньора, бедные, ничем не защищенные хижин-

ны которых робко жались к грозным стенам феодального жилища. Пропасть, разделявшая эти два класса, была гораздо глубже, чем те рвы, которые окружали замок. Феодал, как мы видели, обладал всей полнотой помещичьих и государственных прав. Население же, обитавшее около его замка, объединялось в одном имени «несвободных», или «сервов». С глубоким презрением смотрел феодал на этих слуг, труду которых он, как увидим, обязан был всем своим благосостоянием. «Сервов, — говорили феодальные поэты, — ненавидит сам Бог, Который и обрек их на тяжелую жизнь, и даже в раю не оставил для них места Иисус Христос, не желая, чтобы они жили вместе с Ним». При самом сотворении мира, по их словам, Бог создал три породы людей: дворян, духовных и вилланов, обрекши последних вечно работать в пользу первых. Такие воззрения не были в то время чем-либо единичным и местным: епископ Геральд на одном из соборов XI в. публично развивал подобную теорию о трех породах людей, и к ней любили возвращаться средневековые поэты.

Действительное положение несвободного населения вполне отвечало указанной теории. В эпоху полного господства феодальной тирании это население стояло внизу общественной лестницы, составляло бесправную часть общества и находилось в неограниченной власти сеньора. Сеньор мог делать с ним все, что ему вздумается, справедливо или несправедливо, отвечая перед одним Богом. Приведу случай из позднейшей эпохи, когда уже королевская власть восстала на защиту крестьян, — случай, хорошо характеризующий положение сервов. В 1253 г. капитул церкви Парижской Богоматери задумал наложить новую дань на крестьян своих деревень. Сервы одной из них отказались платить ее и были посажены в тесную тюрьму в Париже, где многие умерли от недостатка воздуха и дурной пищи. Мать короля Людовика IX, Бьянка Кастильская, решилась вступить за участь сервов, послала спросить у почтенных каноников о причинах их немилости и обещала в слу-

чае надобности заплатить за сервов. Каноники грубо ответили королеве, что никому нет дела до их поступков, что они вольны в жизни и смерти своих людей, и в доказательство этого посадили в ту же тюрьму жен и детей сервов. Тогда королева сама пошла к тюрьме, выломала с помощью слуг дверь в темницу и выпустила оттуда измученное и голодное население целой деревни. Это было в самом Париже, вблизи короля, в середине XIII в. Легко понять, что должно было быть там, куда не проникало имя короля и где царствовал один произвол сеньора. «*Er ist mein*, — говорила средневековая пословица немецкого дворянства о крепостном человеке, — *ich mag ihn sieden oder braten*», т. е. «он мой; я могу его сварить или изжарить». Один историк французского крестьянства справедливо замечает, что потребовался бы целый словарь для того только, чтобы перечислить все термины феодального права, обозначающие какой-либо платеж или какой-либо вид барщины. Сеньор взимал в свою пользу все налоги, установленные ранее государством, требовал пошлин по всевозможным случаям, собирал оброк за землю и мог вымучить у сервов все, что ему было угодно. Часто сеньор один и тот же налог требовал от сервов дважды и трижды в год; впоследствии, когда городские коммуны начали борьбу с феодалами, они прежде всего позаботились о том, чтобы отстоять право уплачивать подати раз в год. «Коммуна, — говорит Гиберт Ножанский, хронист XII в., — есть ненавистное и новое слово, и вот что оно обозначает: люди, обязанные платить оброк, только раз в год платят то, что они обязаны платить». Изобретательность сеньора в изысканиях разного рода налогов была поистине безгранична. Так, крестьянин обязывался молоть и печь свой хлеб только в господской мельнице и печи, отвозить свой виноград на господское точило и, конечно, не даром, платить особые сборы при переезде через мост, за подвоз к берегу реки, со стад и со всадников, с экипажа и пр. Привилегии сеньора обеспечивали ему не только необходимое, но и удовольствия, которые весьма дорого

обходились для сервов. Таково было, например, право охоты, в силу которого крестьянин не мог истреблять дичи, портившей его посе-вы, не мог начинать покоса, пока птицы не выведут своих птенцов, должен был помогать сеньориальной охоте, которая нередко сопровождалась опустошениями в его же поле. Существовала даже особая категория феодальных прав, называвшаяся в XVIII в. «смешными правами» и состоявшая в исполнении унижительных и позорных действий. Так, сеньор в некоторых местах имел право вызывать к себе фермера, заставить его показать себе монету и затем положить ее обратно фермеру в карман. Или вот еще один из курьезных образчиков этого рода повинностей: когда люксейльский аббат приезжал в деревню Montureux в Лотарингии, где у него было много прудов, крестьяне должны были ночью бить палками по этим прудам, чтобы кваканье лягушек не беспокоило аббата, причем отбывавшие этот странный налог обязаны были петь следующее: «Тише, лягушечки, тише! К нам приехал г-н аббат, которого да хранит Господь».

Для того чтобы дать ясное понятие о том, что возлагалось на средневекового крестьянина, я сошлюсь на одно описание, которое может служить примером для тысячи других: это писцовая книга монастыря Св. Троицы в Лондоне. Таких писцовых книг сохранилось очень много от XIII в., а некоторые из них восходят даже до XII столетия. Описание их очень однообразно; страдает этим же недостатком и то, какое я хочу привести, но его историческая поучительность нимало не уменьшается от этого. Составлено оно в 1260 г. и определяет собой повинности некоего крепостного Джона Кампе, который должен был за пространство земли в 15 акров выполнять следующее: «От праздника св. Михаила до Р. Х. каждую неделю исполнять две работы и вспахать 3 акра; он же в *день св. Фомы* (21 декабря) должен доставить 4 курицы и одного петуха, кроме того вспахать один акр в тот же срок и за это получить пищу. На другой день после этого он пашет пол-акра по просьбе

(повинность по просьбе отличается тем, что в этот день работник получает пропитание от сеньора). От Обрезания Господня до Сретения каждую неделю две работы по воле господина. От Сретения до Пасхи пахать одну роду ($\frac{1}{4}$ акра) и кроме того две работы. Накануне Пасхи — 15 яиц. От Пасхи до Вознесения каждую неделю две работы. От Вознесения до праздника вериг св. Петра — две работы и кроме того вспахать одну роду, как и прежде. Везти тяжести от праздника св. Михаила до праздника вериг св. Петра — 20 раз в Лондон. Он же снимает сено с восьмой части шести акров луга, и за то ему и его товарищам дадут за каждый акр два динария (надо заметить, что подобные случаи, когда дается плата, встречаются редко, как исключение). Он же свезет в счет одной работы 3 стога сена и поставит двух людей, чтобы полоть траву: 2 раза по просьбе до девяти часов, однако без пищи, а только вечером один раз поужинать. От праздника вериг св. Петра до праздника св. Михаила каждую неделю пять работ и вязать снопы и везти их на господское гумно, причем праздники не пойдут в счет, кроме Успенья, да и то, если этот праздник случится не в субботу. Кроме того, по просьбе 3 раза поставить трех работников, а в 4-й раз одного, причем получить пищу, а вечером питье. От праздника вериг св. Петра до праздника св. Мартина (11 ноября) никто не имеет права продавать свиней без позволения, а в день св. Мартина за каждую годовалую свинью дает господину динарий, а если ей полгода — обол ($\frac{1}{2}$ динария). Никто не имеет права выдать дочь замуж, или сам жениться, или женить сына, или продать быка и лошадь без позволения, ибо господин должен быть ближе всех. Также, если кто умрет, то господин получит лучшую голову скота, а вдова будет держать дом и землю, пока живет честно, наследник же, когда возьмет землю, должен согласиться с господином о выкупе».

Приведенный документ любопытен в двояком отношении; он любопытен, прежде всего, по своей бытовой стороне; на основании его данных мы узнаем, что трудовой год в средневековой Европе

делился на периоды тем же самым способом, каким он делится и теперь в нашем крестьянском мире, т. е. по праздниками, причем особенно замечательно то, что порубежные праздники в том и другом случае совпадают между собой. Такими праздниками являются Рождество, Сретение, Пасха, Вознесение и праздник вериг св. Петра, т. е. Петров день. С Петрова дня начинается период усиленных полевых работ, главным образом, жнитва, который и продолжается до праздника св. Михаила, т. е., переводя на наш рабочий язык, до Покрова дня, так как праздник св. Михаила в Западной Европе падает на 29 сентября.

Затем, изложенный документ интересен и в историко-экономическом отношении; он с наглядностью показывает, как широк и разнообразен был тот круг хозяйственных повинностей, который обязан был исполнять средневековый крестьянин в течение года: он исполнял все полевые работы на земле сеньора, пахал, убирал поле, косил, возил различные тяжести в ближайший город и по временам должен был являться к помещику не один, а с товарищами или поставлять известное число рабочих. Особенно тяжело ему приходилось от Петрова дня до Михайлова (т. е. до Покрова), когда сеньору он должен был отдавать 5 рабочих дней в неделю, причем праздники не шли в счет; в остальные дни он работал на своем поле. Судите же сами, сколько рабочих дней в году было у средневекового крестьянина.

Вот различные права, которые в самых разнообразных сочетаниях были общи всем феодальным владельцам в отношении к населению, обитавшему на их землях. Спрашивается, что же получилось в конце концов? Неужели над сеньором в действительности не было никакого суда? Неужели он правил, как хотел, и его своеволие нигде не встречало себе законного обуздания? Самая любопытная сторона феодальных отношений и заключается в том, что насколько юридические теории развивались односторонне в пользу сеньоров, настолько фактическое положение шло в сторону их огра-

ничения, в сторону установления нормальных отношений, их же не преjdeши. Нужно, впрочем, сказать, что и юридическое положение виллана в средневековой истории нельзя смешивать с положением раба в древнем мире. В среде несвободного населения были свои отличия, свои градации прав, но даже и в отношении к последнему серву власть сеньора не была абсолютной; многие дела подлежали церковному суду, право смертной казни принадлежало не всем сеньорам, а только крупным феодалам; в принципе, феодал даже мог лишиться своего феода за грубое и несправедливое обращение со своими подданными и т. п. Однако не эти юридические ограничения стесняли своеволие барона; на закон он не обращал внимания, а судьи, которых он сам же назначал, особой справедливостью не отличались: «Будь виллан из стали, его на суде съест рыцарь из соломы», — говорила средневековая пословица. Ограничения произволу феодала ставил самый ход жизни, и потому-то эти ограничения оказывались гораздо сильнее и действительнее, чем разные юридические определения. Два факта оказали в особенности сильное влияние на установление нормальных и постоянных отношений между бароном и вилланом, создали своеобразную условную мораль, которая стояла, однако, выше писаного закона. Это, во-первых, чрезвычайная разрозненность феодального хозяйства, заставлявшая помещиков иметь большое число приказчиков. Но как бы он стал контролировать их, если бы повинности крестьян не были точно урегулированы? И вот в силу этой необходимости устанавливается более или менее однообразная, постоянная средняя норма, определяющая повинности виллана в отношении к сеньору. Письменный пример такой нормы нам и дает вышеупомянутая писцовая книга монастыря Св. Троицы. Второе условие, обуздывавшее феодальных владельцев, вытекало также из разрозненности, но не хозяйственной, а политической. Дело в том, что виллан, которого стали бы очень отягощать, имел всегда полную возможность перебежать в соседнее имение-государство;

шансов на то, чтобы его выдали, было очень мало, потому что рабочими руками дорожили; это могло случиться только в редких случаях, по общему же порядку между помещиками существовала даже особого рода конкуренция: они старались переманивать вилланов друг от друга, обеспечивая за ними целый ряд привилегий и льгот. Так поступали, например, французские короли, создавшие на своих землях целый ряд новых поселений. Церковь, как самая культурная сила средневекового мира, точно так же идет по тому пути, расширяя и регулируя права вилланов. Таким образом, известные нормы и обычаи появляются в феодальном периоде естественным путем еще до вмешательства государства, до того времени, когда был нарушен феодальный принцип: «между сеньором и вилланом нет другого судьи, кроме Бога».

III. Отделившись от всех остальных сословий, разорвав всякую связь с прочим населением сеньории, феодал по необходимости должен был замкнуться за высокими стенами своего замка — этого оплота и охраны его привилегий. Но здесь, внутри замковых укреплений, его ожидало весьма жалкое существование: самая страшная праздность и убийственная скука царили во внутренней жизни замка; отрезанный от всего остального мира, феодал должен был довольствоваться одной своей семьей и не имел никаких занятий, которыми бы он мог наполнить свою жизнь. В самом деле, чем бы мог заняться феодал в своем замке? Он не чувствовал ни малейшей надобности обрабатывать свои поля, ибо для этого в сеньории было достаточно подневольных работников, да и самое занятие земледелием он считал неблагородным. Промышленная деятельность только что зарождалась и составляла принадлежность среднего, городского сословия; для политической деятельности в век феодализма не было места. Существовали искусство и наука; но их феодал предоставлял клирикам и даже смотрел с презрением на эти «поповские хитрости». Единственно благородным, достойным феодала занятием, по понятиям тогдашнего времени, была война, — и

вот, чтобы не умереть от нетерпения и скуки за стенами замка, он затевал ссоры со своими соседями, выходил на большую дорогу, чтобы грабить проезжих купцов, и просто разбойничал. Действительно, вся жизнь феодала привязана была к его боевому коню, проходила в дороге среди различных приключений, была, по выражению Гизо, «нескончаемым крестовым походом в его собственной стране». Тот длинный ряд набегов, грабежей, войн, который наполняет собой средневековую историю, в большей своей части был следствием этой праздности и скуки, царивших в замках, этой постоянной потребности в деятельности, в движении. Когда безопасность или грубая сила заставляла феодала на время запереться в стенах замка, он чувствовал себя как бы заключенным в тюрьме и думал только о том, чтобы уйти из него. В одном старинном рыцарском романе *Sarin le Leherain* превосходно изображается томительная скука, овладевавшая обитателями замка в редкие минуты общественного затишья. Здесь рассказывается о Бегоне, герцоге Гиени, одном из могущественных феодальных владельцев Нормандии. Вот как начинается рассказ: «Бегон был однажды в своем замке Белене. Подле него была его жена, прекрасная Беатриса; тут же были два его малые сына, игравшие с другими детьми. Герцог Бегон смотрит на них и вздыхает. Беатриса говорит ему: “Сильный герцог, отчего вы печальны? Вы имеете в ваших сундуках много золота и мехов, вы имеете боевых коней, мулов и иноходцев, и вы победили ваших врагов”. Бегон отвечает: “Дама, все, что вы сказали, правда, кроме одного: ни золото, ни меха, ни кони не составляют еще богатство — это родня и друзья... Вот уже семь лет, как я не видел моего брата; хочу съездить к нему. К тому же, мне говорили, что в Пуелльском лесу есть такой кабан, что никто никогда не видывал подобного; я убью его и отвезу к брату”». Напрасно Беатриса убеждает его не ездить, напоминая, что этот лес находится во владениях его заклятого врага, напрасно говорит ему о своих дурных предчувствиях — Бегон едет и гибнет.

Вместе с изменением общих порядков жизни изменились и война, и способ вооружения; как и все в феодальной Европе, она измельчала, сделалась местной и велась маленькими отрядами. Великих битв, которыми народы древнего и нового мира привыкли решать спорные вопросы, теперь не было. Военные действия состояли в небольших стычках, осадах замков и городов, разграблении деревень и опустошении полей, принадлежащих неприятелю. В составе войска кавалерия заменила собой пехоту прежних времен, а самое сражение обратилось в ряд отдельных поединков. Закованный с ног до головы в железо, воин феодальной эпохи был неуязвим подобно греческому Ахиллу. Только через немногие отверстия, оставленные между отдельными частями доспехов, могли достать до него неприятельский меч и копье. Поэтому-то рыцарские битвы, несмотря на все мужество бойцов, редко бывали кровопролитными. Главная опасность заключалась в возможности упасть с коня, так как тяжеловооруженному всаднику уже трудно было стать на ноги. Плен был неизбежным исходом для сбитого с коня рыцаря, но как бы ни был дорог выкуп, за рыцаря отвечал его виллан, с которого и взыскивалась нужная сумма денег. Вся тяжесть войны падала, таким образом, на поселян; для феодала же она представляла не столько опасностей, сколько благоприятных случаев выказать ловкость и рассеять скуку, наведенную однообразной жизнью замка.

Жизнь на большой дороге с постоянными приключениями и военными подвигами развивала в феодале неукротимую энергию воли, дикую и грубую натуру, способную подчиняться одной только материальной силе. Феодализм с его оторванной от общества замковой жизнью оставлял вообще широкое место для образования индивидуальных характеров. В воинственной обстановке, созданной им, и воспитывались те своенравные личности, которые смело противопоставляли свой произвол требованиям целого общества и закона и которые так и просятся в роман или поэму. Отли-

чительная черта этих феодальных характеров — поражающая жестокость, ни перед чем не останавливающаяся грубость нравов. Вот один эпизод, рисующий нравы феодальной эпохи.

В одной из предыдущих лекций я уже упоминал замок Рож-Гюон, находившийся на берегу Сены и состоявший из обширного подземелья, высеченного в крутой скале. В начале XII в. Рож-Гюон принадлежал Гвидону, кроткому юноше, непричастному злобе и хищничеству предков. К несчастью, у него был тесть иного нрава, Вильгельм из норманнов. Вильгельму давно хотелось отнять у зятя это удобное для разбойничества убежище, и вот однажды, во время вечерней службы, он пробрался вместе с сообщниками в церковь и напал на Гвидона. Жена последнего, дочь Вильгельма, надеялась спасти мужа, закрыв его собой. Она была убита вместе с Гвидоном. Та же участь постигла и детей, которых убийцы разбивали о камни. За Гвидона вступилось венинское рыцарство; оно заняло все пути к Рож-Гюону, заставило убийц, не успевших запастись съестными припасами, сдать и предало их мучительной смерти. У Вильгельма заживо вырезали сердце, — и любопытно, что летописец с заметным удовольствием рассказывает об этой казни, не менее самого преступления характеризующей эпоху.

Другой случай подобного же грубого рода, рассказываемый Ордериком Виталием. Один из сильных и богатых норманнских баронов Евстафий Бретельский, женатый на дочери короля Генриха, Юлиане, просил у него Иврийскую башню, принадлежавшую его предкам. Король обещал ему исполнить со временем его просьбу и в обеспечение дал ему заложником сына рыцаря Рауля, охранявшего башню. Евстафий своеобразно поступил с этим заложником: он вырезал ему глаза и отослал к отцу. Разгневанный Рауль отправился к королю и потребовал у него мести. Тогда Генрих выдал истцу воспитывавшихся при его дворе двух дочерей Евстафия, своих родных внучек, с которыми Рауль и поступил по праву мести: он выколол им глаза и отрезал носы. Можно представить себе, с каким

чувством узнал Евстафий о правосудии короля — своего тестя. Он тотчас же объявил войну и привел в оборонительное состояние все свои многочисленные замки. В самом Бретеле приняла начальство против отца Юлиана. Окруженная со всех сторон войсками, без надежды извне, она решилась на страшное дело — пригласив отца к стенам замка для переговоров, она из собственных рук пустила в него стрелу. Генрих, однако, избежал опасности и по взятии Бретеля подверг свою дочь следующему наказанию, замыкающему эту кровавую драму. На виду войска и жителей Юлиана, обнаженная до пояса, была спущена на веревке с городской стены в ров, наполненный холодной водой. Это было в феврале месяце. Несчастливая воительница, покрытая бесчестьем, кое-как вырвалась изорва и удалилась к Евстафию; она умерла впоследствии в монастыре.

Эта возмутительная жестокость, эта дикая грубость нравов была не столько следствием нравственной неразвитости всего феодального общества, сколько результатом оторванной от людского общения замковой жизни, развивавшей упорство и приучавшей следовать всякому капризу воображения. Но та же самая замковая жизнь с ее отчужденностью породила одно светлое явление, составившее крупный шаг вперед по пути цивилизации, а именно, она повлекла за собой развитие семьи и семейственности. В тесных помещениях феодального замка, выход из которого не всегда был безопасен, семья феодального сеньора жила близко друг к другу. В своей семье феодал привыкал видеть единственно равных ему во всей сеньории лиц и переносил на них то значение, какое принадлежало ему. В особенности поднял феодализм значение женщины и поставил ее в совершенно новое положение. Как низко стояла женщина в предыдущую эпоху истории, это видно не только из отдельных фактов, но, между прочим, и из того, что на одном из западных соборов формально был поставлен вопрос: человек ли женщина? Богословы ответили на этот вопрос утвердительно, руко-

водствуясь следующим силлогизмом: Св. Писание называет Христа Сыном Человеческим, но на земле он назывался сыном Девы Марии; итак, женщина — человек. Феодализм практически решил тот же самый вопрос в пользу женщины. Жена феодала не только разделяла значение мужа, но и, при частых его отлучках, заменяла собой его, оставалась госпожой замка, обязанной заботиться о защите и чести лена, — и мы уже видели пример, что феодальные женщины отбивали нападения врагов на замки и выдерживали иногда долгие и трудные осады. В феодализме и нужно искать начало всех тех сторон, которыми европейская семья отличается от азиатской — восточной. Впоследствии рыцарство еще более возвысило значение женщины, поставив служение ей в число главнейших пунктов кодекса рыцарских обязанностей.

IV. Приступая к характеристике феодального строя, я говорил, что простым элементом, первичной частицей феодализма являлась сеньория, т. е. известных размеров территория, принадлежавшая одному сеньору вместе со всем ее населением. Каждая сеньория представляла собой нечто целое, замкнутое в себе, была как бы маленьким самостоятельным государством, имевшим своего государя, своих подданных и свои законы. К этой отрешенности от всего остального мира, к этой самостоятельности стремился каждый феодал, но не каждый мог на самом деле достигнуть полной обособленности. В том порядке вещей, какой был создан феодализмом, уничтожившим всякую общую, публичную власть, единственная гарантия безопасности, единственное обеспечение личности, собственности и семейства лежало в частной силе каждого. Чтобы стоять особняком, совершенно выделиться из общего строя, надо было иметь в своих руках военную силу, достаточную для поддержания и охранения своих прав. Понятно, что такой силой не могли располагать не только мелкие, но и крупные бароны, и потому те и другие одинаково нуждались во взаимной помощи и услугах; мелкие феодалы искали покровительства у более могущественных феодалов.

В свою очередь, большие феодальные владельцы для защиты своих обширных территорий должны были опираться на постоянную военную помощь, которую они и находили у мелких сеньоров. Таким образом, самый строй феодальной жизни делал необходимыми известного рода союзы, добровольные ассоциации между феодалами и через это порождал новые явления, выражавшие собой взаимные отношения и связь феодального общества. В чем же состояли эти явления?

К числу этих явлений принадлежит прежде всего ленная связь. Ленная зависимость, как мы знаем, указывала на земельную связь между вассалом и сюзереном — на ту связь, в которую вступал вассал как землевладелец к своему сюзерену как тоже землевладельцу. Эта связь состояла в том, что хотя вассал на своем — часто весьма обширном — поместье был таким же полновластным сеньором, как и его господин, т. е. распоряжался и кормился поместьем по своему произволу, имел подданное ему население и т. д., однако не он считался юридическим собственником своего поместья; ему принадлежало только *dominium utile*, т. е. право владеть и эксплуатировать поместье; *dominium* же *directum* или право собственника на землю находилось в руках сюзерена. В отношении к своему поместью вассал был как бы вечным и наследственным арендатором своего сюзерена, причем вместо арендной платы на нем лежали разного рода обязательства — не повинности и не подати, как у несвободного населения сеньории, а именно обязательства, основывающиеся на добровольном соглашении двух свободных лиц. Существовали особые формы, особые обряды и факты, в которых выражалось это зависимое в отношении к земле положение вассала; наследник ленного участка не прямо и не безмолвно делался владельцем земельной собственности своего отца: он должен был, так сказать, возобновить договор, прекратившийся за смертью его отца, заявить о своем вассальном подданстве и получить инвеституру.

В эпоху окончательного развития и полного господства феодализма этот обычай имел уже только формальное значение, ничего не изменял и ничего не устанавливал; вассал часто обладал такой военной силой, что мог с успехом противиться своему сюзерену и потому в действительности был совершенно независим от него. История знает даже такие случаи, когда обряд изъяснения вассального подданства обращался намеренно в комедию со стороны непослушных вассалов. Так, А. Тьери в своей «Истории завоевания Англии норманнами» рассказывает, что когда норманнский герцог Ролла при свидании с Карлом Простым получил от него в качестве лена всю уже ранее завоеванную им землю на севере Франции от реки Эпты до Бретани и дал ему присягу в верности стоя, то французы сказали: «Прилично получающему такие дары преклонить колени пред королем и поцеловать ему ногу», как это было в обычае во Франции. Норманн отвечал: «Никогда ни перед каким человеком не преклоню колена и не поцелую ноги никакому человеку». Бароны настаивали на своем, и Ролла с лукавой простотой велел одному из своих вождей подойти и поцеловать вместо него ногу короля. Норманнский воин подошел, нагнулся, не склоняя колен, взял короля за ногу и поднял ее для целования так высоко, что Карл Простой опрокинулся и упал. Непривычные к условиям вежливости норманны разразились громким хохотом; произошло кратковременное смятение, но дальнейших дурных последствий этого странного происшествия не было.

Рассказанный у Тьери случай нужно, однако, признать исключением из общего правила; в ту эпоху, когда не было никакого общезначительного писаного закона, люди свято хранили обычаи, заменявшие для них закон, и соблюдали их строже закона даже в том случае, когда они не имели никакого практического значения. Подобным образом соблюдался и обычай изъяснения вассального подданства и инвеституры; всякого практического смысла он был лишен, тем не менее каждому новому вассалу он напоминал об

особенных отношениях его к сюзерену, о земельной его зависимости от последнего. Были и другие, кроме рассмотренного обряда, факты, которые говорили вассалу, что он не есть полный собственник своего поместья и не может свободно располагать землей. Так, если он хочет продать свою землю, то должен спросить позволения у сеньора, и хотя в некоторых случаях это позволение давалось обязательно, однако за него существовала определенная плата. Когда вассал умирал, не оставив совершеннолетних наследников, опекуном обязательно признавался сеньор, помимо и родственников. Это право сеньора было очень выгодно для него, потому что доходы с имения, за незначительным исключением в пользу опекаемых, шли опекуну; если же опекать приходилось дочь, то он имел влияние и на выдачу ее замуж, так как ему было безразлично, кто будет служить на его земле. В исключительных случаях ему предоставлялось право лично наблюдать за ведением хозяйства, контролировать вассала даже в его поместье, и если он оказывался плохим хозяином, то по некоторым правилам сеньору предоставляется право штрафа и даже конфискации. Нельзя сказать, чтобы эти положения применялись везде, но все они вытекали из одного основного начала — из дробления идеи собственности, из земельной зависимости вассала от сеньора.

С ленной зависимостью необходимо соединялась зависимость вассальная, хотя и не была тождественна с нею. Вассальная зависимость простиралась не на землю, а на личность вассала и выражалась со стороны сеньора в покровительстве вассалу, а со стороны вассала — в верности сеньору. Вассалитет есть личное условие, результат известного, закрепленного признанием и оформленного обрядом отношения верности, сначала обращенной к лицу, а потом перенесенной и на землю. Эта верность не есть подданство, а отношение частного характера, видоизменение понятия службы: она вводит вассала не в положение равноправного, а в положение покровительствуемого, причем вассал сохраняет за собой самостоя-

тельность и возможность переходить от одного покровителя к другому. В соответствии этому понятию личной верности в феодальном обществе является особый обряд, обряд *hottmagium*'а, получивший начало еще в древнегерманской дружине. Там дружинник, провозглашая себе вождя, говорил: «Я становлюсь твоим человеком»; здесь, в феодализме, вассал преклонялся перед сеньором, становился на колени и протягивал свои руки; тогда сеньор или покровитель брал его руки в свои, «брал его в свою руку», как выражались тогда, и таким образом обещал свое покровительство. Затем следовала присяга на верность: держа свою правую руку на Евангелии, вассал говорил: «Слушай, господин мой, я обещаю, что останусь верен тебе и предан и что по чести и совести буду исполнять обычаи и службу, какую должен нести на определенных условиях, в чем да помогут мне Бог и все святые». Очевидно, вассальная связь есть связь добровольная, предполагающая согласие и сверху, и снизу. Поэтому в применении к вассальным отношениям не может быть и речи о какой-нибудь государственной власти сеньора над вассалами, подобной той, которая рассматривает теперь нас как подданных, как не имеющих по отношению к ней юридического самостоятельного положения. Подданный как член государства, следовательно, как часть государственной власти может оказывать на нее давление известного рода, но как подданный он не имеет никакого права на государственную власть; он — частное лицо, подчиняющееся решению государственной власти; это — общий принцип, применяющийся как в абсолютных, так и в свободных государствах. Вот этого-то отношения подданства и не было в феодальном вассалитете: он есть частный договор, при котором одна сторона оказывается выше другой, но при которой обе имеют свои взаимные обязанности, обуславливающие их договор. В чем же состояли эти обязанности?

Со стороны сеньора обязанности эти обнимались понятием покровительства вассалу, со стороны же вассала они отличались значи-

тельной сложностью. Вообще нужно сказать, что при отсутствии общего права в феодализме и при личном характере всех отношений они — эти обязанности вассала — были далеко не везде одинаковы, но более или менее однообразны, и везде они распадались на три класса, которые носили название *fiducia*, *justitia* и *servitium*. *Fiducia* — верность — состояла в том, что вассал всегда и везде должен был оберегать и защищать интересы своего сюзерена, его честь, семейство и имущество, — должен быть готовым во всякое время к его поручениям и не предпринимать ничего, идущего против права своего господина. Словом, *fiducia* есть прежде всего *сумма нравственных обязанностей*; так, в силу верности вассал должен был не налагать руку на своего господина, не удерживать что-либо из его собственности, не советовать в ущерб его интересам, не говорить на суде против него и т. д. Затем, *fiducia* есть долг вассала помогать сеньору советом и делом; в последнем случае *fiducia* получает материальный характер и выражается большей частью как денежная помощь в особенных, строго определенных обычаем случаях, как, например, при вооружении старшего сына сеньора, при выдаче замуж старшей дочери и т. п. *Justitia* состояла в обязанности вассала являться к сеньору на суд и участвовать на нем или в качестве члена суда, или в качестве обвиняемого или обвинителя. Эта обязанность очень важна и заслуживает особого рассмотрения: она знакомит нас с интереснейшим в историческом отношении вопросом о том, как поставлен был суд в феодальной Европе.

При ответе на этот вопрос должно различать положение несвободного населения сеньории от положения свободного феодала. Несвободное население судилось у помещика, при его личном участии или через посредство лица, специально для этой цели назначенного помещиком. Но кто же мог судить самого помещика? Каждый феодал в своем поместье был полноправным государем, но государя судить никто не может, если на то не последует его собственного согласия; отсюда и суд в феодальную эпоху мог принять

только одну форму — ту форму посредничества, к которой прибегают иногда и государи наших дней, когда не хотят употребить аргумента варваров, т. е. войны, и рисковать собой и государством. Совершенно таким же посредническим характером отличался и феодальный суд — суд между двумя владельцами, зависящими от одного и того же сюзерена. Так как каждый феодал как полновластный государь и член благородного сословия был равен всякому другому лицу этого сословия, то выбор лиц, посредствующих между ним и его противником, мог состояться только из круга феодалов, и притом стоящих на одинаковой с ним общественной ступени, — из круга равных ему лиц. Так возник в феодализме суд равных и суд пэров; суд пэров представлял собой необходимую принадлежность феодального общества, принцип его, имевший полную силу в течение всей феодальной эпохи, т. е. в течение XI, XII и XIII вв.; он часто и в различных сочетаниях повторяется в документах эпохи, в жалобах, договорных грамотах и пр. У Гизо в его «Истории цивилизации Франции» приведено достаточно примеров подобного рода документов, и я не стану их повторять, так как желающие могут с удобством ознакомиться с ними по этому исследованию, и обращусь к решению вопроса, опущенного у Гизо, а именно к рассмотрению самого процесса феодального суда. Этот процесс весьма своеобразен. Круг равных или пэров не был судьей в нашем смысле слова, не разбирал процесса по существу и лишь присутствовал при состязании спорящих сторон; он также не искал ни преступников, ни свидетелей. Дело происходило следующим образом: если вассал какого-либо сюзерена обвинял другого в каком-либо преступлении против себя, то оба они являлись ко двору сеньора, куда собирались по приглашению последнего и другие вассалы, т. е. пэры или равные; пэры выслушивали тяжущихся и их свидетелей и решали, кто из них первый должен подвергнуться очищению, т. е. доказать истину своих слов при помощи какого-либо испытания; если же дело представлялось неясным, то суд предоставлял тяжущимся

решить спор поединком. Так как каждая из судящихся сторон, т. е. обвинитель и обвиняемый, приводила с собой своих свидетелей, то в громадном большинстве случаев дело кончалось поединком, и поединок был преобладающей формой решений феодального суда. Кто побеждал, тот был прав, кто побеждался, тот умирал или уходил с поединка виноватым. Это значение поединка объясняется мирозерцанием средневекового человека: в глазах средневекового человека случай, так или иначе решающий исход борьбы, — случай, зависящий, на наш взгляд, от заранее сложившихся причин, — представлялся проявлением высшей силы, делом Божественной правды, карающей виновного, а потому прямо назывался «судом Божиим». При таком взгляде на поединок понятным становится та бездна подробностей, та масса всевозможных предосторожностей, какие принимались для того, чтобы поединок происходил честно и справедливо, чтобы какая-нибудь человеческая хитрость или случайность не воспрепятствовала ходу Божественного правосудия. Перед началом поединка противники клялись перед крестом и Евангелием, а иногда и над св. мощами в правоте своего дела, а также в том, что не прибегнут к колдовству. Герольд выкрикивал в четыре стороны обращение к зрителям, призывающее к сохранению тишины; ни крик, ни жест не должны помешать бьющимся; все должны были воздерживаться от какого-то бы ни было вмешательства в дело. В противном случае виновного в нарушении этого правила постигнет серьезное наказание: рыцарь может лишиться руки или ноги, а простолудин — головы. Противникам отмеривалось одинаковое пространство, или, как тогда выражались, одинаковое количество поля, ветра и солнца. Случалось иногда, что битва прерывалась по какой-нибудь особенной причине; тогда дозорные и герольды, следившие за поединком, обязывались внимательно осмотреть положение обоих соперников в минуту перерыва битвы, для того чтобы они непременно заняли опять то же положение, когда битва будет возобновлена. Прибегали к силе, и сила должна

была решать спор, но при этом в самое решение хотели внести возможно больше правильности и справедливости. В предписаниях насчет поединков мы видим, таким образом, борьбу естественного чувства законности против варварской грубости судебной формы.

Поединок решал дело тяжущихся бесповоротно и окончательно: на «суд Божий» апеллировать было некуда; но суд сеньориальный, суд пэров, когда он оканчивался не поединком, а приговором, мог не всегда удовлетворять тяжущихся, — и вот в феодальном суде возникает своеобразная форма апелляции. Сторона, против которой высказался суд, могла обжаловать приговор, но обжаловать не в нашем смысле слова, потому что не было такого высшего учреждения, которое имело бы право пересмотреть дело; приходилось обжаловать совершенно иначе, в смысле опозоривания. После произнесения решения осужденный мог сказать судьям: «Я не признаю Вашего решения правильным и добросовестным», и тогда начинался поединок между обиженным и судьями, которые должны были считать себя опозоренными таким заявлением. Мы поймем эту своеобразную форму обжалования, если примем во внимание средневековый взгляд на поединок как на суд Божий; вступая в поединок с самими судьями, обиженный их решением этим самым апеллировал туда, куда только и оставалось апеллировать, т. е. к суду Божию. Надо, впрочем, заметить, что этот путь обжалования имел более теоретическое, чем практическое значение; дело в том, что судьи имели полное право биться друг за друга, так что на практике поединок с судьями был почти неосуществим. — Точно так же была предусмотрена и другая возможность, а именно протест против свидетельских показаний. Если свидетельские показания казались пристрастными и неправильными, то какое было средство для их опровержения? Можно было опровергнуть, собрав убедительные доказательства противоположного характера, но этот способ в феодальном порядке вещей не практиковался; оставалось и здесь обратиться к тому же принципу, который действовал

в процессе апелляции, т. е. к поединку между стороной и свидетелями, и такой поединок, предусмотренный феодальной теорией суда, иногда на самом деле осуществлялся. Из указанного принципа получились последствия, которые имели значение далеко за пределами непосредственного применения и непосредственной судьбы самого принципиального начала. В феодальном суде есть признаки, которые косвенно сказываются в постановке нашего суда присяжных, хотя на первый взгляд между ними не может быть ничего общего. Один из самых важных признаков суда присяжных — это невозможность апелляции, пересмотра дела по существу; в присяжном суде возможен пересмотр только вследствие нарушения законных форм, значит, насильственный порядок, а не апелляция. Это положение, обеспечивающее полную самостоятельность за присяжными, исторически представляет собой развитие одного из принципов суда пэров, где лица, равные подсудимому, высказывались относительно известного дела окончательно, потому что они судили не как представители власти, а как посредники; не было возможности пересматривать решение, так как дело, начавшееся в известном кругу, там должно было и кончиться и не могло никуда из него выйти. С точки зрения феодальных обособленных кругов, возможно было только одно обращение к высшей власти, а именно — в случае отказа пэров в суде, но это было уже обращение не в судебном порядке, а обращение в форме жалобы на то, что им отказывают в суде; в этом случае речь шла не о том, чтобы высшая власть сама и вновь разобрала дело, а о том, чтобы было назначено правильное и обычное судебное заседание.

Из сказанного о судебных порядках в феодальную эпоху вполне ясна становится та обязанность вассала в отношении к своему сюзерену, которая обозначалась в то время словом *justitia*. Сеньор один не мог производить суд над своим вассалом, так как вассал не был его подданным; для судопроизводства он нуждался в содействии других вассалов, которые и должны были по его призыву

являться к его двору в назначенное время. Это была, действительно, обязанность, т. е. некоторого рода нравственная повинность; при той разобщенности, какая существовала в феодальном обществе, вассалы, призываемые судить равных себе, часто оказывались совершенно незнакомыми друг с другом; они жили на своих землях в одиночку и не вступали ни в какие отношения между собой; в делах своих соседей они были заинтересованы очень мало и часто их совсем не знали. Вследствие этого на феодальные суды они съезжались весьма неохотно, и сеньору для отправления правосудия приходилось довольствоваться очень небольшим числом присутствующих: тремя или даже двумя вассалами. Сеньор созывал тех, кто был ему с руки; он и не обязан был призывать всех вассалов; поэтому в составе суда пэров скоро нашел себе место произвол, и феодальный суд мало-помалу стал терять всякое доверие к себе в феодальном обществе.

Самое важное и главное свое выражение вассальные отношения находили в третьей обязанности вассала — в *servitium*. Этим термином в феодальную эпоху обозначалась преимущественно военная служба, которую нес вассал при своем сюзерене. Военная служба была необходимо связана с вассалитетом и предполагалась всяким ленным владением; т. е. кто владеет каким-либо земельным участком на правах лена, тот неизбежно и по этому самому несет уже службу при своем сеньоре в качестве воина. Срок, продолжительность и форма этого обязательства были в разных местностях весьма различны; в одном месте срок службы определялся шестьюдесятью днями, в другом — двадцатью, в третьем — сорока днями — число, встречающееся наиболее часто; равным образом, иногда вассал должен был являться один, а иногда с известным количеством людей и т. д. Но как бы ни были разнообразны формы этой обязанности, несомненно, однако, что в каждом отдельном случае они были в точности и подробно определены. Следовательно, и здесь, в приложении к военной службе, выдерживался общий

договорной характер вассальных отношений; сюзерен мог требовать только того, что было обещано вассалом, что утверждено договором или же обычаем. Поэтому сюзерен не имел права задерживать своего ленника на войне дольше положенного срока; в таких случаях ленник не обязан был следовать за сеньором и, как человек свободный и самостоятельный, исполнивший свое условие, мог удалиться со своим отрядом домой. Легко видеть, что на практике эта самостоятельность ленников и условность их военной службы рождала ряд серьезных неудобств для сюзерена: случалось, что вассалы покидали их в самые решительные минуты; так, например, Генрих Лев удалился перед битвой при Леньяно, несмотря на все униженные просьбы императора Фридриха.

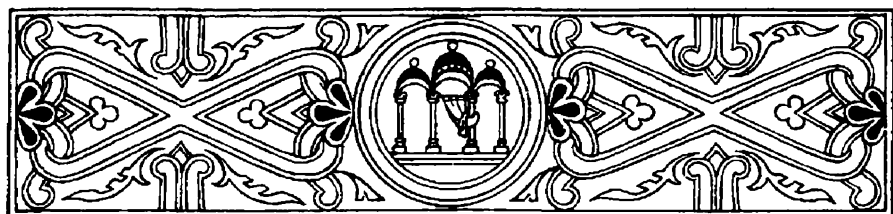
Спрашивается, каким же способом сюзерен мог предупредить это неприятное для него положение? Сам по себе сеньор не мог делать никаких общеобязательных постановлений для своих вассалов; он не имел ни малейшего права изменить что-либо в тех обычаях и обязанностях, которые связывали его с последними; всякая попытка сеньора ввести в эту связь что-либо новое понята была бы вассалом как вторжение в его права, как нарушение договора, соединяющего его с сеньором; в подобном случае вассал считал себя вправе отказаться от своей вассальной зависимости и перейти к другому сеньору. Но, будучи лишен возможности самостоятельно издавать какие-либо новые узаконения, сеньор мог это сделать с общего согласия всех своих вассалов, — и согласия, конечно, добровольного. Таким образом, в феодализме возникает общее законодательство, которое носит на себе характер как бы международного соглашения, соглашения в форме съездов. Все или несколько вассалов известного сюзерена съезжаются вместе к его двору и здесь вырабатывают новые правила, обязательные для участников съезда. В этих съездах мы должны видеть зародыш того учреждения, которым в настоящее время определяется конституционный порядок государственной жизни, т. е. парламента. Сам термин

parliamentum первоначально проявляется в применении именно к этим добровольным съездам, на которых равноправные лица уговаривались между собой. Однако если кто-либо из участвовавших в съезде был не согласен с общим мнением, то его принудить к этому никто не мог, так как он являлся не членом высшего целого, а представителем самостоятельного права. Вот что такое был первоначальный парламент; тем не менее он имел серьезное значение при переходе от феодализма к государству, и первым признаком его развития оказалось появившееся в нем понятие большинства на съезде — понятие о том, что съезд есть не только случайное собрание съехавшихся, но и необходимый представитель какого-то высшего, целого.

Перечисленными особенностями исчерпывались все отношения вассала к своему сюзерену; исполнив эти обязанности, вассал уже пользовался полной самостоятельностью в своем лене; здесь он был вполне независимым и свободным человеком. Поэтому нельзя сказать, чтобы вассальные отношения уничтожали ту рознь, ту обособленность в общественной жизни, которой характеризуется феодализм. С другой стороны, однако, несомненно, что они ослабляли разрозненность общественных элементов, сближали многие сеньории и соединяли их около одного более могущественного сеньора. Под влиянием вассальных отношений общественная жизнь, замкнувшаяся в маленьких уголках, расширялась, выходила за пределы одной сеньории и обнимала уже целую область; вместе с этим в феодализме, под действием тех же отношений, появляются некоторые общие, сложные формы жизни, как-то: сеньориальный суд и парламентское законодательство. В своем дальнейшем развитии это сближение мелких феодалов около одной крупной сеньории ведет к тому, что мелкие владения поглощаются крупными или постепенно теряют свою независимость; на месте их образуются очень обширные сеньории, обнимающие собой целые области. Таким образом, в феодализме возникает новый процесс: процесс,

соединяющий и связующий мелкие владения в одно целое. Так, например, во Франции между XI и XV вв. исчезает около тридцати девяти ленов, и притом ленов значительных, имевших значительное имя и историю. Итак, *феод* (права государственной самостоятельности) разъединял западно-европейское общество, а *лен* и *вассалитет* соединяли его, и это различие сказалось во всей истории нового государства в Европе.

Средневековые города и их значение в истории цивилизации Западной Европы*

Перемена в положении городов к началу Средних веков. — Постепенная феодализация городов и печальное положение городского населения. — Причина восстания городов за освобождение и общий его ход. — Изложение борьбы за свободу городов Лаона и Реймса. — История городов в других странах Европы. — Их внутренний строй и значение в истории цивилизации Западной Европы.

Наша характеристика статистического строя средневекового общества была бы неполна, если бы мы не ознакомились с третьим элементом, входившим в состав его и придававшим ему свою физиономию. Я имею в виду город и его население — горожан. Этот новый тип живет долгое время одной жизнью с двумя остальными составными элементами средневекового общества — светской и духовной аристократией, пользующейся всей полнотой прав, и забитым, подавленным трудом вилланом, и подчиняется тому же закону феодализации. Но интерес его истории заключается в том, что город и его жители недолго остаются под гнетом феодального ига, вступают в энергичную борьбу с феодалами, добиваются себе самостоятельности и таким образом становятся третьей действующей

* Впервые опубликовано в журнале «Богословский Вестник». 1910. Т. III. № 11. С. 431–445; № 12. С. 583–598.

силой в образовании западных государств. Так называемая революция или восстание городов против феодального ига падает на эпоху окончательного расцвета феодализма, когда, достигнув своего зенита, он стал уже клониться к разрушению, но оно в удобствах систематизации должно быть рассмотрено здесь же в связи с феодализмом, так как феодалы и города в их различных комбинациях оказались той подпочвой, которая объясняет различия в современном строе западно-европейских государств.

История городов за время от V по XI в., когда начинается коммунальное движение и города разом завоевывают себе видное положение, представляется в высшей степени темной в отношении к дошедшим до нас о них известиям. Летописи весьма мало интересуются городской жизнью; они много говорят о войнах и междоусобиях, вообще о поражавших мысль летописца внешних событиях, но ничего не сообщают нам о судьбах народов и о тех безымянных массах, в которых заключается основа всех исторических переворотов. Летописи молчат и о городах: отсюда следует, что до XI в. города и не принимали широкого участия в ходе исторических событий и что жизнь их шла незаметно. Так это действительно и было. При том состоянии цивилизации, в каком находилась Европа в эпоху господства феодализма, для развития городской жизни не было налицо благоприятных условий. Города предполагают торговлю, промышленность, потребность и возможность обмена естественными продуктами и произведениями промысла и искусства. Ничего подобного не было в феодальной Европе до XI в.; каждая местность в ней представляла собой отдельное, самостоятельное целое, жила сама по себе и довольствовалась своим внутренним производством. Отсутствие безопасности, грабежи и нападения лишали предприимчивости и тех немногих смелых людей, которые вздумали бы переезжать с товарами из одной области в другую. Потому в век феодализма города влачили вообще жалкую жизнь, и горожанин был в сущности крестьянином, распахивающим прилегающую к городу окрестную землю.

Тем не менее города существовали и до IX в., и их было очень немало. Они имели двоякое происхождение: одни из них были переданы новоевропейским народам Римской империей, другие возникли вновь под воздействием условий варварской и феодальной эпохи. Известно, что древняя античная цивилизация была по преимуществу цивилизацией городской и что городская жизнь в ней достигла замечательного развития и процветания. В римских провинциях на западе и северо-востоке Европы, т. е. в Галлии, Испании, Германии и Британии, в IV в. нашей эры насчитывалось много весьма крупных торговых пунктов, отличавшихся богатством и многочисленностью населения и пользовавшихся всеми правами городского самоуправления. Так, в одной Галлии было около 112 так называемых *cités* (*civitates*) — городов, выдававшихся по своему рангу и торговому значению; кроме того, существовали еще города-крепости, созданные ввиду военных потребностей и называвшиеся *castra* (лагери). К концу истории древней Римской империи городская жизнь замирает; централизация, начавшаяся со времени Диоклетиана и Константина, отнимает у городов их вольности и муниципальные власти обращает в простое посредство для сбора податей. Это падение городов, заметное уже в IV и V вв., довершается варварскими опустошениями и завоеваниями. Германцы, овладевшие провинциями Западной Римской империи, не знали городской жизни и не любили ее, но зато они любили грабить и жечь города, так как здесь их всегда ожидала богатая добыча. В эпоху варварских переселений многие старые римские города погибли окончательно для последующей истории; они были разрушены, и их население, разбежавшееся от страха перед варварами, уже не возвращалось более на свои старые места. Так, например, британский город Урикониум, один из богатейших, обращен был в кучи щебня, и только в 1857 г. ученым удалось открыть его бывшее местонахождение. Город *Portas Iulius*, стоявший на берегу Па-де-Кале, и город *Тогоептум*, значительный прованский порт, совсем были стерты с лица

земли, так что и до сих пор точно не известно, где они находились. Но и те города, которые сохранились, вышли после варварской эпохи с совершенно другим строем жизни; правда, они остались на тех же местах, где стояли и под римским владычеством, в них удержалась известная традиция от римских племен, которая сказывалась в некоторой корпоративности и в некоторых остатках старинных терминов, понятий и оборотов речи; так, например, некоторые акты в них пишутся по старым образцам, некоторые фамилии продолжают называться сенаторскими; в особенности это нужно сказать о городах Южной Франции и Италии, где римское влияние всегда было сильнее, чем в собственно германских странах. Но все это было лишь жалким и печальным намеком на старину. После нашествия варваров города прежде всего обеднели; обеднение их естественно вызывалось прекращением торговли, общей неустойчивостью жизни и еще тем, что большинство богатых фамилий, следуя требованиям эпохи, оставило города, переселилось в деревню и обратилось в помещиков-феодалов. Затем города потеряли и свою самостоятельность: они подпали общему процессу феодализации и должны были признать над собой власть сеньора. В последнем отношении образовались двоякого рода города: епископальные и светские — сеньориальные. Власть епископа над городами стала возвышаться еще в последние времена Римской империи: к нему перешли все права, которые связывались с должностью «защитника города» (*defensor urbis*). Эти права были очень широки: *defensor* наблюдал за правильностью суда, за исполнением законов, за правильностью раскладки городских повинностей; он был, далее, мировым судьей, который мог решать дела по желанию тяжущихся, покровителем бедных и защитником города от произвола чиновников. Все эти права, представленные епископу еще римскими узаконениями, нисколько не уменьшились и в варварских государствах. Меровинги и Каролинги наделяли Церкви земельными угодьями, привилегиями и сами способствовали обращению

городского населения в полурабское в отношении к епископам положение. После распада Империи Карла все атрибуты верховной власти перешли и окончательно сосредоточились в руках епископов. То же случилось и с городами, подчиненными светским сеньорам. Таким образом, оставшиеся в наследство от Римской империи города в век феодализма утратили свою самостоятельность и подпали под верховную власть феодала.

Эти условия, способствовавшие феодализации городов, обладавших некогда муниципальной свободой, должны были еще сильнее воздействовать на те городские общества, которые вновь образовались в эпохи варварскую и феодальную. Таких вновь возникших городов было очень немного. В наше время на 500 французских городов только около 80-ти относят свое происхождение к периоду галло-римскому; остальные создались позднее, уже после заселения варварами римских провинций. Это образование новых городов совершалось естественно и незаметно, под влиянием много-различных условий. Иногда укрепленное поместье барона стягивало к себе окружающее население, искавшее в нем защиты от грабежа и набегов, и таким путем медленно перерабатывалось в новый город. Иногда аббатство, славившееся святостью и чудесами, привлекало к себе толпы благочестивых людей, надеявшихся найти у него защиту и прощение грехов, и таким образом становилось центром обширных поселений. Иногда ловкое предприятие расчетливого сеньора, например, учреждение рынка, приводило чужеземцев на его земли и скоро из простого замка делало город и т. д. Одним из примеров этого естественного роста городов может служить история города Saint-Omer; еще в IX в. Сеномэ было простым аббатством, возникшим благодаря стремлению к подвижнической жизни; два раза в течение этого века оно подвергалось нападениям норманнов и терпело опустошения вместе с окружающей его местностью; наученные опытом, монахи наконец решились построить стены кругом монастыря, отбили набеги норманнов и

этим привлекли к себе население. Монастырь стал быстро заселяться и к X в. сделался уже городом. Но какими бы условиями не было вызвано возникновение нового города, во всяком случае он рождался на земле чужой, сеньориальной, и потому необходимо подпадал зависимости от короля, графа, епископа или аббата и необходимо становился феодальным городом, — все равно, как и те города, которые вели свою генеалогию от времен Цезаря и Августа.

Что же такое феодальный город?

По внешней своей стороне феодальный город вполне отражал на себе характеристические черты эпохи и был не что иное, как расширенный замок. Он окружался толстыми каменными стенами, рвами, наполненными водой, подъемными мостами и частоколами. Глядя на него, нетрудно подметить, что главная цель его забот — защита от внешних нападений; на нем сказалось общее стремление феодальной эпохи к обособленности, к замкнутости от всего окружающего. Ни о каких удобствах и благоустроенности, подобных тем, какие существовали некогда в городах Римской империи, не может быть и речи в приложении к феодальным городам. Старые римские города отличались обширностью своих размеров и пространностью; жилище римского гражданина располагалось удобно, с большим двором внутри, атриумом, и было по большей части очень невысоко. Города феодальной эпохи должны были сокращать свои размеры, чтобы иметь меньшее протяжение на случай защиты. Те города, которые остались от римской эпохи, сносили свои предместья и сгущивались; атриум застраивался, и крыши возвышались над массой этажей, выстроенных даже с выступами, чтобы побольше сэкономить места. Дома, большей частью деревянные, поставленные сплошной стеной вдоль улиц; улицы темные и грязные; на них выбрасывается из домов все лишнее, все ненужное, без всякого зазрения совести; по ним свободно разгуливают свиньи и всякий домашний скот. Лучшими зданиями города были церкви, монастыри и башни сеньоров; они возвышались

над городскими стенами и служили последним убежищем горожанина на случай вторжения врагов внутрь города. Многие города имели не по одному сеньору, а по несколько вместе; если в городе был не один, а два-три монастыря, то все они делили между собой господство над жителями. Бывало иногда так, что каждый квартал, каждая улица, переулок, даже отдельные дома принадлежали различным сеньорам. Случалось и так, что известная часть церкви, даже известная часть хора была подсудна епископу, тогда как остальная часть ведалась, например, судом капитула. Дробность прав вела к столкновениям и спорам; сеньоры враждовали между собой, составляли из горожан партии и на узких городских улицах сражались друг с другом. Поэтому горожанин Средних веков совсем не похож на того флегматичного, неповоротливого буржуа, купца, с которым знакомит нас Новое время; в то время каждый лично сам должен был заботиться о своей безопасности, и горожанин, занимавшийся мирным трудом, рано должен был освоиться с боевой жизнью и военным искусством. Под предводительством феодалов горожане часто бывали в военных переделках, перенимали от рыцарей тогдашние военные приемы, умели отразить нападение, разорвать ряды кавалерии или взобраться на стены замка. Этим искусством, перенятым у феодалов, горожане потом с успехом воспользовались против своих учителей. При вражде между различными городскими сеньорами горожанин в сущности всегда оставался военным человеком, всегда должен был быть наготове к борьбе и к сопровождающим ее бедствиям. Феодалы не стеснялись в средствах для поражения противника, избивали его подданных, грабили и поджигали городские кварталы, подчиненные противнику. Средневековый город вообще имел против себя три великих зла: своих сеньоров, огонь и заразные болезни. Сеньоры не давали покоя горожанам, огонь истреблял их жилища, а заразные болезни уносили в могилу сотни и тысячи городского населения. При скученности строений средневековые пожары отличались

необыкновенной грандиозностью; с быстротой молнии пламя охватывало деревянные постройки, перебрасывалось из дома в дом и овладевало городом. Неистово звучал пожарный колокол, но никто не думал заливать пожара, каждый спешил убежать из города и спасти свою жизнь. Еще хуже были заразные болезни: они истребляли население города так же быстро, как пожар истреблял его строения; так, например, в XII в. от «черной смерти» в Любеке умерло 9 тыс. жителей, в Базеле — 14 тысяч, в Эрфурте — 16 тысяч.

Плохо жилось средневековому горожанину под игом феодального сеньора. Политических прав он никаких не имел; сеньоры по своему усмотрению распоряжались горожанами, судили их, брали с них подати и налоги. В отношении к горожанам почти повторяются все те подати и повинности, какие должен был нести и крестьянин, сидевший на земле сеньора. Горожанин обязан был нести военную службу, платить поголовную подать и поземельный ценз, если он пользовался поземельным участком сеньора. Кроме того, сеньор в каждом городе имел право на даровой ночлег и угощение для себя, своей прислуги, для лошадей и собак. Он мог забирать жизненные припасы, постели, мебель, посуду на такое время, на какое ему заблагорассудится. Затем следовал отдел пошлин, наложенных на всякое производство, торговлю и соприкосновенные с ними случаи. Вот, например, перечень пошлин, какие платили жители города Амьена своему графу и другим сеньорам: 1) *travers* — пошлина за провоз товаров водой или сухим путем; она взималась на заставах, специально для этой цели устроенных феодалами; сюда же относится и пошлина за проезд по мосту, т. н. *pontaticum*; мосты запирались цепями, и всякий желающий проехать должен был предварительно уплатить известный взнос в пользу владельца моста. Понятно, что эти заставы и мосты весьма стесняли торговлю и были неистощимым источником всяких беспорядков и многочисленных эксцессов. 2) Далее идут пошлины, взимавшиеся внутри города, а именно *telonium* — пошлина при въезде в город и на рынке

с продажи товаров; *mesurage* — пошлина за взвешивание товара на весах сеньора, за измерение хлеба, вина и т. д. Сеньор имел свои меры для всех этих продуктов; подчиненные ему горожане обязаны были пользоваться исключительно его мерами, но за это должны были платить пошлину. 3) Потом следуют пошлины за право заниматься различным промыслом, например, за право растить солод, вести пивоварение, менять деньги и т. д. 4) Наконец, ко всему этому примыкает огромный отдел штрафов, которые взыскивались за нарушение перечисленных прав сеньора. Но мы впали бы в грубую ошибку, если бы признали, что всем этим и ограничивались повинности горожанина в отношении к сеньору. Сеньор вмешивался во всякую сделку между горожанами, во всякое предприятие своего подчиненного, — и везде взыскивал свою дань. Он брал плату за продажу, мену и куплю, за лавки и амбары, считавшиеся его собственностью, брал с жилища горожанина и его пристроек. Хотел ли горожанин строить дом или хлев, он платил сеньору деньги; но если же он хотел и сломать свою постройку, он опять шел к сеньору и платил деньги. Короче говоря, положение горожанина есть положение, близкое к серву, к закрепощенному земледельцу феодальной эпохи. Феодалы, действительно, и стремились к тому, чтобы уравнивать право городского и сельского населения, слить их, хотя этого никогда не удавалось им достигнуть. Крестьянину трудно было оставить свой земельный участок, с которым он сроднился, который он возделал и удобрил своим трудом; поэтому крестьянин поневоле и подчинялся произволу своего господина. Но горожанин, занимавшийся промыслом или торговлей, легко мог уходить из своего города и переселяться в другой, где он мог устроиться удобнее; его искусство всегда оставалось с ним. Вот почему сами феодальные сеньоры должны были делать уступки городским жителям и не могли с такой же легкостью распоряжаться ими, как с сельским рабочим населением. Но хотя горожане и пользовались некоторой свободой по сравнению с вилланами, они все же остава-

лись податным сословием и не входили в состав общества; епископ Адальберон в знаменитой поэме, обращенной к французскому королю Роберту, описывает вокруг себя лишь два класса людей: дворян и духовенство; горожан он не упоминает. — Таково было положение западно-европейских городов до XI в., когда начинается эпоха городских восстаний, коммун и борьбы за независимость.

Как это обычно наблюдается при изучении Средних веков, причину коммунальной революции, охватившей западные города с X по XII в., историки ищут в разных сторонних влияниях. Одни думали, что эта революция состояла лишь в восстановлении строя древних римских городов: они тщательно подбирали все внешние черты сходства между коммунальной системой и римской муниципальной организацией времен упадка, подчеркивая в особенности выражения *municipium*, *consul*, *libertas romana*, часто употреблявшиеся также и в Средние века. Эта гипотеза теперь совсем оставлена, так как, мы уже это видели, то устройство, какое имели города в Римской империи, совершенно исчезло, и в феодальную эпоху они получили совсем другой вид. Другие ученые, по преимуществу германские, как Эйхгорн, Маурер и др., начало муниципального строя искали в древних германских учреждениях, занесенных в Галлию и Италию нашествием варваров. Организация виллы, марки, сотни или селения с их должностными лицами, по мнению этих ученых, с самого начала заключала в себе все элементы, которые, преобразуясь и принаровляясь к потребностям времени, мало-помалу и образовали основу средневековой муниципальной системы. Не вдаваясь в детальный разбор обеих этих теорий, следует предъявить по их адресу тот важный упрек, что они совсем не объясняют коммунальной революции. В самом деле, почему городское движение произошло слишком поздно, если все элементы существовали уже к началу Средних веков, и почему оно отлилось в самые разнообразные формы и возникло почти одновременно как в старых, так и в новых городах?

Историческая причина освобождения городов заключалась исключительно в том экономическом и социальном перевороте, какой произошел между X и XII в., в возрождении труда и производства во всех формах, пробудивших Европу ото сна. Начиная с X в., феодальный мир организуется: среди всеобщего раздробления водворяется относительный порядок. Анархия предшествующей эпохи исчезает, и каждый сеньор считает более выгодным для себя организовать и эксплуатировать свой дар: открываются новые рынки, завязываются сношения между городами. Число купцов увеличивается, и они решаются удаляться от защищающих их стен. В то же время общество, погибавшее от скуки, пристращается к путешествиям, приключениям и паломничеству вплоть до Св. Земли; мир расширяется, умственный кругозор увеличивается, снова завязываются сношения между Севером и Югом, Востоком и Западом: возрождается всемирная торговля. Следствия этого движения немедленно отражаются и на городах: по необходимости бедные и слабые, пока не было торговли, они снова населяются и обогащаются и, чувствуя себя сильными, вступают в борьбу с сеньорами. Лучшим подтверждением сказанного служит тот факт, что ход освобождения городов направлялся именно по большим торговым потокам того времени. Сначала освобождаются города Италии, затем поднимаются города Рейна, этой великой дороги обмена, соединявшей север Европы с поясом Средиземного моря, далее идут города Фландрии и Пикардии. С улучшением экономического быта пробудилась в городах жажда свободы, и эта жажда была тем сильнее, что развившаяся городская жизнь предъявляла новые потребности к общественной жизни, которым удовлетворить феодализм не мог. Купцу нужен был безопасный проезд, ремесленник требовал правильного, спокойного течения жизни, необходимого для занятия ремеслом или искусством; а феодализм весь был соткан из грабежей, насилий и неожиданностей личного произвола. Богатство городов слишком раздражало феодальную алчность; по-

этому и насилия над городами удваиваются вместе с увеличением их благосостояния — и вот, чтобы положить конец этим грабёжам, города берутся за оружие, вступают в ожесточенную борьбу с феодалами и добывают себе независимость.

Самый процесс освобождения городов в различных странах Европы совершается различным путем; города начинают борьбу без плана, без предварительного соглашения между собой, под влиянием накопившихся потребностей или разом вспыхнувшего одушевления; один город редко справляется с тем, что и как сделано в другом городе: он опирается на свои только силы, действует в одиночку и достигает того, чего можно достигнуть при данной совокупности условий. Если оставить в стороне частности и иметь в виду общее, то можно сказать, что города освобождались или вследствие уступок и добровольных соглашений с сеньорами, или насильственным способом, при помощи восстаний и войны с сеньорами. — Раньше других добыли себе свободу города Италии, пользовавшиеся, так сказать, привилегированным положением в ряду других европейских городов. В городах Италии сильнее, чем где-либо, сохранилась римская традиция о муниципальных вольностях; обладавшие по большей части многочисленным и богатым населением, эти города никогда не знали застоя и прекращения торговых оборотов и не испытывали такого унижения при феодальных порядках, как их среднеевропейские товарищи. В своих стенах они с ранних времен заключали не одних торговцев и ремесленников, но и представителей аристократического и военного сословий; в них жили рыцари, вассалы, капитаны, привыкшие орудовать мечом и не любившие подчиняться чужой власти. Крестовые походы по преимуществу содействовали обогащению итальянских городов, так как вся масса рыцарского ополчения, т. е. именно масса богатых, состоятельных людей, шла через Италию и в надежде на будущие блага немало оставляла на пути золота. В то время как вся Европа горела огнем беззаветного увлечения и бросала все

свое имущество для того, чтобы освободить Св. Землю, расчетливые итальянские горожане предпочитали оставаться при своих прежних занятиях; они не ходили в Св. Землю, а нанимались перевозить туда армии крестоносцев и брали за это хорошие деньги. К XI в. города Италии сделались уже самостоятельными городами, республиками, независимыми ни от какого сеньора. Исполнительная власть в них принадлежала консулам, которые имели право войны и мира, созывали народное собрание или издавали декреты по всем отраслям администрации, судили и вообще олицетворяли собой верховную власть народа.

Освобождение итальянских городов для всей остальной городской Европы оказалось искрой, брошенной в давно готовый горючий материал. Оно прежде всего отозвалось на юге Франции, в городах Прованса и Лангедока, где так же, как и в Италии, сильны были римские предания, где народонаселение со своими оригинальными нравами и обычаями, со своей своеобразной начинающейся цивилизацией, с романским языком стояло в близком родстве с итальянской народностью. Ученые историки отказываются точно определить ту эпоху, когда городам южной Франции удалось выйти из-под опеки сеньоров. Самые древние хартии вольностей в этих городах не восходят выше XII в., но они говорят не о новых дарованных городах или завоеванных ими вольностях, а о том, что давно существовало на практике как установившийся обычай; они только оформляют этот обычай и возводят его в закон. Естественнее поэтому думать, что здесь городская свобода была добыта не вдруг, не в одну какую-либо эпоху, а постепенно, путем медленных уступок со стороны сеньоров. Города южной Франции, подобно городам Италии, никогда не испытывали на себе в такой мере феодального ига, как это досталось на долю северных городов. Здесь жители издавна принимали участие в городском управлении, призывались сеньорами к содействию в случае важных решений. Так, например, в Марселе в 962 г. граф Безон заключает договор с аббатством «с согласия знатных

Арля»; в Ниме в 1080 г. архиепископ созывает горожан на общее собрание, чтобы одобрить дар, приносимый их Церкви; архиепископ действует здесь «по воле и по просьбе граждан»; в Каркассоне граждане еще в XI в. приносят присягу графу Барселонскому, а потом его сопернику, как люди независимые, как вассалы. Кроме того, города юга в большинстве случаев разделены были между несколькими сеньорами и спорами между последними пользовались для расширения своих привилегий, причем немалое значение играло и золото. Впрочем, и на юге дело не обошлось без восстаний; так, в XII в. Тулуза восстала против своего графа Раймонда, в 1143 г. в Монпелье был изгнан сеньор, в 1207 г. жители Нима ведут борьбу с судьей графа Тулузского. И здесь, как и везде, восстания сопровождались кровопролитием, избиением и другими подобного рода событиями. Самый драматичный случай был в Безье в 1167 г.; здесь произошла следующего рода история: во время похода, предпринятого сеньором этого города, один горожанин его армии поссорился с рыцарем и отнял у него возовую лошадь; сеньор решил отдать его в распоряжение рыцарям, и те расправились с ним по-своему: по таинственному сообщению хрониста, они произвели над виновным «правда, легкую, но обесчестившую его на всю жизнь экзекуцию». Весь город считал себя обиженным, вступился за виноватого, и следствием этого явилось восстание. Составился заговор против сеньора, хотя сеньор и готов был уладить дело миром; заговорщики напали на него в церкви Марии Магдалины, куда он явился для объяснений с гражданами, закололи его перед алтарем, изгнали его сына Рожера, а в городе учреждена была коммуна; однако через два года Рожер возвратился и отомстил за смерть отца поголовным избиением горожан. Впрочем, подобные случаи кровавых драм на юге Франции были исключением; в общем, освобождение городов здесь было делом мира и порядка.

Не то мы встречаем на севере Франции; правда, и здесь были случаи мирного освобождения: здесь иногда даже сами сеньоры помогали городам в борьбе за независимость с той целью, чтобы

теснее связать с собой граждан и приобрести в них союзников, но в общей картине истории северных городов эти случаи отодвигаются на второй план и первое место уступают восстанию. Города французского севера добыли себе самостоятельность путем упорной и кровавой борьбы. Положение этих городов с самого начала было иное по сравнению с Италией, Провансом или Лангедоком. Северные города были менее населены, менее богаты и менее сильны; напротив, узы феодализма в них были могущественнее и сплоченнее. Редко и при особых обстоятельствах северный город находил себе сочувствие у своего барона; в большинстве случаев его встречали в замке упорное сопротивление, готовность скорее стереть город с лица земли, чем признать за ним те вольности, которых он добивался. И это понятно: освобождение городов било феодалов прямо по карману; оно не только сокращало их власть, оно ограничивало их доходы и задевало их честь, так как в уровень с ними ставило какое-то «сборище деревенщины». В особенности ненавистью к городам отличалось французское духовенство. «Коммуна, — говорит Гиберт Ножанский, аббат монастыря св. Марии, — есть новое и ненавистное слово, и вот что оно обозначает: люди, обязанные платить талью, только раз в год платят сеньору то, что обязаны платить». Эти слова Гиберта выражают собой общее мнение тогдашнего духовенства. Ива Шартрский, один из передовых прелатов своего времени, прямо проповедовал в Бовэ, что присягу, данную городам, хранить не нужно; ибо такие договоры, добавлял он, противны каноническим канонам и постановлениям Св. Отцов. Весьма любопытно выразился относительно городов Этьен, епископ Турне: «На этом свете, — говорил он, — есть три и даже четыре рода крикунов: это коммуны деревенских жителей, которые желают разыгрывать роль сеньоров; спорящие женщины, хрюкающее стадо свиней и не приходящие к соглашению каноники; мы смеемся над вторыми, презираем третьих, но да освободит нас Господь от первых и последних». Собор в Париже 1213 г. прямо

объявил городское самоуправление «диавольским обычаем», противным юрисдикции Церкви, — и сами папы часто присоединяли свой голос к этому «концерту проклятий», вызванных городским движением. При таком настроении сеньоров понятно, что города северной Франции для своего освобождения могли воспользоваться только одним путем — путем революции и восстания, — и они действительно вступили на этот путь. Толчок к нему дан был с юга Франции; весть о совершившемся здесь освобождении потрясла северные города, и город Камбре первый учредил у себя коммуну; это было в 1076 г.; за ним последовали: Нуайон (1110 г.), Бовэ (1182 г.), Сен-Ринье (1126 г.), Лаон (1128 г.), Амьен (1113 г.), Суассон (1181 г.), Реймс, Корбия, Абевилль, Компьен и т. д. Наступило героическое время коммунального движения: восстание совершалось внезапно, и борьба была упорная; обыкновенно ему предшествовало сильное волнение среди горожан; много было шумных толков о несправедливости сеньора, о его страшных притеснениях; волнение достигало высшей степени, когда приходила весть о том, что соседний город уже свергнул с себя иго; смелые головы составляли заговор против сеньора; этот заговор расширялся, захватывал большое число горожан и обращал город в коммуну. Само восстание чаще начиналось среди ночной тишины: кучка смельчаков подбиралась к феодальной страже и нападала на нее; укрепившись в захваченном пункте, заговорщики с криком: «Коммуна! Коммуна!» рассыпаются по городу, будят граждан и захватывают город. — Но это только начало борьбы, продолжительной и упорной: недостаточно еще захватить город, нужно выжить из него феодала, а для этого нужно взять грозный замок и затем прогнать из города его вассалов. Осада замка продолжалась иногда целые недели: если горожанам удавалось его взять, то от него оставалась только груда камней и щебня. Бежавший феодал иногда возвращался с войском и жестоко расправлялся с городом, но горожане опять оживали и начинали борьбу. Так, город Chatlauneuf возле

Тура двенадцать раз восставал против своего сеньора, аббата Сен-Мартенского, и двенадцать раз был побежден. Победа над феодалом не всегда еще обозначала окончательное освобождение города: за феодала вступался другой барон, живший рядом с городом, или даже сам король, и борьба длилась целыми десятилетиями.

Рассматривая частные случаи из истории этой борьбы городов за освобождение, невольно начинаешь сочувствовать их неустанной энергии, их терпеливости и настойчивости, невольно становишься на их сторону. Ведь, в сущности, о чем здесь шло дело, как не о самых элементарных правилах гражданского общежития? Города добивались господства законов вроде следующих: каждая услуга требует платы; никто не может брать себе вещи без дозволения хозяина, и пр., — законов, без которых нам, пожалуй, трудно будет представить себе человеческое общество. И тем не менее эти правила, эти законы в XII в. считались мятежными, революционными! Но, с другой стороны, нельзя закрывать глаза и пройти молча мимо темных, кровавых явлений, сопровождавших борьбу городов. Это была борьба дикая; страсти разжигались до последней степени — и люди не щадили ничего для того, чтобы добиться своей цели. Для более полной характеристики коммунального движения, которое, без всякого сомнения, было самой драматичной страницей средневековой истории, я остановлюсь на двух примерах: на коммунах Лаона и Реймса; оба эти города были епископскими, и в обоих борьба была продолжительна и упорна.

В начале XII в. город Лаон был разбойничьим притоном; дворяне бросались на горожан ночью, даже среди белого дня, и вынуждали от них деньги; горожане захватывали крестьян, приходивших на рынок, и запирали их в своих домах; епископы произвольно налагали подати и умели их взыскивать с лихвой. В 1106 г. в епископы этого сварливого города был назначен человек, вполне его достойный, — воинственный норманн и охотник, особенно любивший говорить о сражениях и собаках. Своих подданных он обложил неслыханными

налогами; не довольствуясь обычными источниками доходов, он изобретал небывалые дотоле и между прочим чеканил фальшивую монету, которую под опасением строгих наказаний должны были принимать жители его страны. Обыкновенным исполнителем его бесчеловечных приказаний был негр, которого он выписал с Востока и держал при себе в должности палача. В 1109 г. он уехал на время из своего города, и жители, воспользовавшись его отсутствием, составили коммуну и деньгами склонили французского короля Людовика выдать им коммунальную грамоту. Епископ — его звали Галдерих — по своем возвращении высказал сильный гнев, но был смягчен деньгами, и коммуна, по-видимому, благополучно стала действовать в Лаоне. Так продолжалось около трех лет. Но в 1112 г. епископу наскучил новый порядок вещей, стеснявший его произвол, и он обратился к королю с предложением семисот ливров за уничтожение общины, а затем, в силу своей епископской власти, разрешил и короля, и себя от клятв, данных горожанам. Жители были изумлены таким оборотом дела, началось волнение; лавки и гостиницы были заперты, обычные занятия прерваны. Вскоре к этому присоединилась еще другая неожиданность: прошел слух, что ту сумму, какую епископ обещал королю за уничтожение вольностей, он взыщет ни с кого другого, как с тех же граждан. Ропот достигает крайних пределов, и 40 человек дают клятву — убить епископа и его сообщников. Галдериха тотчас же известили об этом готовящемся на него покушении, но епископ оказался слишком самонадеянным: «Вы думаете, — сказал он, — эти люди могут что-либо сделать своим смятением? Если бы Жак, мой негр, схватил за нос самого страшного из горожан, тот не посмел бы даже ворчать». На другой же день раздались по городу крики: «Коммуна!», и толпы лаонских граждан осадили дворец епископа. Только теперь Галдерих понял, что готовит ему судьба: переодевшись слугой, он забрался в бочку в глубине подвалов и там надеялся спасти себе жизнь. Горожане нашли его и здесь: «Кто тут?» — крикнул один из них, отведывая удар

палкой. «Жалкий пленник», — ответил епископ, дрожа от страха. Его вытащили за волосы из бочки, повлекли на улицу, убили там и уже мертвого подвергли разным оскорблениям; прочие знатные дворяне, находившиеся в городе, испытали то же самое, и город был с разных концов подожжен. — Наказать разбушевавшуюся коммуну явился французских король Людовик VI, но еще до его прибытия главные виновники возмущения скрылись, — и месть короля пала на более спокойных горожан. Все они были перебиты, и город разграблен; рыцари войска Людовика унесли с собой все, что можно было взять, даже мебель и замки от дверей. После этого порядок в городе был водворен, потому что в нем почти не осталось жителей и сам город обратился в жалкую деревушку. Спустя 16 лет король и новый епископ, однако, спохватились, что разорением города они нанесли ущерб своему же карману, и в 1128 г. Лаон получает новую грамоту, восстанавливающую прежние коммунальные права, хотя название новой хартии и было изменено: вместо *institutio communitalis* она была названа *institutio pacis*. История Лаонской коммуны, помимо своего бытового значения, любопытна в том отношении, что в ней борьба и соглашение шли рука об руку: без борьбы Лаон никогда не получил бы самостоятельности; однако хартия дается ему не как добыча или вознаграждение за победу, а в качестве милости со стороны короля и епископа.

История коммунального движения в городе Реймсе уже заметно отличается другим характером; она возбуждает интерес историка как по своей продолжительности и интенсивности, так в особенности потому, что она захватывает собой слишком широкий круг, привлекает к участию все элементы средневекового общества. Борьба реймских граждан за свободу открылась в первой половине XII в., длилась два следующих столетия и окончилась вместе с падением средневекового строя жизни и средневековой цивилизации. Окрестные городки — бурги, низшее население, окружавшее город, монастыри, епископы, король и, наконец, папа — все эти элементы Средне-

вековья вмешивались поочередно в эту борьбу, вставали то на сторону граждан, то на сторону их сеньора, действовали каждый в своих видах и со своим расчетом. Поэтому история коммунального движения дает в себе богатый материал для правильной установки того значения, какое имело освобождение городов в процессе развития средневекового общества и средневековых учреждений.

Город Реймс был епископским городом и занимал в ряду других французских городов передовое место. Он был духовной столицей Франции; французские короли здесь возлагали на себя корону; здесь же хранился священный сосуд с миром, ниспосланный, по католическому преданию, св. Ремигию для коронования Хлодвига; сам св. Ремигий считался его особенным покровителем. Святость города невольно переносилась средневековым человеком и на его сеньора — архиепископа Реймского и делала его особу неприкосновенной. В руках Реймского архиепископа, действительно, сосредоточена была громадная как моральная, так военная и материальная сила. Он — первое духовное лицо во Французском королевстве, кардинал и легат апостольского престола; он тесно связан с папой и находится под их преимущественным покровительством. Его владения обширны и разнообразны; кроме Реймса он имеет еще огромное число небольших городов и сел, принадлежащих реймской провинции, и его замки разбросаны кругом Реймса. В случае войны он мог выставить со своих земель сильное войско, которым он не раз оказывал помощь французским королям. Его доходы были многочисленны и поддавались постоянному увеличению; в самом Реймсе и в Реймском диоцезе было много богатых монастырей, зависевших от Реймского архиепископа и уделявших ему часть от своих богатств; в руках самого архиепископа находилась духовная и светская власть, которую он с удобством мог превращать в средство к добыванию денег. Вот с таким-то могущественным прелатом-бароном и вступила в борьбу Реймская коммуна. Она возникла в 1139 г. Это было время, весьма пригодное

для образования коммуны; кругом Реймса в Нуайоне, Бовэ, Амьене, Суассоне и Лаоне кипело уже восстание против феодальной власти; в самом Реймсе архиепископа не было: он умер, и его кафедра долго оставалась свободной вследствие ссоры французского короля с папой и отлучения, наложенного на короля с его Церковью. Пользуясь этими благоприятными обстоятельствами и по примеру ближайших городов, жители Реймса ввели у себя коммунальное устройство по образцу Лаонской коммуны и выхлопотали себе у короля грамоту, утверждавшую это устройство. Энтузиазм, поднявший знамя свободы в Реймсе, сообщился и окрестному населению — окружавшие Реймс бургы провозгласили коммуну, и даже крепостное, полурабское население обнаружило стремление войти в состав Реймской коммуны, куда их охотно и принимали. Скоро движение получило широкие размеры и грозило уничтожением не только светской, но и духовной власти архиепископа. Коммуна уже начала распоряжаться церковными и монастырскими людьми, и так как она не имела ни городской башни с вечевым колоколом, ни общественного дома, то собрания граждан происходили в церкви св. Симфориана, по звуку колоколов; коммуна начала даже отдельно совершать богослужение; она воспользовалась для этого одним низложенным священником, приставшим к партии самых крайних демагогов. Встревоженное духовенство обратилось к королю с просьбой прекратить беспорядки; сам Бернар Клервоский, подвижник, пользовавшийся огромным влиянием в обществе и уважаемый королями и папами, восстал против Реймской коммуны и умолял папу положить ей конец избранием архиепископа. Так дело продолжалось до 1170 г., когда на Реймскую кафедру был посвящен Сансон Мальвуазский. Новый архиепископ не хотел признать прав за коммуной, но он был человек слабого характера, склонный более к компромиссам, чем к решительным действиям, и готовый смотреть сквозь пальцы на нарушения своих прав. Войско Сен-Денисского аббата Сугерия и посредничество

Бернара примирило его с коммуной; коммуна было ограничена, церковь Симфориана отнята у нее и вновь освящена, но власть архиепископа уже не могла восстановиться опять в тех пределах, какие принадлежали ей до коммунального движения. До конца своей жизни Мальвуазен слабо боролся с коммуной и никогда не мог ее одолеть; он принужден был терпеть коммуну. Не таков был его преемник, Генрих Французский, брат короля. Своей задачей он поставил уничтожение коммунальных вольностей в Реймсе и, надо сказать, шел к выполнению этой задачи твердыми шагами. Он не хотел слышать ни о каких сделках и гордо отвергнул плату в 2 000 ливров, которую предложили ему горожане за сохранение коммунальной хартии. Вспыхнуло восстание; коммунары овладели укрепленными домами и выгнали из города приверженцев архиепископской партии. Тогда Генрих призвал короля на помощь и при содействии его войск разрушил до 50-ти домов главных заговорщиков. Но горожан было трудно испугать такой мерой; месть архиепископа не смирила их, а только еще более увеличила ненависть к нему, возбудила страсти и толкала на дальнейшее сопротивление. Как скоро королевский отряд удалился от Реймса, граждане снова взялись за оружие, захватили дома, принадлежащие архиепископу, а самого его заставили запереться в своем неприступном замке. На этот раз Генрих обратился не к брату, действия которого показались ему мягкими, а к светскому феодалу, графу Фландрскому, который и явился к Реймсу с шеститысячным отрядом. Борьба Реймской коммуны против своего епископа, таким образом, незаметно перешла в борьбу против феодальной власти вообще. Не имея сил противиться огромному войску фландрского графа, реймские граждане придумали весьма хитроумный способ: они все удались из города, уничтожив наперед съестные припасы. Войску нечего было есть, и рыцари, опасаясь голодной смерти, через сутки оставили город. Напрасно архиепископ умолял их, льстил им, давал разные обещания — голодные фламандцы спешили покинуть

пустой город. Генрих принужден был вступить в переговоры со своей паствой и заключить мир, выгодный для коммуны, но «убыточный и бесчестный для него», как выразился о нем один современник этих событий. Можно представить себе, как должна была подействовать на тогдашнее общество эта победа Реймса над суровым и энергичным феодалом! Она подняла дух коммуны не только Реймса, но и соседних городов и придала бодрости тем, которые еще не успели окончить борьбу за независимость. — Следующий за Генрихом архиепископ уже не пытался преследовать коммуну: он был миролюбивее своего предшественника и старался только о том, чтобы согласовать свои феодальные права с коммунальными стремлениями буржуазии и поставить границы между юрисдикцией городского совета и своим светским судом. Вследствие этих стремлений и по взаимному соглашению с представителями Реймса составлена была хартия, примирявшая обе спорящие стороны, которая и легла в основание дальнейшей истории этого города. Итак, Реймс в конце концов достиг своей цели; у него было самоуправление, хотя и ограниченное; у него была своя хартия вольностей, хотя и дарованная милостью архиепископа. Однако было бы ошибкой думать, что с дарованием хартии окончилась и борьба между городом и его духовным сеньором. Эта борьба продолжалась и после хартии; Реймсская хартия была компромиссом между феодализмом и городским самоуправлением и как таковая не отвечала ни тому, ни другому; епископы всегда стремились толковать хартию в свою пользу, горожане, напротив, добивались расширения своих привилегий. Уже Вильгельм Шампанский — тот самый архиепископ, который создал Реймскую хартию, — в письмах своим друзьям жаловался, что лучшие его намерения не удались, что он утомлен постоянными ссорами с коммуной. А его преемник Обри де Го-Вилье несколько раз обращался к королю с просьбой обуздать коммуну; он жаловался, что горожане не отдают ему — архиепископу — городских ключей, отказываются испол-

нять его распоряжения, требуют, чтобы его приказания наперед были утверждаемы городским советом. Впрочем, до жарких и кровавых сцен распря в Реймсе при этих двух епископах не доходила: она ограничивалась мелкими житейскими стычками между городом и его пастырем. В XIII в., при Людовике IX Святом, кафедру Реймскую еще раз занял убежденный противник коммуны, напомнивший Реймсу времена Генриха Французского, которому он приходился тезкой, — Генрих де-Брэн. Это был человек в высшей степени честолюбивый, отличавшийся смелостью и непреклонностью характера. Он сумел сдерживать и непреклонный дух католического монашества, и гордые претензии горожан, любил держать всех в повиновении. На северной стороне города архиепископы Реймские имели замок, построенный еще Генрихом Французским. Замок этот назывался Pont-Mars, потому что старинная римская арка в честь бога Марса, служившая некогда городскими воротами, была включена в одну из башен замка. Он представлял собой целую крепость, обращенную к городу; одной стороной он выходил в поле и посредством подъемного моста сообщался с окрестностями, что давало архиепископу возможность ввести в замок сколько угодно войска; с другой, городской, стороны он окружен был рвами, стенами и военными машинами. В этом-то неприступном замке и засел Генрих де-Брэн вместе со своим судом, наводившим ужас на реймских граждан. Сюда приглашали их к ответу, и никто, раз вступив в него, не был уверен, возвратится ли он назад целым и невредимым. У архиепископа по всему городу рассеяны были шпионы, доносившие ему обо всем, что там делалось и говорилось; и тот, кто был заподозрен в злокозненных в отношении к архиепископу намерениях, приглашался к нему на суд. Если горожанин медлил исполнить приказание, то с городской стороны епископского замка спускался подъемный мост, из него выходила стража и разыскивала обвиненного; когда виновному удавалось ловко скрыться, вместо него брали родственника или первого встречного

и держали в замке, пока не являлся разыскиваемый. Много горожан входило в это время в замок, но немногие возвращались из него назад. Мрачные и душные подземелья, пытки и истязания всякого рода оканчивали дело раньше, чем родственникам захваченного удавалось внести выкуп. Произвол епископа ничем не был ограничен; когда впоследствии, при усилившемся вмешательстве короля, Реймских епископов спрашивали, что случилось с тем или другим пленником, архиепископы отвечали, что они умерли во время заключения, — и на этом ответе следствие останавливалось. Мрачный характер архиепископа и деспотизм его правления вдохнули новую жизнь в Реймскую коммуну; она опять поднялась на защиту городской свободы и объявила войну архиепископу. Однажды в воскресный день декан и члены капитулы в торжественной процессии шли по городу: они провожали тело умершего собрата; в это время огромная толпа, следовавшая за процессией, напала на духовенство, осыпала их бранью и подвергла оскорблениям. «Они ухали на служителей Божиих, как на волков или как на собак», — с некоторым ужасом замечает об этом происшествии письмо папы Григория IX. Но это было только началом других более обидных для архиепископа и его каноников действий. В параллель епископскому суду, тяготевшему над гражданами, городской совет потребовал к своему суду архиепископских вассалов и чиновников, и одного из последних, а именно самого судью, приговорил к изгнанию. Затем он запретил всем в городе поступать в услужение к духовным не иначе как только на известных условиях, запретил продавать что бы то ни было каноникам и вступать с ними в сделки. Когда архиепископ, узнавший о городских бесчинствах, задумал произвести следствие, то городской совет издал запрещение говорить правду — и архиепископ не добился никакого толку. Наконец, воспользовавшись отсутствием епископа, отправившегося с отъездом по делам своего диоцеза, реймские горожане произвели открытое восстание и начали правильную осаду замка. Оставшийся

без своего главы капитул произнес отлучение на непокорных — и на это лишение духовной пищи горожане ответили лишением пищи материальной: коммуна запретила продавать каноникам жизненные припасы, и это распоряжение с точностью было исполнено. Тогда испуганный капитул тайно убежал из города, оставив свои дома на разграбление черни, и донес обо всем папе. — Папа решился применить к Реймсу самую крайнюю меру, какая была в его распоряжении и которая в течение Средних веков всегда оказывала могущественное воздействие на умы. В особой булле на имя реймского духовенства он приказал торжественно провозгласить отлучение на всю Реймскую митрополию по формуле, приложенной к булле. Вот эта любопытная формула, ясно показывающая, к каким средствам прибегали папы для защиты светской власти Церкви: «Властью Вселенских соборов и по примеру св. отцев, во имя Отца и Сына и действием Св. Духа, мы отлучаем жителей Реймса от недр св. матери Церкви как гонителей Церквей Божиих, хищников и человекоубийц, и осуждаем их анафемой вечного проклятия. Да будут они прокляты в городе, да будут прокляты в селе. Да будут прокляты имена их, и тела их да будут прокляты. Пусть падет проклятие на плод утробы их и на плод земли их. Пусть падут на главу их все бедствия, которые Господь изрек устами Моисея против нарушителей закона. Да будут они анафема, маранафа, т. е. да погибнут они во второе пришествие Господа нашего. Никто из христиан не должен им говорить приветствия. Ни один священник не должен служить для них обедни, не должен давать им причастия. Пусть они будут погребены во гробе осла, пусть, как помет, будут брошены на лицо земли. Если они не принесут плодов, достойных покаяния, то да угаснет свет их, как гаснут светильники в руках наших».

Приказание папы было исполнено; приведенная формула прочитана была в соборном храме Реймса при унылом звоне колоколов. Ее читал епископ в полном облачении, окруженный двенадцатью священниками с зажженными факелами в руках; с последними

словами формулы епископ и священники бросили факелы на землю и попарили их ногами.

Отлучение оказало должное и желательное для папы действие. Против Реймса теперь выступил сам король и отнял у него все права, добытые им во время восстания. Коммуна также должна была заплатить за все убытки, понесенные архиепископом и капитулом, восстановить все разрушенные дома, исправить повреждения и заплатить архиепископу 10 000 ливров. После тревожной жизни в городе наступила тишина; утомленные и разочарованные жители подчинились силе обстоятельств; но они не отказались и теперь от своих притязаний. При преемниках Генриха коммуна снова обнаружила признаки жизни и стремление к самостоятельности, снова начала ссоры с архиепископами. Это было уже во второй половине XIII в., когда во Франции достаточно окрепла королевская власть и парламент приобрел значение высшего судебного трибунала. Борьба коммуны с притязаниями феодального барона с этого времени переносится в парламент, и хотя она велась с тем же ожесточением и с той же ненавистью, что и прежде, но уже не посредством оружия, а при помощи разных юридических тонкостей и изворотов. Настали другие времена, и прежняя свобода борьбы уличной уже была неприменима. Таким образом, спор Реймской коммуны с епископом тянулся в продолжение нескольких веков и развивался при самых разнообразных условиях: то коммуна брала верх над архиепископом, то архиепископ разрушал коммуну, и при этом, однако, ни одна сторона ни разу не достигала полной и окончательной победы. При двух архиепископах Генрихах коммуна, казалось, совсем была раздавлена, но проходит два-три года — и она вновь возрождается, вновь начинает свое дело. Однако и коммуне не удастся добыть себе в полностью то, к чему она стремилась; даже в самые цветущие годы своего существования она не была коммуной в собственном смысле, т. е. полной и самостоятельной республикой: она всегда находилась в зависимости от сеньора и несла

ряд не совсем легких обязательств. И если мы спросим, кто победил в конце концов, то должны будем ответить так: победил парламент и его король. Вмешавшись в распрю коммуны с архиепископом, парламент постепенно и незаметно отнял политические права у того и другого и присвоил их королю: архиепископ обратился в духовного аристократа, а коммуна — в городское управление, подчиненное центральной власти, — результат, который впоследствии разделили с Реймсом и все другие французские коммуны.

Рассмотренные коммуны — Лаонская и Реймсская — имеют тот общий признак, что обе они возникли путем революционным, посредством отчаянной борьбы с сеньорами. Этот признак и является вообще характеристичной чертой истории освобождения северной полосы *французских* городов. В других странах Европы — в Англии и Германии — мы уже не встречаем ни коммунальной революции, ни тех драматических эпизодов, какими сопровождалась эта революция во Франции. Процесс освобождения городов в них идет медленно и спокойно, без толчков, без ссор, без войны, в связи с общим политическим и гражданским развитием страны. Так, в Англии бурги не имели надобности оружием завоевывать себе муниципальную свободу: они легко могли купить ее себе за деньги, как, например, и поступили граждане Лейчестера. Мало того, даже и к этому легкому средству английские города не всегда должны были обращаться. По особым причинам в Англии феодализм никогда не обладал такой политической силой, какая принадлежала ему на континенте; сеньоры здесь жили ближе к городам, действовали заодно с ними и прямо были заинтересованы в их развитии и самоуправлении. Поэтому в Англии не редкостью было встретить таких либеральных феодалов, которые нисколько не противились стремлениям городов к свободе и даже сами, по собственному почину, дарили им то, перед чем приходили в ужас бароны северной Франции. Таковы были графы Ponthieu и в особенности Вильгельм III, который добровольно даровал коммунальные хартии

нескольким городам; такими же действиями прославилась и Жанна Константинопольская, раздававшая привилегии городской вольности направо и налево.

Совершенно особая судьба выпала на долю германских городов. Эти города должны были пройти две ясно намеченные стадии своего развития, прежде чем успели добыть себе самостоятельность. В XII в., когда коммунальное движение в Средней Европе достигло высшей степени своего напряжения, германские города, подобно северо-французским, пытались освободиться через восстание, но встретили против себя тогда еще могущественную силу германского императора, от которого они прямо зависели. Они получили поэтому только некоторые гражданские льготы и гарантии, а не политические права, которых они добивались и которые император не хотел им уступать. Это гражданское освобождение и было первым моментом в развитии самостоятельности германских городов; лет сто спустя за ним последовал второй и окончательный фазис развития, когда в Германии появляются вольные города, только номинально зависящие от императора, на самом же деле пользующиеся всеми правами верховной власти. Он вызван был разложением Германской империи на отдельные герцогства и княжества, совершившимся в XIII в., и тем унижением, в какое была поставлена императорская власть после вековой борьбы за Италию и против папства.

Таким образом, за время от XI до XIII в. вся Европа пережила одно и то же великое движение и одинаково во всех странах изменила свой вид; городские общины, прежде молчаливые и столь смиренные, что о них ничего не было известно, возвышают свой голос, развиваются, стремятся к одной и той же цели — освобождению и, несмотря на различие эпох, стран и препятствий, все более или менее приближаются к этой цели; общий поток увлекает в этом направлении все значительные европейские города, и карта феодальной Европы от севера до юга усеивается независимыми, привилегированными общинами. Общественное сознание средневеко-

вой Европы расширяется и обогащается новой идеей, идеей свободного города, и в политическом языке появляются новые слова: «коммуна», «буржуазия», «третье сословие».

Освобождение городов совершилось; посмотрим теперь, на каких началах устроились освобожденные города и в чем заключалась их свобода.

Что такое представлял собой освобожденный средневековый город? На этот вопрос историческая наука отказывается дать один общий, верный действительности и исчерпывающий сущность дела ответ. Средневековые города, как мы видели, имели почти одну и ту же историю, действовали в одних целях и под влиянием одинаковых побуждений, и однако же результатов они достигли различных. Одни города получили почти полную свободу, сделались автономными республиками; другие освободились только номинально, на хартии, в действительности же продолжали оставаться в полной политической зависимости от сеньора. В одних вся городская власть сосредоточилась в руках немногих семейств, аристократов, напоминавших собой древние олигархии Греции; в других всеми делами города ведало и управляло общее собрание горожан. Это различие и даже противоположность в конституциях городов после их освобождения хорошо объясняется историей самого коммунального движения; города восставали и боролись за свою самостоятельность вне взаимной связи, в одиночку, вразброс; каждый город опирался на свои силы, имел против себя своего сеньора и в конце концов добывал свою хартию вольностей и привилегий, составленную ввиду местных городских условий и в зависимости от местных же обстоятельств борьбы. Энергия горожан, объем их требований, личный характер сеньора и множество других побочных и мелких причин влияли на исход городского восстания и обуславливали собой содержание коммунальной хартии. Поэтому при изучении городских учреждений гораздо более легким оказывается установить между городами известную иерархию, начиная с полной автономии и кон-

чая последней ступенью подчиненности, чем классифицировать их по определенным типам. И действительно, были историки, которые прямо отказывались от методического изучения городских учреждений и заявляли, что сколько хартий — столько и типов городской свободы и самоуправления. В настоящее время, однако, это мнение, как крайнее, оставлено, и историческая наука обыкновенно делит города в отношении к их привилегиям на два класса: на города буржуазии и города коммунальные. Различие между обоими этими классами городов заключается в том, что города буржуазии, обеспечив себе ту или другую долю гарантий против сеньориального произвола, т. е. получив известную сумму гражданских прав, никогда не могли достигнуть самоуправления или политической независимости, они управлялись по-прежнему своими сеньорами; коммунальные же города сделались городами, независимыми от сеньора, управлялись своими должностными лицами, встали рядом с сеньором и обратились как бы в коллегиальные сеньории; как сеньор был полным государем в своем поместье и не терпел никакого постороннего вмешательства, так и коммунальные города являлись маленькими государствами или республиками, причем верховная власть в них вместо сеньора принадлежала общему собранию или городскому совету, или аристократии, или, наконец, выборным должностям. Нужно помнить, впрочем, что это разделение условно и никогда не существовало на практике; оно принято наукой только потому, что другой лучшей и более обоснованной классификации городов дать просто невозможно.

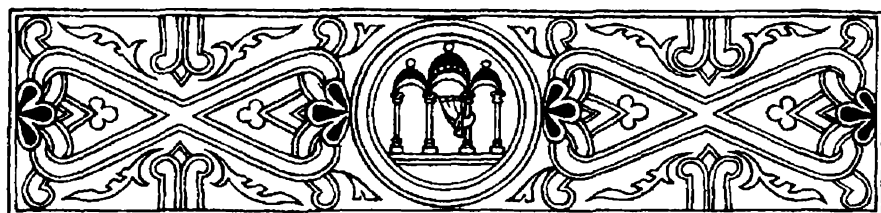
Спрашивается теперь, какие же изменения были внесены этим фактом в политическую жизнь Европы и как он отразился на дальнейших судьбах феодализма? Ответ на этот вопрос отчасти уже ясен сам собой; освобождение городов ограничивало феодализм, ослабляло силу феодальных сеньоров и вырывало из их рук весьма значительную долю власти. Рядом с феодальным строем оно поставило совершенно новое политическое явление — городскую

общину, которая никак не могла войти и поместиться в рамках этого строя. Этот характер городской общины хорошо понимали и сами феодальные сеньоры, поневоле или с доброго согласия наделявшие города хартиями вольностей. Если всмотреться в городские хартии, то легко можно заметить, что все они представляли собой как бы компромисс, некоторую своеобразную сделку между феодализмом и новыми стремлениями городов. Города, однако, никогда не были довольны хартиями и, получив их, все-таки продолжали борьбу с феодализмом, беспрестанно старались расширить свои прерогативы за счет сеньора. И это понятно: городам, т. е. торговому и ремесленному люду, еще недостаточно было устроиться прочно и мирно внутри своих стен; для успеха в занятиях им нужно было создать твердый общественный порядок, который делал бы возможным широкую торговлю и процветание промышленности; им нужна была общая центральная законодательная власть, которая могла бы обеспечить мир не только в городах, но в целой стране в интересах общего преуспевания. Эти-то стремления городов создать новые общественные порядки и погубили феодализм, основанный на дробности, обособленности общественных отношений. Справедливо замечают, что каждый успех среднего сословия был ударом для феодализма; в век освобождения городов таких ударов нанесено было уж слишком много: здание феодализма не вынесло их и стало постепенно разрушаться; оно уступило свое место новым центральным учреждениям, сосредоточившим в себе всю верховную власть над той или другой страной и обратившим эти страны в известные нам государства Европы.

Процесс образования новых учреждений в разных частях Европы совершается различно, и огромную роль в нем играют освобожденные города. В сущности, весь вопрос в этом процессе сводится к тому, как поведут себя города в отношении к вновь возникавшей или сохранявшейся и при феодальном строе королевской власти. Дальнейшая история дала на этот вопрос самые разнообразные от-

веты. Во Франции города встали на сторону короля, увеличили его силы и содействовали победе королевской власти над феодалами; союз городов с королем создал здесь новое государство в форме строго централизованной монархии. В Англии, напротив, города действовали рядом и заодно с феодалами против произвола королевской власти; соединившись силами, города и феодалы здесь ограничили королевскую власть и на ее место поставили новое учреждение — учреждение центральное по отношению ко всей стране, но в то же время выборное, конституционное, т. е. парламент. В Германии города не вступали в союз ни с императором, ни с феодалами; они удовольствовались той долей, какая досталась им после их освобождения в XIII в.; поэтому-то и Германия к концу Средних веков не могла составить из себя самостоятельное целое: она распалась на множество отдельных феодальных княжеств и вольных городов, над которыми император до самого позднейшего времени имел только номинальную власть. Наконец, в Италии города поглотили собой и феодализм, и королевскую власть. Италия, как и Германия, в конце Средних веков составляла собой отдельные государства, но эти государства здесь сосредоточились в городах, живших и действовавших совершенно особняком друг от друга.

Таким образом, возрождение западно-европейских городов и возникновение нового буржуазного класса населения, вошедшего в качестве равноправной и самостоятельной единицы в состав средневекового общества, разрушило феодальный порядок и сделалось источником новых политических образований во всех главнейших странах Западной Европы, предваряющих собой уже эпоху Нового времени. Здесь исторический пункт, над которым исследователь западно-европейского Средневековья, понимаемого в точном смысле этого слова, может поставить точку.

Содержание

Лекции по истории западно-европейского Средневековья А. А. Спасского	5
Римская империя в эпоху падения	11
Германцы, их быт и союзы	34
Эпоха Великого переселения народов и ее ближайшие результаты	70
История Франкского королевства	112
Монархия Карла Великого и процесс ее распада	141
Процесс образования западно-европейских национальностей	173
Феодализм	189
Средневековые города и их значение в истории цивилизации Западной Европы	249

Научно-популярное издание

Анатолий Алексеевич Спасский

**ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ
ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Директор издательства: О. Л. Абышко

Редактор: Л. А. Абышко

Корректор: Н. М. Баталова

Оригинал-макет: Ю. В. Никитина

Набор: Е. А. Хошимова

**Издательство Олега Абышко,
198332, Санкт-Петербург, пр. Маршала Жукова, 37–1–71**

**По вопросам реализации книги обращаться:
в Санкт-Петербурге**

Центр Православной книги «КИФА»

**Издательство и склад: тел. / факс (812) 232–9274.
E-mail: kifakniga@yandex.ru. Сайт: www.kifakniga.ru**

ООО «Университетская книга — СПб»

Тел. (812) 317–8972; e-mail: ukniga@sp.ru

**Торговый Дом «Гуманитарная Академия»
Сестрорецкая ул., д. 8. Тел. / факс: (812) 430–7074.
E-mail: gumak@mail.ru. Сайт: www.humak.ru**

в Москве

**Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Тел. (495) 681–2009. E-mail: knigi@blagoslovenie.su
Сайт: http://blagoslovenie.su**

ООО «Университетская книга — СПб»

Тел. (495) 915–3284; e-mail: ukniga-m@libfl.ru

ИТД ГК «Гнозис»

Тел. (499) 255–7757; e-mail: gnosis@pochta.ru

**Для заказа книг «Издательства Олега Абышко» (СПб.)
по почте пишите по адресу:
198332, Санкт-Петербург, пр. Маршала Жукова, д. 37, корп. 1, кв. 71.
E-mail: oleg0107@yandex.ru**

**Подписано в печать 30.09.2008. Формат 60×88¹/₁₆.
18 печ. л. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 3573
Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука».
199034, Санкт-Петербург, 9 линия В. О., д. 12**

Анатолий Алексеевич Спасский (1866–1916) — замечательный русский историк древней Церкви, профессор Московской Духовной академии, ученик и преемник по кафедре знаменитого А. П. Лебедева. «Лекции по истории западно-европейского Средневековья» тематически охватывают период истории Римской империи от начала IV в. до возникновения крупных городских центров в эпоху феодализма (вплоть до XII в.). Подробно рассмотрены быт и союзы германских племен, возникновение варварских королевств в эпоху Великого переселения народов, история Франкского королевства и монархии Карла Великого. В книге убедительно показано, что только Церковь могла быть и в конечном итоге стала и опорой, и основой нового государственного строя Европы после разрушения Римской империи в результате нашествия варваров. Как и все работы, вышедшие из-под пера А. А. Спасского, данные «Лекции» обладают всеми своими обычными достоинствами: высоким научным уровнем, интересным содержанием и прекрасным изложением. Для всех интересующихся историей Церкви.